

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**МАСКАРАД
ДУШИ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	7
ЧАСТЬ 1.....	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	39
Глава 12	41
ЧАСТЬ 2.....	45
ГЛАВА 1.....	45
Глава 2	46
Глава 3	51

Глава 4	52
Глава 5	57
Глава 6	57
Глава 7	61
Глава 8	67
Глава 9	69
ЧАСТЬ 3	72
Глава 1	72
Глава 2	75
Глава 3	77
Глава 4	80
ЧАСТЬ 4	82
Глава 1	82
Глава 2	85
Глава 3	89
Глава 4	91
Глава 5	92
Глава 6	94
Глава 6	95
Глава 7	98
Глава 8	103
Глава 9	105

ЧАСТЬ 5	107
Глава 1	107
Глава 2	110
Глава 3	111
Глава 4	113
Глава 5	116
Глава 6	119
Глава 7	122
Глава 8	127
Глава 9	130
ЧАСТЬ 6	133
Глава 1	133
Глава 2	135
Глава 3	139
Глава 4	144
Глава 5	144
Глава 6	146
Глава 7	148
Глава 8	150
Глава 9	152
Глава 10	155
ЧАСТЬ 7	159

Глава 1	159
Глава 2	167
Глава 3	172
Глава 4	174
Глава 5	178
Глава 6	180
ЧАСТЬ 8	181
Глава 1	181
Глава 2	188
Глава 3	192
Глава 4	195
Глава 5	198
ЧАСТЬ 9	201
Глава 1	202
Глава 2	203
Глава 3	207
Глава 4	208
КНИГА 2	213
ЧАСТЬ 1	213
Глава 1	213
Глава 2	213

Глава 3	216
Глава 4	216
Глава 5	219
ЧАСТЬ 2.....	223
Глава 1	224
Глава 2	225
Глава 3	227
Глава 4	229
Глава 5	229
Глава 6	232
Глава 7	235

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

Прошлое убегает, ускользает от нас. Оно все время норовит превратиться в какую-то невидимую, прозрачную безмерность»; раствориться среди того, что как будто бы постоянно окружает нас.

Но мы должны научиться различать его. Это шанс. Это действительно шанс. И оттого, как мы воспользуемся этим шансом – зависит и дальнейшее наше существование.

С.А.

Зелинский

Маскарад души

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Маскарад души

С. А. Зелинский.
Маскарад души. Роман.— CANADA.:
Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014.
— 202 с.

ISBN 9781312154926

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

роман

Маскарад души

"Жизнь человеческая представлялась ему маскарадом..."

Г. Флобер

ЧАСТЬ 1

Глава 1

"Вот мы и встретились... Мне так много тебе хотелось сказать... О многом... О многом рассказать... Но насколько ты сейчас поймешь то, о чем я буду говорить?..", --Артемьев закрыл дневник. Нет. Мысли его не ушли. Они вообще не отпускали его. Можно даже сказать, его мысли единственное, что у него осталось своего. В чем он мог не сомневаться. Мысли, которым можно было доверять. Единственное.... Кому он еще мог доверять.

Он был еще сравнительно молод. Пусть не любил он говорить о возрасте, но Артемьеву было 40. Может 42. Не больше. Вся его жизнь могла разделиться на два больших отрезка. Детство, юность, молодость. И жизнь от 20 до 40. Получалось как бы два больших пласта. Совсем неравнозначных. И... различимых друг от друга.

Обозначенные два периода жизни действительно отличались друг от друга. В одном из

них он был относительно молод. Это был тот период, в осознании которого у него была вполне осознаваемая форма. Он мог при случае и вовсе - списать любые поступки, которые произошли в этот период - на детство. И в чем-то был бы прав. Но было и одно "но". Именно этот период был главным. Как раз из-за того, что как раз в нем - получило свое зарождение то, что потом висело над ним проклятием. Тем проклятием, от которого невозможно было избавиться. Да даже если бы и захотелось, совсем ничего нельзя было бы с этим поделаться. Его прошлое существовало даже независимо от того, хотел он того или нет. И уж, конечно же, независимо от того, что он об этом думал. Оно существовало совсем независимо от каких-либо мыслей о нем. Существовало просто само по себе. И с ним (как минимум) необходимо было считаться.

Артемьев подозревал, что это прошлое еще скажет свое слово. Даже сейчас то, о чем оно только шептало, - приводило Артемьева к ощущению безысходности. Той самой безысходности, когда совсем не хотелось жить.

Но он жил. Он жил, потому что должен был разобраться со всем происходящим. Да и... У него было три сына. Были они от разных жен, и жили в совсем других городах, но... Он не мог допустить, что если с ними начнется то, что он испытывал сейчас - они не смогли бы разрешить начавшихся в душе противоречий. А значит... А значит требовалось разобраться во всем ему самому. И... описать это.

Пусть это будет даже не дневник. Да и какой это дневник? Скорее это, -- история болезни. Так вот пусть то, о чем будет записывать он - так будет и называться.

История болезни... А почему бы и нет... Хотя в том что он болен - многим приходится сомневаться. Многим. Всем. Нет, пожалуй, все-таки многим. Но это только из-за его скрытности. Скрытности души. Ну, а почему он должен перед всеми раскрывать душу?..".

Артемьев задумался. Начиналось как вроде бы неплохо. Быть может, требовалось еще что-то подправить. Дополнить. Но это так... Это он все сделает после.

Как раз это - ему и предстоит сейчас сделать...

Глава 2

Требовалось с чего-то начать...

Артемьев задумался. Думать ему приходилось и раньше. Можно было даже сказать, что он только и делал в своей жизни - что думал. Он даже работу выбрал такую - чтобы думать. А если не думать - зачем жить? Но это так. К слову. На самом деле, если не думать - то можно попасть в ловушку. И только из-за того, что кто-то что-то *продумал* лучше, чем ты. Поэтому Артемьев думал всегда.

Артемьев работал в институте. Преподавателем. На кафедре психологии. Это было то место, которое он ценил. Он мог устроиться на десятки мест. Еще начиная со студенческих лет, у него стали возникать предположения о том, где он будет работать. И он на самом деле мог работать во многих местах. И одновременно. И отдельно, выбирая что-то понравившееся ему. Но... Ему нигде не нравилось. Он даже не хотел пытаться. А все из-за того, что *думал*. Да еще прокручивал в голове все эти

"различные варианты". И ни одно его не устраивало. Он не мог лгать. Не хотел изворачиваться. Не был способен *использовать любые цели для достижения цели*. В этом случае нарушалась бы его внутренняя гармония. Та гармония, которая была для него важна. Необычайно важна. Можно даже сказать - это было главное, к чему он стремился. А все остальное - как-то *строилось и укладывалось в ровные ряды* само.

Ничто не должно было нарушать этой гармонии. Ничто. Как ничто и не способно было ее нарушить. Слишком долго он к этому шел. Чтобы так вот. Разрушить в один миг.

Нет. Этого бы он и не смог допустить. Никогда. Никогда.

Из чего же складывалась эта "внутренняя гармония"?.. Ну, это все-таки очень важно для него, чтобы ответить сейчас. Это было действительно очень важно для него. Это то, что он выстраивал годами. Годами. И так просто... Нет. Такого допустить он не мог.

Глава 3

В который уж раз Артемьев задумывался над одним и тем же.

Вот ведь как оно выходило... Ему давно уже приходилось смириться с тем, что он -- как будто бы это уже "и не один он". И его душа - это даже "не один", и "не два", а "много", невероятно "много" различных лиц... Они все имели "право на существование". Все. Потому как, стоило только подумать о том, чтобы на какую-то мысль "не обратить внимание", и тотчас она раздувалась до

таких размеров, что уже приходилось "думать только о ней".

Все заставляло думать только о ней.

И разве можно было как-то иначе?

.....
.....

Артемьев знал, что он *сложный* человек. Давно знал что "сложный". Что невероятно "сложный". И не то, чтобы он не знал, что с этим нельзя было ничего поделывать. Нет. Он просто боялся задумываться: должен ли он был что-то с этим делать?

.....
.....

Наверное, все же намного разумнее было *смириться*. Смириться с тем, что это и не он один вовсе. А много. Что их невероятно много. И все как один. Заслуживают его внимания.

Ну а как было еще иначе?

Иногда Артемьев даже вел диалог со всеми ними. "Диалог - разговор двух и более лиц..",-- помнил он еще со школы. Так и было. Двух или нескольких. Чаще нескольких.

Ну, быть может в последнее время скорее "нескольких". Но неужели когда-то было "двух". Хватало "двух"...

Он даже представить себе не мог, что когда-то было "двух"... Он совсем уже не помнил то время. А быть может, он тогда просто обманывал себя.

Или не замечал... Должно быть, скорее не замечал...

Конечно же, "нескольких". Разговор "нескольких" лиц... И всеми этими лицами был он сам.

Вот ведь как...

"Наверное раньше было то время, когда я смог бы что-то предотвратить... Нет. Наступление самого "факта" - уже, конечно же, не мог. Все должно было произойти независимо от меня. И какое-то "желание" или "нежелание" здесь вовсе не требовалось. Но вот так получалось, что просто на той, ранней стадии (стадии чего? Симптоматики психического отклонения? Быть может... Но тогда можно было признать что я сумасшедший. Или полу-сумасшедший...), мне наверняка еще многое было "под силу". (Ну, по крайней мере, я могу себя еще *тешить*этим).

Но тогда как же все было на самом деле?.. Ведь получается, что это непременно важно для меня. Очень важно. Ну как будто я могу действительно решить, что что-то мог сделать... А если бы смог?!

Не такой уж простой у нас получается разговор.
-- У нас?
--У нас, у нас...

--Ах да... У нас...".

Артемьев не обращал внимание на отрывочность ведения записей. Это было совсем не важно. Для него был важен сам факт: засвидетельствовать то, что когда-то было. И это ему показалось очень важным. Да непременно *важным* и было. А какая разница, как он ведет эти записи? Потом, при желании, он может и структурировать все это. Но сейчас это совсем не нужно. Зачем? Зачем это делать сейчас? Любая аналитическая работа базируется на факте пусть незначительных (по количеству) но все же мыслей. А если этих "мыслей" немного; да если они еще изложены со всей полнотой - то это настоящий клад для изучения. Тогда будет в чем покопаться ему. Ведь вполне может так случиться... (Артемьев задумался)... Ведь может так случиться, что из всего, о чем напишет он - и не найти будет того, что как-то поможет ему...

Хотя нет. (Артемьев тряхнул головой. Мысли его бежали настолько быстро, что его длинные жесткие волосы местами были мокрыми. Но он совсем не обращал на это внимание). Нет. Главнее было то, что он уже в процессе всех этих записей (да что записи?! Мысли, приходящие сейчас мысли, важны!) сможет (должен) нащупать то, что должно его спасти. Что должно остановить это безумие. Этот хаос в сознании. Остановить... Ну хотя бы как-то замедлить...

Это было важно сейчас. Как было важно и то, что действительно необходимо было прийти к каким-то выводам...

Все-таки детство...

Тот жизненный период (обозначенный им самим же, как *первый пласт воспоминаний*, и разделяющийся годами с первого, и где-то, двадцатого, его жизни,-- и на самом деле был очень важен. Именно тогда закладывались основы того, с чем дальше ему приходилось жить.

Смириться?.. Так то уж надо было ему с чем-то смириться?! Да, по большому счету, еще ничто и не происходило в его жизни. Или нет. Уже быть может, произошло в ней *все!* И от того, как он теперь "соберет разбросанные камни" - будет зависеть дальнейшее продолжение самой жизни.

Артемьев все чаще задумывался "о жизни".

"О жизни" он думал всегда. Поначалу - часто из-за того, что просто знал: что должен думать. Наверняка он тогда еще не приходил к каким-то по настоящему серьезным заключениям. Да и, скорее всего, они (если и были), то касались чего-то совсем уж общего. Да он и не смог бы в те годы прийти к каким-то другим заключениям. Не смог бы.

Но сейчас время пришло. Сейчас подошло как раз то время, когда ничем он другим и не должен заниматься. Это было еще и непременно важным именно потому, что не сделай он этого шага,-- и может уже не потребуется делать никакого другого...

А значит вновь и вновь, Артемьев возвращался к своим воспоминаниям.

Удивительное дело. В воспоминаниях о прошлом, Артемьев совсем не касался каких-то уж совсем не нужных деталей. Он как будто избегал упоминания каких-то имен. Что были эти имена.

Большинство из них он не вспомнил. А придумывать?.. Зачем он должен что-то придумывать?!

Но верно почти наверняка (да почему почти?), что все это было "правда". Конечно, "правда", - с учетом *специфики* памяти. С учетом *техвытесненных* (из памяти) моментов - которые сейчас необходимо было "воскресить". Ибо, в двух словах.

Наша память имеет следующее свойство. Она как бы "вытесняет" нежелательное. *Болезненное* для себя. Это очень важно. Важно и для дальнейшей нормальной деятельности психики (и отсюда - полноценной жизни). Важно и для самих воспоминаний. Для *значительности* их. Что может быть менее значимым, чем воспоминания? Ведь память (и воспоминания),-- это возможность *прикосновения к прошлому*. К прошлому, которое в иных случаях, может быть безвозвратно потеряно. А так... Так мы ухватываемся за возможность попытаться удержать уходящее...

Прошлое убегает, ускользает от нас. Оно все время норовит превратиться в какую-то невидимую, прозрачную безмерность; раствориться среди воздуха; мимикрировать среди того, что как будто постоянно окружает нас.

Но мы должны научиться различать его. Это шанс. Это действительно шанс. И оттого, как мы воспользуемся этим шансом - зависит и дальнейшее наше существование.

И Артемьев должен был сделать все, чтобы успеть ухватить это *ускользающее прошлое*...

В его состоянии - это было и не так трудно. Мысли, эти страшные мысли раздирали его. Нужно было просто брать - и фиксировать их.

Но думать так - было бы слишком просто. Точнее--в какой-то мере он это и делал. Но вот то, что это приводит к тому результату который он ожидал... Нет. Это совсем еще не значило, что это может привести к тому результату, которого он ожидал.

Как раз тут и требовался анализ. Очень тщательный; детальный анализ происходившего. Анализ, когда на мельчайшие составляющие будет раскладываться все когда-то испытанное им. То, что он испытывал сейчас; то, что наверняка (да конечно же наверняка) с ним будет происходить и завтра.-- было очевидно. "Завтра" -- он может уже совсем потерять способность что-либо различать - что бы что-то анализировать. А просто так фиксировать?..).

Артемьев понимал, что сам себя загоняет в угол. Он уже не мог отступить. Не мог даже просто сделать шаг назад. Нет. Это он уже не мог. И даже не потому, что это было бы ошибкой. Это было бы - *поражением*. И это было бы концом.

Глава 4

Сколько раз... Сколько раз он понимал (мучительно понимал; понимал со всей болью!), что ему уже не дано вернуться. Но сколько раз, постоянно ломая в себе что-то - он возвращался. Он настойчиво стремился туда - где только начиналось то, во власти которого он находился теперь. После. Теперь. Теперь,

уже конечно же, теперь... Но тогда. Вот бы ему тогда успеть как-то по иному взглянуть на что-то. Вот бы ему тогда успеть задержать, остановить, пойти совсем по другому пути. Пусть такому же ошибочному, но быть может... Но быть может, это и не был бы уж такой ошибочный путь?! Может быть все еще могло получиться иначе; с совсем другим раскладом?

.....

.

А как все начиналось?

Почти обычное детство. Но обычное оно могло быть у всех. У всех других. Но - не у маленького Сережи Артемьева.

Сережа все больше чувствовал, что, возможно, все происходит и не совсем так, как должно. Но откуда ему знать: как должно? Действительно - откуда? И он понял, что чтобы узнать то, как это *должно* - он должен просто быстрее стать старше. Взрослее. У взрослых совсем все иначе. Взрослые оценивают детей снисходительно.

Снисходительно... Это слово он стал ненавидеть с тех пор. Он решил для себя, что когда вырастет - не позволит никому относиться к себе снисходительно. Никому. А для этого - надо стать умнее всех. Надо знать больше их. Надо стать сильнее их. Надо сделать так, чтобы не нуждаться ни в ком. Не зависеть ни от кого. Надо сделать так, чтобы все зависели от того, что скажет он. Чтобы все ждали - что подумает он. О чем подумает он. И чтобы было

так - надо... надо было учиться. А еще посмотреть, как это делали другие.

Сережа неожиданно открыл для себя другой мир. Вернее - на мир который был вокруг - он теперь мог смотреть совсем по-другому.

Когда ему исполнилось пять лет - он прочитал первую большую книгу. (Прочитанных "маленьких" было много. Но то, что он смог прочитать именно эту книгу - и, главное, то, как он смог ее понять; что-то в ней понять) было особо значимо для него.

Этой книгой был роман Флобера "Воспитание чувств". (Сейчас он сомневался - насколько он тогда действительно ее понял. Но именно этот роман, он видел, часто читал его отец. И именно этот роман, всегда хотел прочитать он).

Вообще, отец всегда был примером для него. Сережа не знал,-- кем работал отец? Не знал,-- где? Он видел только, что отца постоянно привозит и увозит машина. Видел, что другие, взрослые, улыбаются при виде его. Видел, как все стараются чем-то угодить ему. Заслужить его расположение (вот как это называлось, - понял он позже). И вообще он понимал, что отец какой-то большой начальник (слово тоже не совсем понятное ему тогда). Но ведь почти также относились и к его маме. Уже другие взрослые, но они точно также улыбались и заискивали перед его мамой.

И что помнил Сережа тогда. Если отец с какой-то радостью (словно это было вполне разумоющемся) принимал все от других взрослых, то мама все время злилась на них. И часто к ней - могли подступиться

только сначала чем-то, стараясь понравиться сыну. То есть, ему, -маленькому Сереже.

(Уже только когда Сережа учился в школе - да и то, в классе 5-6, а может и 7-8, ему объяснили, кем были его родители. Насколько правильно он понял это и тогда? Но именно это "объяснение" - по-моему, от самих же родителей - помогло ему что-то лучше понять в этой жизни. Его отец был зав.отделом науки в обкоме партии. Мать - 2-м секретарем горкома партии. Жили они все тогда - в том числе и маленький, и уже, впрочем, и не совсем маленький, Сережа в одном большом городе. Но пока еще не в Петербурге, куда он приехал уже позже).

Но нет. Он не совсем готов сейчас совсем отпускать свою память. С недавних пор он стал бояться этого. Воспоминания о прошлом и так грозили взорвать его. Его мозг пока еще не был готов к этому. Ему плохо. Артемьеву вдруг стало плохо. Сознание неожиданно переполнилось прошлым. Из последних сил он старался удержаться. Что ему помогло бы в этом. Он просто обязан был сдерживаться до времени. Настоящее время еще не наступило. Еще было слишком рано.

И... Он уже не мог без прошлого...

Он прочитал "Воспитание чувств". Теперь он был уже взрослый. 5 лет. Это тоже возраст. Тем более когда вы чувствуете, что вам совсем даже не пять. 10?.. 10... А может и больше...

В 10 он перечитал Флобера. Это были три романа: "Воспитание чувств", "Мадам Бовари", "Саламбо"... И он уже не совсем понял его. К этому времени мальчик прочитал собрание сочинений

Стендаля, Мопассана, Дюма (еще в 6 лет), Горького, Чехова, Тургенева... Он уже читал Пушкина (50, ровно 50 стихотворений мог продекламировать наизусть), Лермонтова (понравился даже больше), Блока, Есенина (почему-то отец запретил читать ему прозу Есенина)... В 12 он закончил Монтеня (два огромных тома, которые нашел в библиотеке отца). Он даже два раза прочитал "Капитал" немецкого философа К. Маркса (книгу, любимую его матерью) и "Былое и думы" Герцена (эту книгу любил отец). В 14 он уже прочитал не только всю русскую классику, но и почти все (многое, очень многое) из английской классической литературы (Теккерея, Треллопп, Бронте и проч.), французской классической литературы (братья Гонкур, Гюго, Мериме, Стендаль - уже несколько раз. 12 томов имелись у отца в библиотеке, Мопассана (не очень понравился), Ромена Ролана, Пруста, Бальзака, Золя, и др. Сережа неплохо знал немецкую литературу (Гофман, Клейст, Грасс, Гессе, Цвейг, и проч.), американскую (Драйзер, Купер, и др.).

Он много читал и современную, русскую и иностранную, литературу.

Начиная с 15 лет, он уже свободно читал на немецком и французском языках. Читал английские и американские газеты и журналы.

Все почему-то считали, что он будет писателем. Ну, или как-то свяжет свою жизнь с литературой. В 17 (сразу после окончания школы) мальчик с легкостью поступает на философский факультет МГУ. В 20 уже готовится к защите диплома (перескочив сразу через два курса). В 22 - с блеском защищает кандидатскую диссертацию. А потом... А потом на несколько лет

исчезает. Почти 5 лет он почти не выходит из психиатрических клиник. Родителя сделали все возможное, чтобы его вернули к жизни.

Но насколько он хотел этого сам?..

Наконец, мать (властная, невероятно властная женщина, которая к тому времени - уже Перестроечные, Постперестроечные, и новые российские времена), которая к тому времени "поменялась" должностью с отцом, разочаровавшимся в новых временах и ушедших со всех постов в мир литературы - он стал писателем - и теперь курировала при мэрии отдел образования. Жили они все в том же провинциальном городе. Пусть достаточно большом, городе, с почти миллионным жителей, но это все еще были не Москва с Питером, куда потом переехал их сын),-- мать, опасаясь того, что ее сына окончательно "залечат" - вырвала его из рук врачей-психиатров. А потом и помогла, чтобы он уехал в другой город (Санкт-Петербург).

И вот теперь ему 40. Он занимает скромную должность преподавателя в институте на кафедре психологии. И все попытки руководства принять хоть какое-то повышение - отвергает. Нет. Это ему уже не нужно. Уже как лет десять, его "ничего не беспокоит". Все те жуткие диагнозы, которые ставили врачи - забыты. Он стал обычным человеком. Но вот, что ему стоит сейчас поддерживать то состояние, когда он может позволить себе "быть обычным"? Не сойти с ума. А ведь он и на самом деле был на грани того, чтобы сойти с ума.

Но реальность вернулась. А то, что с ним сейчас... Так с этим у него хватит сил бороться. Пока - хватит. Ему вот только необходимо разобраться что происходит? А потом он справится и сам. Справится. И сам.

Глава 5

Нет. Он обязательно должен справиться с этим. Обязательно.

Вообще, он как-то не любил брать в своей жизни никаких обязательств. Всегда он как-то был выше этого. Не то, что бы он не ставил для себя каких-то целей. Почему не ставил? Непременно "ставил" и цели, и придумывал какие-то сроки выполнения. Но... Это все же было "не то". Не совсем то.

Артемьев как-то считал, что он всегда был "выше" каких-то там целей, обязательств, планов... Их выполнение он считал *само собой разумеющимся*. Тем, что и так должно было быть. О чем не требовалось, совсем не требовалось говорить. Да и не это, совсем ведь не это, было важно.

У него всегда была одна цель. Поставленная когда-то очень давно. В детстве. И то, что он твердо решил - должно быть выполнено. Непременно выполнено. И на это было все в нем направленно.

Он обязательно должен прийти к тому, когда совсем не будет зависеть ни от кого. Когда его знания будут настолько глубоки, что он сможет полагаться только на них. И ничто не сможет (не будет способно) поколебать его.

Но трудно, как же трудно ему... Все время нужно останавливаться... Все чаще надо делать паузы... Чтобы не сойти с ума...

А потом спешно нагонять *упущенное*...

Нет. Он обязательно сможет. Он сможет все вспомнить. Он просто обязан разрешить все противоречия. Иначе...

Да нет. Этого "иначе" просто не случится.

И так выходит, что он сам себя обрекает на то, чтобы вспоминать дальше. Но воспоминания эти почти совсем ничто, перед тем эффектом, который достигается этими воспоминаниями.

Вот ведь как...

Глава 6

Нет. Он, наверное, хочет все же слишком многого.

Артемьев подумал сейчас: а что он на самом деле хочет?

По всему выходило, что и не очень многого. Но, наверное, больше всего он хотел, чтобы с ним вновь не произошло то, что уже случилось когда то. Ну, и, наверное, хотел он как-то удержать свое сознание в норме.

Гармония... Еще недавно он считал это своим достижением. Тем достижением, что дано ему как плата за испытываемые мучения. Но уже с другой стороны, этой самой гармонии как будто и не было.

Была какая-то *видимость* ее. И была эта "видимость" настолько шаткой (и непрочной; конечно же, непрочной), что в любой момент все могло развалиться. Причем, все могло произойти совсем независимо от каких-то его желаний. Да и что такое по сути желания? Это слово могло вместить в себя много. Невероятно много. Но насколько могло осуществиться хоть одно из этих... желаний?.. Нет. Он совсем не о том... Сейчас нужно как будто заботиться не о том, чтобы осуществилось какое-то его желание (или задумываться, почему не осуществляется оно); гораздо важнее было удержать в себе то небольшое что осталось. И это было настолько важно, что совсем не требовалось желать чего-то еще.

К Артемьеву иногда приходило уверенность, что какими-то своими объяснениями он начинает загонять себя в тупик. Но он почти всегда *угадывал* это состояние. И тогда останавливался (в собственных размышлениях).

Почти так было и на этот раз.

Но теперь он ясно представил, что ничего как вроде бы и не произошло. В том плане, что он вполне может и не останавливаться сейчас. Быть может, так казалось потому, что он наконец-то нащупал нить, способную распутать этот клубок внутренних противоречий? Но так ли это было на самом деле?

Он хотел как обычно воскликнуть: "А почему бы и нет!?", -- и вдруг со всей ясностью понял, что это действительно так. В нем впервые за многие годы вскипала уверенность в какой-то "правоте". Пусть, пусть это даже называется каким-то другим словом. Сейчас это было совсем не важно.

А важно было, что эта "уверенность" действительно была. Она существовала в нем, и была независима от ощущения опасности, грозившей разрушить все с таким трудом "завоеванное".

Нет. Определенно надо все еще раз взвесить. Не должно было случиться, чтобы он совершил сейчас ошибку. И если он действительно нащупал эту нить...

Артемьев взмок он напряжения.

В нем крепла уверенность (это было настоящее предчувствие) что он на пороге истины. Истины, которую искал все это время. Сейчас он не мог ошибиться. Сейчас он просто не мог себе позволить ошибиться. У него не было такого права. А значит... Значит надо двигаться не спеша. Каждый его шаг просто обязан быть выверен. Без каких-либо ошибок. Ошибок быть не должно.

"Если это действительно то, о чем я думаю,-- Артемьев вернулся к своим записям,-- то наверняка должно быть какое-то подтверждение этому предположению...".

В чем же оно должно выражаться?..
Непреренно оно должно было в чем-то выражаться...

Так. Что мы имеем.

Два пласта. Детство. Молодость. (Это, верно, все те же 20 лет).

И... опять молодость. Получается, опять молодость. Пусть уже и 20-40. Нет. 40 и больше,-- уже не молодость. Это время когда он жил в соответствии с тем, что было *заложено* в молодости. То есть уже, в какой-то мере, должен был испытывать вину за то, что

когда-то только начиналось. То, чего когда-то - он еще мог избежать.

Да... Вина-то за все это действительно много раз отбрасывала его назад. Уже, как вроде бы, и забывал о прошлом. Уже и не маячило оно перед глазами красными кругами. А вновь, коснись чего, - и повторялось опять. И никуда, как вроде бы, ему не деться от этого. И приходилось в который уж раз - бродить по камням давно совершившегося.

Нет. Сегодня, как вроде бы, ничего толком и не получается.

Но, и останавливаться нельзя. Завтра... Завтра это еще совсем не значит, что все получится завтра...

Глава 7

Все началось давно. Он не был уверен о слишком раннем детстве, но детсадовский возраст уже помнил. А почему бы и нет. На свою память он всегда мог положиться. 3 года. Ну почему бы ему не помнить то, что происходило с ним в 3 года. Притом что происходило... Что происходило было совсем и не важно. Это еще можно было как-то восстановить. А вот то, о чем он думал? О чем он думал в три года, пожалуй... Пожалуй, это дорогого стоит...

Уже тогда Сережа знал, что существует как минимум две реальности. Одна, - это та, которая касалась необходимости его общения с другими. Другая, - это был его внутренний мир. Мир, в который (и тогда он впервые это понял) совсем не обязательно было кого-то впускать.

Это было поистине счастливое "открытие". Два мира. Причем, почти тотчас же он понял, что "видение" этого второго мира - должен тщательно скрывать. Совсем нельзя было об этом говорить. Это была его тайна. Его *преимущество* перед другими.

Все, что относилось к повседневной жизни - могло оставаться на какой-то поверхности его сознания.

Ему совсем нетрудно было поддерживать это состояние. Нет, конечно, приходилось немножечко играть. Или что было на самом деле - жить в пол силы. Этого вполне хватало, чтобы лишь чуть-чуть выделяться на фоне *посредственности* (в то время еще не так осознаваемой им) остальных.

Он мог думать в пол силы.

О чем-то слушать в пол уха.

Говорить - в пол голоса.

И все равно взрослые его выделяли среди остальных.

"Какой умненький у Вас растет мальчик!?".

Умненький. Да если бы они знали, что стоило ему казаться "дураком" - чтобы в глазах других выглядеть "умненьким".

А если бы он и на самом деле рассказал о том, что он уже знал и понимал? Чтобы они тогда сказали? Гений!? Уникум!?

Уникум... Что только ему стоило казаться "посредственностью"! Когда все его сверстники только учили буквы, но уже мог писать и читать на иностранном языке. Правда, по ошибке он учился латинскому языку. И тот даже как-то легко ему давался. А оказалось, что *такого* языка не было. Какого же было его разочарование!

Но признался ли он тогда кому?

Нет. Он никогда бы не смог в этом признаться. Уже тогда чтение (и вообще "учебу") он воспринимал как овладение какой-то тайной, которую обязательно требовалось скрывать. (Он просто не знал тогда, какая последует реакция у взрослых?!). Но лучше (спокойнее) было все же держать это в секрете.

Так было действительно спокойнее.

Видимо тогда же у него родилась эта чертова привычка...

Когда в 10 лет он читал Ницше (еще не зная что он это он), и несколько раз "спотыкнувшись" на какой-то фразе, хотел было отложить книгу, а потом аккуратненько записал на полях "в чем он не соглашается" с великим философом (с биографией все таки ознакомился, потому как все время пребывал в уверенности что это был друг отца, который и подарил ему книгу). Отцу случайно попались эти записи. Видимо он испытал настоящее потрясение, когда увидел умные ("умные!" - отметил он) мысли записанные детскими почерком. И решил...

Да нет. Он тогда видимо ничего не понял. И несколько дней ходил с удрученным видом (решая про себя: что же это могло быть?), пока, наконец, какое-то другое событие не завладело его мыслями. О том, что это писал его сын - третьеклассник он даже не подумал.

А Сережа... Сережа тотчас отметил свою "ошибку". И больше никаких записей старался не вести. (Как бы ему было интересно почитать их сейчас!).

По той причине он всегда боялся вести дневник. Он просто не мог представить, что кто-то кроме него будет читать эти записи. Ведь это были не просто "записи". Это было документальное свидетельство состояния его души. Работы мысли! И нельзя было допустить, чтобы об этом кто-то узнал. Ведь тогда... Ведь тогда они смогут узнать и о том, что у него есть "тайна"!

И как это еще могло обернуться?..

Глава 8

Артемьев проснулся, и сразу почувствовал какой-то неприятный осадок от вчерашнего дня. Но... ничего что произошло вчера - не выпадало из единой цепи событий произошедших до этого дня. Да и те, которые еще только должны произойти - тоже ничем особым выделяться не будут.

Хотя нет. Важно ведь состояние души... А что-то подсказывает ему, что что-то все же произошло...

...Впрочем. Глупо гадать. Сколько раз он убеждался, что этими размышлениями только еще больше загоняет себя в какой-то капкан. И если так будет происходить и дальше, то совсем невозможно будет выбраться из него.

Но вот этого ли он боится?

Того, что он сейчас больше всего не хотел - пока даже не осознавалось. Да оно, пожалуй, и никогда в полной мере не осознавалось им. Но ведь и правда,-- какое-то предчувствие беды все же есть. Или опасности. Да, да. Наверняка, опасности. Может он

что-то проглядел раньше? Или уже и раньше было какое-то предупреждение? А он его не заметил...

Нет. Надо избавляться от этих мыслей. Насколько он все-таки устал от них. Устал от неверных предположений. Надуманных желаний. Совсем неосуществимых событий. Но которые ему, казалось, уже произошли.

Так значит надо изменить себя? Попробовать начать всматриваться в мир с других позиций? И уже что верно и наверняка - совсем не замечать того, во что вглядывался раньше.

И главное. Надо научиться терять. По сути - в этом нет ничего такого страшного. А вся возможная неприятность - сводится лишь к действительному осознанию факта. Которого ведь - может и не быть.

Но нет. Он сейчас совсем не об этом. Прошное должно наоборот - служить ему. Именно в нем он должен находить ту целебную силу, - которая поможет выжить... в будущем.

А раз так... А раз так - так к чему же сейчас все эти сомнения? Просто, видимо, вновь напала на него эта ужасная хандра.

Сколько так уже было раньше!?! Давно можно признаться, что почти вся молодость его прошла под сенью ее. И не тогда ли уже казалось, что совсем ничто не способно привести хоть к какому-то просвету.

Давно это было... Но он все помнил настолько, что вынужден был вновь и вновь переживать прежние ощущения. И ничто не говорило, что это может прекратиться. Или помочь как-то изменить единожды существующее.

Ничто. Совсем ничто не указывало (давно уже не указывало), что наступит улучшение этого состояния.

А психика... А психика как будто и не считалась с этим.

Да и что было ей до какого-то там "состояния"?!

Да и не это на самом деле было важно.
А что?

Глава 9

Артемьев уже давно, видимо, замечал, что окружающий мир периодически изменялся.

И это притом, что, по сути, - ничего не происходило. Не должно было происходить. И из года в год - тянулось однообразное, нудное, озаряемое яркими вспышками-событиями - бытие.

Но если так и было у большинства - то Артемьев никогда себя к этому большинству не относил. Вот отсюда-то и были все беды...

Ему не у кого было спросить совета. Он изначально находился в таком положении, когда с другими ничего подобного - не происходило. Или?..

В какой-то момент Артемьев предположил, что он "не там ищет". Но что, собственно, он должен был искать?! Ведь если все оставить "как есть", -- то это и выдержать-то невозможно.

Да на такое напряжение его мозга хватит ненадолго. И так уже периодически начинают появляться подозрительные видения, словно кто-то порывается о чем-то ему что-то рассказать. И голос этот Артемьев иногда слышит откуда-то... снизу? В

отдалении. Словно в отдалении бухтел радиоприемник, так никогда и не выключаемый.

--Это нервное,--покачал головой Артемьев. И, видимо, это только начало.

А с каждым годом будет все труднее и труднее...

Артемьев вновь вспомнил юность.

Можно было даже не фиксироваться на каком-то периоде конкретно. Уже почти в каждом он находил те или иные моменты, по которым позже мог сделать вывод о начале (или продолжении - в зависимости "от временных лет") нарушения психического равновесия...

Иногда это выделялось какими-то яркими красками.

Артемьев видел год события. Место. Себя "тогдашнего" (как бы со стороны). Отчетливо слышал какие-то разговоры, и даже... шум жизни. Шум улицы. Пусть это касалось какого-то конкретного периода жизни. И не всего. А только события. И даже события - не продолжительного по времени. Но на какой-то миг Артемьев переносился в прошлое. И оно теперь не представляло таким загадочным как раньше.

Но в том-то и дело, что благодаря этому - Артемьев мог восстанавливая свою жизнь - вспомнить и эмоциональную составляющую событийных моментов из прошлого. И уже где-то тут (верил он) скрывается то, что, собственно, и оказывало на его психику (психика, мозг - в данном случае это было то, что подвергалось нападению; воздействию) влияние. А значит...

Артемьев верил, что он сможет вспомнить детали какого-то события (именно "детали" своих эмоциональных переживаний, того, что на тот момент испытывала его психика) - то это и приблизит его к разгадке общей тайны. А тайна - это его психика. Его мозг. И у Артемьева было не так много времени - чтобы пустить дело "на самотек".

Да этого, впрочем, он бы себе никогда и не позволил.

Но "разобраться" было надо. А если честно - он и сам хотел выяснить: что же там происходит в этих глубинах психики? Что влияет на то, что мы совершаем одни поступки, а еще через какое-то время - и противоположные предыдущим?

А то и выходит, что на самом деле ни к первым, ни ко вторым и не имеем серьезной предрасположенности; а и то, что истинно присущее нам - скрываем, и очень боимся выпустить наружу.

И вот что еще было для Артемьева важно. Он чувствовал, что сможет разобраться с этим. Чувствовал какую-то необъяснимую (необъяснимую по природе возникновения происхождения) уверенность в том, что именно он справится с этим.

А значит, вновь следовало вернуться, вспомнить, воскресить те события, которые произошли когда-то. И не сами события (что сами по себе эти события!). Намного важнее было вспомнить то, что он переживал на тот момент.

15-16 лет... Видимо это уже был тот возраст, когда он понял, что сопротивляться как будто и бессмысленно. Но видимо как раз тогда еще можно было сделать так, чтобы через несколько лет (когда

стало действительно еще хуже) ничего не было. Быть может не окончательно. Но... вся эта ужасающая симптоматика не возросла (и не укрепились: что, к сожалению, и произошло), а начала спадать. Чтобы нивелировалось ее значение. Ее вредоносное воздействие. На психику. На его израненную такими вот "ударами" психику. Психику, которая с тех пор (хотя началось все еще и раньше) подвергалась уже непрекращающемуся нападению.

В том, что действительно с этим можно было бороться (не только бороться, но и победить) Артемьев понял намного позже. Хотя, как сказать? По сути, его мозг в течение жизни получал значительную информацию. А уже анализ ее - и мог привести к возникновению какой-то уверенности. Уверенности хотя бы в том - что не все потеряно. Но именно это и важно. Отчаяние... Отчаяние, пожалуй, самое страшное. Отчаяние это то, что не позволяет нам опускать руки. Отчаяние,-- это то, из-за чего мы начинаем смиряться. И... проигрывать. Конечно же, проигрывать.

А значит, требовалось избежать наступления отчаяния. Избежать.

Нельзя было допускать, чтобы что-то подобное начинало завладевать нами. И надо бороться. Надо искать способы не только сопротивляться - но и выигрывать. Не сникать. Не падать в пропасть хаоса, окружающего наши души. И только тогда возможно - что мы... выживем...",--Артемьев записал эти строчки. Он ощущал в себе эту уверенность. Знал,--что она есть. Знал, что она теперь не покинет его. Как и он ее. И он будет с ней. Всегда. Он будет с ней всегда. И эта уверенность поможет ему... выжить...

Глава 10

И все таки он чувствовал, что что-то будет не совсем так просто.

Перед ним как будто действительно раскладывалась "проблема". Она высвечивалась с разных сторон. Была освещена каким-то неземным (и как будто даже исходившим от нее самой) излучением. Но это еще было совсем не то. Верней,-- этого еще было очень мало. А значит... А значит просто требовалось и дальше раскрывать ее сущность. Выискивать те составляющие (он всегда подозревал, что их много), которые в итоге должны были привести к исчезновению ее.

И это означало, что борьба продолжалась.

Ну а почему он решил, что все должно прекратиться? Да, какое-то *видение* появилось. Сложившаяся ситуация уже не казалась такой безнадежной. Но ведь это совсем не означало, что все должно закончиться. Тем более,-- в ближайшее время. Совсем нет. Да и, по сути, ведь и раньше не было так-то уж все безнадежно. Какое-то "правильное решение" как будто и раньше все время сопровождало его. Вопрос только, что он не умел (да и не знал, как?!) этим воспользоваться.

Но это совсем не означало что все окончательно "плохо", или наоборот - "хорошо".

Видимо, это был обычный процесс. Ну а почему и нет? Почему он решил, что *в его случае* должно было быть как-то иначе? Совсем нет. Требовалась достаточно длительная борьба. Требовалось *задействовать* любые (имеющиеся у него в арсенале) способы противодействия

наступлению (хотя она уже видимо наступила), но тогда уже и наступлению, и какому-то *продолжению* течения болезни...

Ну вот, наконец! "Течение болезни"! Артемьев позволил себе улыбнуться. Ему удалось правильно сформулировать происходящее с ним. Психика подвергалась какому-то вредоносному (для ее дальнейшего продолжения функционирования) воздействию. Извне это воздействие, или изнутри - не суть. Быть может: "и так, и так". Да это, собственно, и не меняет ничего. А вот *течение болезни*... Это было подобрано верно. "Течение болезни...",--позволил себе еще раз повторить это словосочетание Артемьев.

Вот то, чему он пытался противостоять. И в детстве (еще не осознавая этого), и в юности (также, толком не понимая), и во все более зрелые годы. Течение болезни... Но уже и это означало, что какое-то психическое заболевание у него было. Пусть еще форма его была не столь выражена. Пусть еще болезнь не захватывала его целиком, когда уже смешно было бы и надеяться на какое-то противостояние. Но для него сейчас важно то,--что это было. Что его психика подвергалась какому-то страшному нападению. Нападению, большей частью, неосознаваемому. Обманчиво создающему иллюзию того, что как будто и ничего не произошло. Что совсем рано (да и незачем) бить тревогу.

Но он ведь знал - что это не так...

Глава 11

Эта чертова юность...

За всей внешней оболочкой "безоблачности" - таилась жуткая внутренняя сущность начала страшной трагедии.

Его эмоциональное состояние часто перехлестывало через край настоящего осознания действительности.

Да и "действительность" как будто не была так страшна. Но это была только "оболочка". А на самом деле... На самом деле все выглядело намного страшнее, чем можно было себе представить. Но... он не мог на самом деле писать об этом. Что-то постоянно ускользало от него. Как будто ему удавалось уловить какой-то смысл (истинный смысл),--а тот смеялся над ним в злорадной усмешке. И это совсем не располагало к какому-то *пониманию*. И уже в следующее мгновение как будто какого-то недавнего (и уже "былого") "понимания" и не было. А вновь перед ним начиналась *пустота* - жуткая, неосязаемая боль и *пустота*. И он совсем не знал, к чему это могло привести. Как разве что только ни к чему-то ужасному; страшному; коварному...

Вот оно! *Коварность!* Вот что *было* неожиданно под дых. Вот что внезапно *напяливало* на его голову колпак. И он уже не видел ничего вокруг. И он уже пугался всего самого простого и незначительного. И он терялся в самых простых событиях (в "оценке" их). И он путался в мельчайших (и, зачастую, совсем не относящихся к делу) деталях. И он хотел... Он хотел... А ведь в молодости он действительно хотел умереть?! Ну, пусть это было не в молодости. (Хотя, наверное, и в молодости тоже. Впрочем... в молодости он уже научился как-то "забывать" об этом. "Переориентировать" свое внимание). Но юность...

Его юность была отмечена целой серией этих неудачных (в итоге - неудачных) попыток лишиться себя жизни.

Как нелепо это все!.. То, что это не продолжается сейчас - свидетельствует только о том, что он научился как-то справляться со своей внутренней (душевной) болью.

Но это совсем не означает, что все прекратилось, что все закончилось навсегда.

Нет. Это еще совсем не означает это. Совсем. Не означает...

Получается...

Да нет. Это все еще раз, в который уж раз, говорит о том, что механизмы принятия решения им должны быть найдены. Он просто обязан разрешить свои внутренние противоречия. Просто... Просто,-- чтобы не допустить этого впредь...

Глава 12

Что же это были за "состояния"? Ему необходимо было в этом разобраться.

И как-то так выходило, что Артемьев вынужден был вновь и вновь испытывать то, что когда-то уже происходило с ним. А иначе...

Да и так понятно. Он обязан был снова почувствовать ту эмоциональную боль, ту переполняемость душевной тревоги, те волнения (которые какое-то время,-- и очень долго, по сути) сопровождали его жизнь.

Можно было признаться (самому себе - а кому же еще?!), что все, что заключалось, таилось, разрасталось, бурлило, кипело внутри него -

незримым образом проецировалось на жизнь, на контакты его (такие редкие, но избежать их было невозможно) с внешним миром.

И видимо, как раз из-за этого - Артемьев с таким трепетом относился к своему внутреннему миру.

Он не мог позволить, чтобы кто-то вмешивался в него. Не мог допустить (да как он мог допустить!?) чтобы кто-то (хоть кто) вторгнулся в его мир. В тот мир, который не только был его. Но, "на охрану" которого,-- была направлена вся жизнь Артемьева.

Означало ли это (могло ли это означать), что в какое-то мгновение все эти психические состояния тревожности и внутренней неуверенности (неудовлетворенности?) подменяли собой то, что могло быть на самом деле?

Да, наверное, это и так. Только признаться в этом он не мог. Да и как? Как он мог признаться в этом? Ведь в ином случае (если бы он позволил себе что-то подобное) у Артемьева уже бы не осталось ни единого шанса к сопротивлению. А "смириться" для него - означало бы... Это бы означало поражение.

А потому Артемьев очень трепетно относился к собственным мыслям. Избегал особенно *нежелательные* из них. И каким-то совсем необъяснимым образом стремился...

Впрочем. К чему он на самом деле стремился?

В который уж раз Артемьев всматривался в безбрежную даль простиравшейся перед ним вечности. Или неизвестности. Что в какой-то мере - было одно и то же. Ну, быть может не всегда. Но в отношении всей той ужасающей особенности его психики, психики, вынужденной постоянно

подвергаться каким-то необъяснимо-ужасающим воздействиям; психики, невольно предстающей все время в каком-то искаженном варианте; психике, которой не так-то и просто...

Артемьев задумался. Он все чаще обрывал свои мысли. Он теперь мог это позволить. Раньше - его размышления могли привести его к совсем *необъяснимому*. И негативная сущность всей этой "необъяснимости",--часто превалировала, и замещала какое-то конструктивное начало. Вот ведь как. Действительно, так выходило, что что-то плохое (что зачастую,--но а почему нет,--если это было?!) намного превышало что-то хорошее, что-то положительное, что, несомненно, еще в нем оставалось; и что---

.....
..

А ведь он боялся чего-то хорошего в себе?! К такому выводу Артемьев пришел сейчас. Вообще, преимущество его нынешнего положения (и как-то свидетельствующее о том, что он находился на "правильном пути") было то, что он приходил к тем заключениям, от которых, невольно, *открещивался* раньше. Он просто не мог, не был способен прийти к чему-то подобному раньше, потому что... потому что он боялся чего-то такого раньше. Вот ведь как!? А ведь он действительно все время чего-то боялся?! Боялся кого-то обидеть! (чтобы потом не обидели его!); боялся выглядеть глупым (чтобы кто не смог воспользоваться какой-то его глупостью!). Сейчас можно было признаться (и такого признания ему всегда недоставало), что

Артемьев большей частью боялся каких-то *мнений* о себе. И все только потому, что эти мнения будут *отрицательными!*

Вот ведь как! Он настолько был в себе неуверен, что просто опасался, что кто-то скажет ему о том.

...А ведь сейчас он совсем изменился! Сейчас Артемьев настолько почувствовал какую-то силу (внутреннюю силу), что ему вдруг стало совсем безразлично услышать какое-то мнение о себе. Более того. Теперь ему просто необходимо было услышать какое-то именно *отрицательное* мнение - чтобы обрушить на "обидчика" всю злобу, накопившуюся в нем! Теперь он жаждал крови! Жаждал отмщенья! И иной раз доходило до того,--что он сам искал "будущего" *обидчика*. Чтобы тотчас же разобраться с ним.

И не было такому человеку прощения. Потому как Артемьев за все годы вынужденного *бездействия* - накопил в себе поистине непотопляемый арсенал всевозможных словесных уловок. И теперь мог апеллировать к совершенно сверхъестественным вещам; и все теперь было "за него". И все он теперь мог обрушить на невольного чудака, судьба которого неожиданно оказывалась в руках Сережи Артемьева. Нет. Теперь не Сережи. Теперь это был Сергей Сергеевич Артемьев. Человек, - которого боялись. Которого *вынуждены* были бояться. Потому что все эти годы "лишений" и "внутренних беспокойств" настолько закалили его - что он теперь без малейшего намека на страх вторгался в эмоциональное пространство любого непонравившегося ему человека. И бил его - по самому *незащищенному*, что было у такого человека.

Будучи когда-то зависим от мнения окружающих (и так страдающего от вмешательства их), Артемьев с легкостью находил в ком-то то, что было у такого человека особенно *незащищено*. Что было очень болезненно для него. И что, (Артемьев знал это), способно было надолго выбить такого человека из колеи.

И он "бил" именно сюда. Безошибочно угадывая "слабое место". И действительно (всегда! Теперь почти всегда!) добивался того. Эффекта. Эффект был ошеломляющий!

И он понял - что просто не надо бояться ошибаться! Ведь именно страх этой ошибки - мешал ему. Не позволял жить полной жизнью. Не позволял вздохнуть полной грудью. Не позволял стать тем человеком, которым он все равно стал. Но вот разве не жаль времени, упущенного времени...

И тотчас, как только понял он это - так сразу же и изменился. Стал совсем, совершенно, стал совершенно другим. И ничто не могло теперь его поколебать. Поколебать его уверенность в том, что так и надо жить. Продолжать жить.

Ведь жизнь - продолжалась!

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

И все же это было не все. Пока не все. Ведь окончательно от каких-то противоречий он не

избавился. Он сумел только заглушить их. Но до окончательной победы еще было рано. Слишком рано. А может и не слишком. Но вот так взять - и закончить - он не мог. Нельзя было.

И нельзя было потому, что Артемьев был обязан докопаться до источника. Докопаться до глубин. Найти то, из-за чего, собственно, все и началось. Найти то, что послужило причиной развития всей этой ужасающей симптоматики. Причинно-следственную связь которой, он испытывал на себе. И так просто, он знал, это все не закончится.

Да он и сам не позволил бы этому закончиться. Все было не так просто...

Глава 2

В который уж раз судьба заставила его подытоживать жизненные впечатления. Но вот только в том и дело, что это "подытоживание" - больше напоминало *подтасовку фактов*. Ну, предположим, какие-то моменты в жизни были не достаточно осознанны. Вернее, вывод от анализа их носил уж слишком претенциозный характер. И уже не то что вопрос: на сколько можно было полагаться на такие выводы, - но и вовсе напрашивалось противоречие: а нужно ли это все?! Так-то это было на самом деле, если какие-то выводы - по сути - не совсем и понятны?

Но это было так. Это было действительно так. Хотя бы потому, что независимо от тех попыток трезвых оценок, которые порывался выдать за правильное решение его мозг - Артемьев знал, что на самом деле - все обстоит совсем даже иначе. И понять, в чем заключалась уж совсем истинная

сущность (как будто бывает еще какая-то другая?) он не мог. Точнее - не был способен. А еще точнее - боялся. Он и на самом деле боялся это понимать.

Но верно было то, что ему нужно было что-то решать. Решение (уж как водится; и как привык; смирился с этим) не только невозможно было найти каким-то простым способом, но и он иногда подозревал - что верное решение найти он не сможет никогда.

Но вместо того чтобы как-то опечалиться (или иным способом выразить недовольные эмоции),-- Артемьев просто решил подобраться к разрешению проблемы - с другой стороны. Что, в принципе, было оправданно, учитывая то желание, которое он вкладывал в это, да и вообще те возможности, которыми, по сути, располагал. Ну, имеется в виду какие-то природные, т. н. потенциальные возможности. И почему бы нет - если это действительно так.

"Все на самом деле не так-то просто,--вернулся Артемьев к записям, которые в последнее время вел в совсем уж хаотичном порядке.--Ну, дело тут объяснялось скорее тем, что ему удавалось как-то с собой договориться прежде, чем он успевал что-то зафиксировать на бумаге. И, в принципе, необходимый эффект достигался. А значит... А значит нужно было писать,--подумал Артемьев, понимая, что он вновь пускается в рассуждения, но совсем не пытается записать их на бумагу. А ведь по сути - зачем эти все записи? Да как раз именно для того, чтобы к сегодняшним эмоциональным переживаниям можно было вернуться и через десять, и через

пятьдесят лет. А почему бы и нет? Но что тогда останется в памяти об этом дне? А на бумаге - сохранится". Нет. На самом деле писать было не так-то легко. Да и воспоминания,-- то струились, легко трансформируясь в строчки и принимая форму конфигураций в пределах норм литературного языка, а то и наоборот - выжать из себя толком ничего не удавалось. И в такие минуты Артемьев совсем не представлял, на что он вообще еще способен. (Ну, по крайней мере, о каком-то будущем - задумываться не приходилось).

Но так было не всегда. Быть может, какая-то проблема заключалась в том, что надо было *с собой договориться*. И в этом случае совсем бы не пришлось - в том же будущем - так-то уж переживать над тем, что что-то идет совсем не так, как надо. Как полагается. Как хотелось бы.

Ну и тогда выходит, что вся эта новая цепь сомнений, противоречий, и какой-то безысходности - не больше чем нелепая попытка защитить самого себя.

Кто знает, как это было на самом деле?

Ну, по крайней мере, он, он сейчас ничего не знал. Он, можно сказать, совсем запутался. И прийти к какому-то заключению - просто не мог по сути. Не был способен. Да и... хотел ли?..

Артемьев уже несколько минут пытался сосредоточиться. Стоит ли это делать на самом деле? - где-то на втором плане пробежала нелепая мыслишка, ухмыляясь и показывая рожки.

Нет, нет. Сегодня или никогда,-- пытался сосредоточиться Артемьев, и призывая в помощники совсем уж не известные силы.

--Что ты скалишься!--закричал он, насупив брови и грозно озираясь.

Перед ним стали пробегать какие-то чертики.

--Черт подери,--выругался Артемьев.

"Чертики" медленно преобразались в лица когда-то им виденных людей. Большинство из них он не узнавал. Видимо, они только раз когда-то проходили мимо него. Быть может даже и, не заговаривая с ним.

Все было не так-то просто. О былом сосредоточении теперь можно было только мечтать. Но и - ничего упускать сейчас было тоже нельзя.

--Эй!--закричал Артемьев, и ужаснулся своему голосу.--Голос был не его. Вернее - его. Но как будто все же казалось, что он принадлежал совсем уж незнакомому человеку. И уж точно не ему.

--Искать кого-то было бессмысленно,-- обреченно подумал Артемьев.--Хотя...

--А почему бы и нет?!--засомневался он.--Ведь может и проблема вся состояла в том, что все, что доселе причиняло ему какое-то беспокойство, находилось в совсем другой реальности. А оценивать произошедшее - он уже пытался тогда, когда наоборот - сознание прочно удерживало картину реальности. А значит, можно было вновь прийти к каким-то результатам, - просто-напросто погрузившись в состояние, испытываемое им когда-то.

--Да...--почти обеспокоено протянул Артемьев.-
-А ведь он, получается, все время искал не там. А что если ситуация и на самом деле была не такой, как он ее представлял когда-то? Как представлял еще недавно. Почти что вчера. Да и можно сказать - сегодня тоже. А все изменилось в какой-то последний

момент, когда к нему пришло неожиданное видение того, что ему следует на самом деле делать.

Или предпринимать?

--Интересно,--насколько отличаются эти два понятия?--задумался Артемьев, подсознательно отмечая что вновь начинает думать о чем-то другом, но и не в силах запретить самому себе это.--"Делать" - это, вероятно, выполнять уже какую-то раннее работу,--продолжил размышления он. Тогда как "предпринимать" - это что-то, связанное с чем-то доселе неизвестным и неизведанным (разные слова?), но что обязательно предстоит разрешить. И тогда уже - эти слова, обозначая как будто одно и тоже - несли в себе и несколько иное (отличное) семантическое значение.

Артемьев уже готов был вновь выругаться (явно понимая, что опять его уносит куда-то не туда), но неожиданно сдержался.

--Все было не так плохо,-- с какой-то обнадеживающей (самого себя) уверенностью подумал он.--Все было не так-то и плохо,--повторил он.

На сегодня ни о чем думать он уже не мог. Рецепторы мозга уже совсем отказывались передавать по нейронам какую-то информацию. Да и сам мозг - уже настолько был затуманен очередной дозой кокаина (которую Артемьев принял незадолго до этого), что совсем отказывался работать в нужном режиме. И за внезапным всплеском и "просветлением" (активацией стволовых клеток в ответ на стимуляцию психотропными препаратами) - наступил вполне предсказуемый спад. Артемьев это знал как биолог. А как психолог - он знал, что сейчас нужно не

сопротивляться (переламывая себя) и дать мозгу отдохнуть. И с тем, что это так,-- необходимо было смириться.

А значит---

--Да пусть будет так,--выдохнул Артемьев, проваливаясь в кокаиновый сон.

Глава 3

"Трудно все-таки удерживать в сознании то, что раздражает тебя. Но намного сложнее и противиться этому. Тем более, что как-то воспрепятствовать чему-то *такому* и вовсе невозможно. Но... но не означает же это, что совсем уж не стоит ничего делать. Ничего не предпринимать. Да нет. Это совсем не означает *это*".

Сергей Сергеевич Артемьев почти не приближался к той заветной цели, которую он вроде как для себя поставил. Цель была заглянуть в мир, который совсем не подвластен никому, кроме как ему. Это был его внутренний мир. Мир его подсознания. Но это было не совсем то, что он на самом деле решил для себя. Точнее,-- это было то, что, как бы, лежало на поверхности. Было неким объяснением на случай какого-то любопытства со стороны окружающих. На самом деле (и Артемьев это бы не доверил никому), он должен, он просто обязан был разрешить те проблемы с собственной психикой, которые являли собой и те самые внутренние противоречия (якобы разрешением которых он собирался заниматься, вернее, это хоть и было так, но было лишь только какой-то частью единого плана), и вообще какую-то тревожность (которая все чаще становилась

невозможным спутником его), и даже предотвратить возникновение того патологического чувства вины, поддавшись которому, Артемьев чувствовал, что начинал совершал поступки, порой и вовсе *необъяснимые*.

Нет. Главное и основное заключалось в другом. Артемьев был обязан проникнуть в самые механизмы, разобрать то, почему, собственно, что-то происходившее с ним - *вообще возможно*. И в этом он видел задачу, которую поставил перед собой.

Но вот парадокс. Иногда я на полном серьезе задумывался - а зачем ему это необходимо делать?

--А действительно?!--лукаво, бывало, прищуривался он. И когда случалось такое,--можно было говорить уже: все! Кончалась какая-то работа. Пропадало желание, которое каким-то незадачливым образом (почти смеялся он про себя) держалось на какой-то уж и вовсе невидимой нити. И самое обидное заключалось в том, что эта нить, иной раз, была невидима и ему самому.

Тем не менее "работа" продолжалась независимо от каких-то его желаний. Это было то, к чему он как-то бессознательно тянулся.

И Артемьев знал - пройдет какое-то время, и цель на самом деле вновь появится перед ним. И тогда какое-то сладостное тепло разольется внутри него. И он вновь окажется в совсем другом измерении. Совсем не в том, в котором вынужден был находиться доселе.

Глава 4

Видимо, все действительно скрывалось в его прошлом. Да и не верить в это он не мог. Уже можно было признаться, что именно это, пожалуй, было единственным, во что он еще верил. И что могло бы помочь ему. В ином случае - было как минимум два пути. Искать что-то новое. Или все начинать сначала. И Артемьев знал, что он примет второе. А значит, все равно придется возвращаться к тому, с чего и начинал. И чем, собственно, занимался сейчас.

Артемьев подумал, что раз уж стали возникать (у него) какие-то загадочные вопросы - он должен не терять времени и поскорее, поглубже окунуться в *преисподнюю* своей души.

Бродить там было нелегко. Ведь он, по сути, должен был пробираться в почти непролазной чаще из собственных (когда-то совершенных) поступков, мыслей, каких-то мнений окружающих (а раньше - пока он не выработал какое-то противоядие - ему приходилось считаться с этим мнением).

Что это ему стоило?..

Притом что он знал всегда - даже как вроде бы и принятие чьего-нибудь мнения - вновь было лишь поверхностным слоем. И на самом деле, то, что он при этом думал, иной раз понять было нелегко и ему самому.

Это была настоящая трагедия.

Это была настоящая боль. Боль израненной души. И Артемьев знал - что именно это приближало его к сумасшествию. Когда одна какая-нибудь мысль разом расслаивалась на несколько. И совсем невозможно было сообразить - в чем же истинная сущность. Потому как не было (и не могло быть) какого-то одного мнения. По одному какому-то

мнению было для каждого. И одно мнение оставалось для него самого. А еще обязательно было иметь какой-то ложный след. По которому, если потребуется, он пустит *преследователей*.

И это еще совсем не означало, что какая-то из этих мыслей будет нести в себе *положительное начало*. Совсем не значит. И вполне возможно, что вновь и вновь на месте всего этого - будет оставаться неизвестность. И он честно не знал - что же было лучше?

Он хорошо помнил свои переживания юности. Скорей всего, это были совсем не те переживания, которые были свойственны большинству подростков. По крайней мере он отчетливо помнил, что никогда ни с кем не находил никакого взаимопонимания. На уровне бытовых вопросов - да. Но не об этом он совсем. Да и это ему бы никогда не было по настоящему интересно. Да и все - на самом деле - касалось его души. Его мечущейся души. Когда мысли, когда хаотичные мысли взрывались в его сознании какими-то вспышками уж совсем необъяснимых желаний. И тогда он вынужден был сдерживать себя, чтобы не сотворить чего-то и вовсе, как будто, *неизбежного...* (И явно намечаемого...).

В семнадцать, восемнадцать, девятнадцать,- это становилось делать все труднее. Остановить это могло только *смерть*. Но сделав несколько неудачных попыток (и в итоге признав, что это никогда он не сможет сделать), Артемьеву вдруг захотелось *убить* кого-то другого. Причем, скорее всего, дело все заключалось в том, что он пришел в

своих уж совсем непрекращающихся размышлениях к тому, что убийство - это именно то преступление, после исполнения которого он *окажется* в совсем другом месте.

Мистики тут не было никакой. Он достаточно изучил уголовный кодекс, чтобы знать срок, который дают по уголовной статье 102 (еще по тому, советскому уголовному кодексу. Молодость 40-летнего Артемьева прошла в Советские времена). От 8 до 15. Или смертная казнь. Причем его вполне устраивали "верхние пределы" срока. (Ну, наверное, чтобы было время "пообжиться" в тюремной камере, да в лагере). Хотя и какие-то "крайности" в виде смертной казни ему были не нужны. Разве что оказаться "под вышкой" (жаргон пришлось тоже изучить, ведь он серьезно готовился),-- и вдруг оказаться "помилованным". (Да он и знал, что родители "высшей меры" не допустят. И задействуют все свои связи, чтобы не допустить подобного. Хотя срока, наверное, избежать не удастся. Но наверняка она будет не такой большой. А там амнистия, или УДО (условно-досрочное освобождение) "за хорошее поведение". В общем, рискнуть было можно).

Можно признаться (да это было понятно и сразу) что какое-то *убийство* Артемьев рассматривал лишь как способ "заработать" срок, да оказаться в другом мире. В мире другой реальности. (А тюрьма и зона это действительно другой мир. И реальный, и ирреальный. Вы как будто и продолжаете жить. Но из привычной - свойственной большинству - жизни вас "исключают".

Ног так выходило, что на что-то подобное - Артемьев не мог решиться. Без какого-либо "повода" -

это было невозможно. Мало ли что хотелось его душе (искавшей способы для спасения разгулявшегося разума). Что-то плохое сделать другому человеку он не мог. Нужен был повод. Тем более что с трудностью самого убийства - вопрос никогда не возникал. Артемьев всегда знал, что для него все равно: задавить муху, или лишить жизни человека. Притом что и в одном и в другом случае, если что и "смущало" его, так это только "чтобы не испачкаться". Ну, в крови, разумеется. Хотя, вероятно, существовало и немало способов сделать "это" без крови. Правда... правда, ему еще хотелось видеть глаза жертвы. Глаза, в которых сначала разрастается ужас, а потом видится *уходящая* жизнь.

.....

Жестокость? Кто подумал, что это жестокость? Хотя Артемьев всегда был жестокий и беспощадный. Но к другим - нисколько не больше чем к себе. В этом плане он был хотя бы честен. (Чем другие).

Да и какая-то игра для него была неприемлема. Если когда он и был вынужден играть (и только по молодости, когда в нем была еще развита неуверенность) - то долго "болел" после этого. Что в итоге заставило его отказаться от попыток какой-либо игры. Хотя и какой бы то ни было реализм - он тоже ненавидел. Скорей всего, и игра, и реализм - у Артемьева был какой-то особый. Не похожий на тот, который был у других. Но Артемьев никогда и не стремился походить на других.

Но так ли уж действительно ему было необходимо это убийство?

Артемьев боялся такого своего состояния. Пусть, пусть в нем останется эта *решимость*. Но и пусть. Это совсем не означает, что он должен пытаться воплотить ее в реальность. Совсем даже нет. Нет. Ему незачем было это делать. Незачем. А раз так - то он и не будет.

...На миг отпустило... Пусть только на миг (он знал, что все это - все равно вернется к нему),-- но сейчас как будто ему стало свободней. И он успокоился. Все же успокоился. Хотя знал - что пройдет совсем незначительное время (предсказывать он не мог - но знал, что все с неизбежностью повториться) - и все действительно повториться.

Но пока он мог быть спокоен. И хоть немножко отдохнуть.

Глава 5

Он любил такие периоды покоя.

В эти минуты ему ничто не мешало.

Его изможденный мозг наконец-то успокаивался.

А сознание... сознание неожиданно приходило в какое-то подобие нормы.

И пусть так продолжалось недолго. Это было. А значит уже и было чему радоваться.

Глава 6

Погружение в неизвестность. В какой-то мере это могло показаться несравненно ближе, чем-то многое хорошее, что доселе испытал или испытывал он.

Вот ведь в чем загадка.

Совсем не хотелось что-то испытывать такого, из чего невозможно было вернуться. Совсем невозможно было вернуться. Действительно так.

Отец Артемьева в советские времена "заведовал" наукой.

Сережа Артемьев тогда об этом не знал. Можно было допустить, что он "о чем-то таком" спрашивал отца. Но видимо уже тогда (период детства) для Сережи Артемьева было важно совсем не это. Не ответ на вопрос. Точнее, "не тот ответ", который мог дать отец. Не (как бы это правильно сказать?), не какая-то "внешняя оболочка" этого ответа. (Не отсюда ли почти что пренебрежение к реализму?). Скорей всего, Сережа уже тогда интуитивно угадывал что-то другое, что скрывалось за этим и другим ответом; что скрывалось, быть может, вообще за внешней стороной жизни.

Ведь что было на самом деле, и что он чувствовал,-- это были совсем отличные друг от друга понятия. Причем они порой различались настолько, что иной раз становилось и подозрительно странным - а могли ли быть так?

Но это наверное было. Так. Ну а почему нет?..

Да и, по сути, что было?

Было то, что отец занимал довольно значительный пост. (Сережа об этом догадывался). Входил в состав секретариата ЦК партии (хотя это, скорее, так казалось Сереже Артемьеву, чем было на самом деле). Пользовался всеми льготами, которые устанавливала советская власть для видных своих последователей. (Это было на самом деле). Но вопрос

в том, что это-то как раз и было только т. н. внешняя оболочка реальной жизни. Притом что, в то, как и что было "на самом деле", --Сережа Артемьев никогда серьезным образом не вдавался. Хотя и пропускал всю "открывающуюся" ему информацию через свое сознание. Быть может понимая, что этого-то как раз и не стоило делать. Зачем? Ведь не это было важно. Разве из-за этого он любил своего отца? Уважал его. Нет. Совсем не из-за этого. И, конечно же, не из-за того, что его отца *уважали* другие. И уж тем более не из-за того, что перед его отцом "пресмыкались" все те взрослые дяди, которые только посмотришь на них со стороны (важные такие, со своими водителями, наделенные какими-то полномочиями, наверняка тоже могущие многое себе позволить), и как только появляется рядом с ними отец - и тут же фигуры их превращаются в одно подобие раболепия, и сразу слетает с них вся важность, а отец - отец от них отмахивался как от мух, и вообще ругал всех этих... (ну да ладно, какими словами он их называл), но что видел Сережа (и что сохранилось в его памяти) - это угодничество и раболепие по отношению к отцу. Помнил он это. Конечно же, помнил. Да и наверняка отец занимал намного большую должность, чем об этом даже догадывался (и уж наверняка помнил) Сережа. А может так выходило, что Сережа только раз спросил кем работает его отец, и тот (или кто другой) ответил ему, а Сережа и запомнил. А потом прошло уже какое-то время, и отец его наверняка еще больше "поднялся" вверх, поднялся по иерархии партийных должностей, ценностей и соответствующих этому льгот (почему-то память упорно цеплялась за все эти льготы). Ну а в памяти Сережи осталось только то, что он запомнил когда

был совсем маленьким (но уже тогда представлял себя большим). И что же тогда?

Да, впрочем, это ли важно сейчас. Все равно это было то, что скрывалось только лишь за внешней оболочкой. А на самом деле... А на самом деле, Сережа ведь помнил отца совсем другим.

Прежде всего, что-то выходило на первый план из того, что касалось внутреннего мира. И тогда уже и мир отца, и мир воспоминаний о нем делился как минимум на две составляющие. На то, что было известно другим, и на то о чем знал (что понимал) Сережа. И в какой-то мере это могло различаться. Пусть и не настолько, чтобы перед Сережей Артемьевым представляли два разных человека. Но если подумать, "повспоминать", сопоставить что-то, что оставалось совсем уж за кадром сознания - то быть может уже так все это и было? И что же тогда? А ничего. Это всего лишь следствие *миропонимания* и *мироощущения* Артемьева. Ведь так было всегда. И что-то случилось не именно только сейчас. А всегда, одна и та же ситуация (оценка ее) могла расходиться в нескольких плоскостях. И порой совсем различалось мнение об этой ситуации. Ну а почему бы и нет? Почему, почему бы и нет...

Какое-то особое чувство рождали эти воспоминания. Нет, нет, тепло и удовольствие возникало, шло из мозга и расплывалось по телу - это понятно. Но вот что-то с недавних пор было еще. Какая-то неожиданная боль. Так что Артемьеву вновь уже было трудно сдерживать себя. Хотелось выть, обхватывать голову руками, валяться по полу, быть

может даже не скулить тихо в голос - а кричать, звать кого-то на помощь, просить защитить его...

От кого?

Да не от кого было его защищать...

Это все было какой-то платой за ту излишнюю гениальность, которую он всегда ощущал в себе. Его мозг работал совсем не на привычных для большинства оборотах. В несколько раз у Артемьева все происходило быстрее. И за это, конечно же, должна была наступить какая-то особая плата.

То, что жизнь его закончится намного раньше, он знал. То, что сгорит его мозг от испытываемого напряжения, - он тоже знал. И то, что все эти признаки -- были следствием этого, Артемьев тоже об этом догадывался. Так какое же тогда могло быть сожаление? Какое?

Да нет. Никакого сожаления быть не могло. И не должно было быть. Никакого сожаления. Никакого. Сожаления.

Все необходимо было принять так - как есть.

Как было.

Как должно было - быть.

А с этим надо было только смириться...

Глава 7

Что сейчас было для Артемьева мучительней этих воспоминаний? Но и что было важнее их? В его подсознании все словно самым чудодейственным образом *уравнивалось*. Ничто, совсем ничто не было лишним. Не могло быть, не могло считаться таковым. Ну а то, что ему осталось?.. Да что, собственно говоря, должно было ему еще остаться?.. Нужно было стремиться жить. Стремится выживать. И это было

несравненно важнее настолько, насколько и труднее. Потому как, опять же, все чаще осознавал Артемьев (как-то неосознанно осознавал), что существует он как будто и в совсем ином мире. И ничто не было способно изменить его отношения к этому миру. Потому как, наверняка, мир-то был один, - да только *ощущения* этого мира были различны. И менялись они в зависимости от возраста, прожитого Артемьевым.

Притом что совсем еще не значит, что все лучшее было (или могло быть) впереди. Может и совсем даже нет...

.....
.....

Скорей всего - это была загадка. Загадка, которую, быть может, совсем даже и не требовалось разгадывать.

Вот ведь как!?

.....
.....

"Я часто наслаждался тишиной и покоем. Это было то, что мне всегда было особенно близко. Так выходило, что я уже с ранних лет чувствовал какую-то уединенность от внешнего мира.

Мне намного было важнее мой собственный, мой внутренний мир. Видимо как-то чувствовал (а со

временем только укреплялся в своей вере), что в нем найду *все недостающее*.

Как известно, информацию мы получаем с внешнего мира. Но в моем случае это чувствовалось больше, чем у кого-то. Потому как внутренний мир, мой внутренний мир, давал мне порой несравненно больше.

Можно было сказать, что этот мир был мне близок. Наиболее близок. Так получалось, что я всегда и внимательно ему уделял несколько больше.

Но, конечно же, совсем без каких-то внешних ощущений прожить было невозможно. Да это было бы и ошибкой. И, конечно же, окончательно расставаться с реальностью я не хотел. Не собирался. Не мог.

Я, наверное, боялся реальности.

Я все же, наверное, действительно боялся реальности. И потому находил какое-то уединение и защиту в своем мире. В своем внутреннем мире.

В нем я находил много недостающего.

В нем я находил почти все недостающее.

В нем я находил то, что мне явно не хватало в мире внешнем.

И между моим внутренним и внешним миром чувствовалась какая-то незримая связь.

Причем, порой, настолько явная, что оставалось только удивляться: и когда это они успели договориться между собой. За моей спиной. Получалось, за моей спиной.

И я вынужден просто констатировать реальность происходящего...

.....
.....

Вот ведь как бывает... Задумывался ли я когда - что бывает так? Задумывался ли я когда - что происходит так? Задумывался ли я тогда - что все происходит именно так?

Наверное, нет.

Тогда, в детстве (детстве, юности, ранней молодости) я еще, наверное, не мог любить эти два мира. Вероятно все время - как-то совсем по "не нужному" сопоставляя их. А потому всегда "перевешивал" какой-то один. И я даже знаю какой. А другого... А другого я, верно, даже как-то опасался. А то и - относился к этому "другому" (миру) с опаской.

Да и мне не очень хотелось доверять ему. Слишком много мучений приносил он мне. Слишком часто приходилось преодолевать себя, чтобы относиться, чтобы *заставить себя относиться* к нему хоть с тенью (хоть с малой, незначительной, быть может совсем ничтожной) тенью того "уважения", которая доставалась от меня - моему внутреннему миру.

И в этом я не видел что-то *странного* или несправедливого.

Видимо я чувствовал какую-то угрозу, исходившую от внешнего мира. Какое-то, быть может, непонимание (а внешний мир невольно вбирает в себя отношения к нам окружающих) со стороны других людей.

Большую часть этих других людей я не любил.

Быть может, даже боялся их.

И в чем уже сейчас можно было признаться - я все время старался "подстроиться" к этим людям.

Я их совсем не знал. Я не знал большинство из них.

Но я всегда стремился "подстроиться" к ним.

Еще лучше - оказаться им чем-то полезным.

Этакая, угодническая помощь.

Ну почему я не могу признать? Все это было.

Причем это не только *было*, но и как-то *направляло* мою жизнь в течение достаточно длительного промежутка жизни. Можно сказать (и признаться,--конечно же, признаться), что именно так все и было еще до недавних пор. Когда окончательно во мне не произошел (очередной) "пересмотр" жизненных ценностей. И я понял, что уже *могу себе позволить* быть самим собой.

Могу себе позволить...

Как долго я к этому шел... Я все время (каждый день, каждый день не стихала борьба и самосовершенствование) стремился наконец-то достичь той "самостоятельности", когда смогу в полной мере - противопоставить себя внешнему миру.

...Противопоставление было и раньше. Оно началось еще тогда, когда я был молод, еще даже слишком молод.

Но выходило так,--что раньше я неизменно *проигрывал*. Я все время проигрывал, но уже даже зная, что проиграю, во мне как раз укреплялась та внутренняя гордость, которая

помогала даже в изначально проигрышной ситуации отстаивать свою позицию. Причем, зная,-- что *выиграть не дано*.

Но я не сдавался. Я мог признать только *временное поражение* "противника" (моих многочисленных "противников"). Но я твердо был уверен - что наступит то время, когда "расклад сил" изменится. И я поменяюсь местами со всеми моими многочисленными "обидчиками".

Я ждал этого часа.

Я шел к нему.

Я верил, что он все равно наступит.

А судьба все больше и больше била меня. Она избивала меня нещадно. Избивала с ухмылкой. Избивала, иной раз, как-то по особенному издевательски хохоча.

И казалось, уже давно можно смириться. Признать поражение. Признать "лидерство" других. Другого. Кого-то другого,-- но только не себя.

Многие так и делали.

Но я не мог допустить такого.

Все-таки во мне что-то таилось такое, что мне и помогало. Что помогало сохранить во мне (очень важные для меня) лидерские качества. И я знал, что придет час - и я смогу ими воспользоваться.

Я знал, знал, что обязательно наступит это.

Но я совсем не знал - что мне придется ждать столько.

Труден был этот путь.

Но мне обязательно необходимо было его пройти.

Именно он сформировал меня.

Именно "благодаря ему" я стал таким. Еще может быть во многом - "не доступным" для понимания большинства окружающих.

Но ведь я никогда и не стремился быть понятным "для большинства".

Я всегда игнорировал *большинство*.

Я верил в себя.

И я знал, когда-нибудь наступит тот момент, когда я действительно *смогу себе это позволить*.

И должны были пройти многие годы - *когда действительно смог*.

Глава 8

"Наверное, эти мои воспоминания немного странные. В них почти не упоминаю кого-то еще, кроме себя. Но так получается, что я изначально *хотел разобраться только с собой*. Мне в какой-то мере всегда *были понятны другие*. Я *научился их понимать*. Явынужденно научился их понимать. Это было необходимо мне... для того, чтобы выжить.

...Так получилось, что я всегда знал: способность моя когда-нибудь стать "самим собой" - будет почти исключительно базироваться на том, насколько я смогу *предсказывать* действия окружающих.

Подобное "предсказание" действительно было моим *способом выживания*. Вернее, только на одном из начальных этапов моей жизни - это было каким-то "способом". В дальнейшем этот "способ" - превратился в *норму*.

Этот способ служил неким залогом, неким невольным подтверждением жизни вообще. Моей жизни. Ибо она всегда выделялась мне несколько специфической, по отношению к жизни других. Жизни с другими. Жизни... Да и то действительно - просто жизни.

Другого способа я не видел. Я даже не знал - нужен ли он? И сейчас - я только могу сказать "спасибо" - самому себе. Ведь это позволило мне действительно понимать других. Научило справляться с теми "требованиями", -- которые невольно сейчас бы я сказал "подсознательно" выдвигали (всегда выдвигали) они в отношении меня.

И это действительно позволило мне выжить. Элементарно выжить. Потому как нет ничего страшнее - чем остаться одному. Чем остаться совсем одному. И можно было признать (признаться) что я этого всегда боялся.

Видимо этот страх (а что это было - если не страх?) не позволял мне действительно многого. Нет, конечно, я как-то научился его обходить. Но обходил я, большей частью, именно свою способность "оставаться собой". И в этом помогли мне как раз мои "способности" (способности, конечно же, способности) "понимать" других.

Люди ко мне проникались каким-то доверием. Можно сказать, что я этим "пользовался". Я просто понимал, что им всегда нужно дать именно то, что они больше всего *желали*. Природа человеческой психики такова - что большая часть индивидов значительно легче и охотнее верит в какую-то (зачастую, собой же выдуманную) иллюзию, чем

реальность. И мне оставалось только способствовать тому, чтобы именно со мной - они эту иллюзию видели. То есть, чтобы какую-то иллюзию - они невольно (подсознательно) ассоциировали со мной. С моим образом.

Все должно быть действительно неосознанно. В ином случае,-- кто-то мог и "воспротивиться". Ведь мало кто способен в реальности (т. е. опять же,-- осознанно) признать какое-либо манипулирование их личностью.

Но если это было трудно признать в реальности - то совсем как будто бы, можно закрыть глаза - если это происходило, как бы, само собой. Без их осознанного *соглашения* с этим.

А бессознательное - оно на то и бессознательное, чтобы если что, можно было и не признать это. И (при случае) всегда отказаться. А зачастую сделать вид - что ничего и *не заметили*.

Глава 9

"Я боюсь представить, что было бы, если бы я как-то "не сориентировался" тогда, когда собственно бессознательно я уже принял "за руководство к действию" ту модель, которую потом все время и исследовал.

Сейчас мне это представилось настолько очевидно, что я невольно испугался того, что действительно со мной могло тогда произойти.

Наверняка я не был бы тем, кто есть сейчас.

И, конечно же, речь идет о внутреннем мире. Он не был бы, он бы совсем не был таким, как у меня сейчас. И так выходит... А вот насколько это все действительно оправданно? Ведь в какой-то мере - я

шел "по трупам". Я шел "по головам". Я шел, причиняя боль окружающим.

И уже сейчас, после осознания этого, - я совсем не могу позволить себе остановиться. Ведь в этом случае,-- будет означать это, что "жертвы" были и напрасны. И все те несчастья, которые испытывали со мной (из-за меня!) близкие - неоправданны. А ведь я все положил на алтарь того, чтобы добиться того, что имею сейчас. Чтобы стать таким, - какой стал сейчас.

И это на самом деле трагедия! Мне бы остановиться раньше!..

Но это "раньше" было настолько давно - что меня все время (видимо, неосознанное *понимание* этого) "гнало" вперед.

И я действительно совсем не мог остановиться.

Но так ли нужно было это?

.....
.....

Во мне все время сохранялось что-то, что жило совсем независимо от "понимания" того -- нужно ли это было мне?! Что-то было "свыше", под властью которого я находился. Что руководило мной в моих многочисленных совершаемых поступках. Что просто не давало мне не только остановиться, но и не позволяло свернуть (с выбранного для меня) пути.

И я шел к намеченной цели. И уже как будто даже и цели были выбраны совсем не мной. Словно "кто-то" меня готовил для совсем иной цели. Но

"озвучь" он ее тогда - я бы не поверил. Наверняка, не поверил бы.

Но уже видимо для "подстраховки" -- о ней и нельзя было говорить. Как нельзя было и чтобы я догадывался о ней. Нельзя даже, чтобы "интуитивно почувствовал"...

И я все время должен был находиться в каком-то "счастливом" *неведении*.

Но вот вопрос - насколько это "неведение" было "счастливым"?..

Но я жил этой жизнью. Я жил абсолютно, быть может, не свойственной мне жизнью. Изначально жил как будто бы "в долг". И могу поблагодарить только те невидимые силы, - которые не позволили мне воспротивиться столь непонятному движению.

Ведь, по сути, я все время падал вниз. В пропасть. И с неизбежностью стремился просто-напросто удержаться. Избежать быстрого падения. Ибо то, что я упаду - я знал.

Я уже это знал.

Я понял это.

И это, видимо, было тоже частью какого-то неведомого мне "плана". Потому что именно это не позволило мне предпринять что-то, что кардинально изменило бы судьбу. А значит, не только привело бы к самым печальным и нежелательным последствиям, но и изменило бы, нарушило бы те "установки", которые для меня разрабатывали другие. А так... А так я, по крайней мере, мог дойти до того состояния своего сегодняшнего, нынешнего состояния, когда

уже вроде как и менять ничего не нужно. Не требуется. Нет необходимости.

Потому как, видимо, это и есть то, к чему я шел. К чему меня "вели". Пусть не какой-то окончательно сформировавшийся "вариант". Но это уже тот путь, тот прямой путь, по которому мне вполне можно идти уже самостоятельно.

Можно сказать,-- меня вывели на некую "финишную прямую". И на какое-то время, мои невидимые "и сверхъестественные (конечно же, сверхъестественные) "наставники" -- теперь могут отдохнуть.

Они теперь действительно могут отдохнуть. Хотя бы какое-то время...".

Часть 3

Глава 1

"Я всегда хотел проникнуть во внутренний мир родителей. Будучи мужчиной (я имею в виду пол), мне, конечно же, ближе казался отец. На каком-то этапе жизни (большей частью,-- начальном) это было то, что я знал - способно мне было не только "многое дать", но и "вытянуть" меня. Ведь для меня важна была еще и генетическая составляющая. В 14 лет я уже прочитал все труды Вавилова. (Все, которые смог мне "достать" отец. Хотя возможности отца были действительно большие). Поэтому уже с детства - я вполне мог отталкиваться и от "генетической составляющей".

Но видимо все-таки это служило лишь невольным подтверждением какой-то моей

внутренней убежденности, что все необходимо делать так, а не иначе. Да и, в принципе, я и не думал, что что-то должно было быть как-то иначе.

Долгое время отец для меня являл какую-то загадку.

Можно было сказать, что так до конца я ее и не разгадал. Но в понимании и его, и мамы - я все же значительно приблизился за время того анализа, который невольно еще и предпринимаю по сей день. Правда, сейчас я с родителями почти не вижу. Как-то неожиданно для меня, несколько лет назад они уехали из страны. Отец получил достаточно известную международную литературную премию. И он с мамой (совсем неожиданно для меня) решили жить в одной из западных стран.

Причем, мне думается, большей частью это было желание отца. Но на мое удивление - мама согласилась с ним. И они уехали.

Я знаю, что там они купили дом. И начали вести совсем уединенный образ жизни. Правда, если отец к этому, в общем-то, стремился всегда, то вот как выносила это невольное затворничество мама - я так и не узнал. Почти сразу после приезда (все буквально произошло в течение нескольких месяцев) родители погибли.

С тех пор для меня все изменилось. Мир уже не выглядел таким, как быть может я выдел его раньше. Да и какой-то уже "договоренности" с моими невольными (и невидимыми, по прежнему невидимыми). И я все также не знал, кто это был. Но

уж точно не Бог) "кураторами" -- речи быть не могло. Я действительно стал смотреть на все происходящее вокруг совсем другими глазами. Но и помимо глаз - все чувства мои тоже изменились.

Я стал совсем другим.

И мне теперь было абсолютно безразлично, что подумают обо мне окружающие.

Я перестал под кого-то "подстраиваться". И впервые стал самим собой. И, наверное, от этого я только выиграл. Потому как теперь все чаще стал погружаться в свой внутренний мир - совсем не опасаясь остаться там.

Мне уже стало "все равно". Я понял, что достиг своего "совершеннолетия". И пусть мне давно уже было не 18. Пусть это произошло только в 40. Но это было так. И у меня не было никаких оснований - не признавать этого. Так же, как и не осталось никаких иллюзий, с которыми я бы не захотел расстаться.

Что мне оставалось делать дальше?

Жить. Мне оставалось по-прежнему жить.

Только моя жизнь - уже как вроде бы только мне и не предназначалась. Она вбирала в себя то,-- что не успели прожить другие. Что не успели прожить мои родители. И так получалось - что я теперь жил и за себя, и за них. А значит, и "ответственность" перед этой самой жизнью - у меня теперь была совсем иной. И пусть я также себе не мог позволить многого, что не позволял раньше - теперь я словно должен был оглядываться еще и на то, как бы поступили они. Чтобы подумали - они. Чтобы сделали - они.

И, по сути, я уже не был самим собой. Но, скорее,-- наоборот. Я не был "собой" -- "прежним". Я

стал совершенно другим. Я изменился. Я почти кардинально изменился. Но и если раньше я и не задумывался о смерти (а в какой-то период и очень боялся ее),-- то теперь она стала мне безразлична. Ведь смерть, по крайней мере, лишь переведет меня в другое измерение. В то, где были родители. А это уже заставляло и в какой-то мере желать ее.

Но вот только "желание" -- это было еще совсем не то, как если бы я действительно хотел ее. Желать и хотеть,-- в данном случае не имеют никакого родства. Это вообще - чуждые друг другу понятия. Потому что, по крайней мере для меня, они выражали собой все только разное. Все исключительно - отличное друг от друга. А раз так - то они уже были для меня чуждыми. Быть может своей какой-то непонятностью. Да и почему, спрашивается, я должен относиться к ним как-то иначе? Совсем даже нет. Почти нисколько нет. Не должен. Я не должен относиться к ним так. А значит... А значит я все же могу остаться самим собой. И должен остаться собой. Я вынужден - остаться собой. Ведь не таким ли хотели меня видеть родители? И уже отсюда - я просто обязан сделать все, чтобы соответствовать тому образу, который (теперь уж навсегда) остался в их памяти.

И не может быть никак иначе.

Просто не может быть иначе. Не должно быть - иначе".

Глава 2

"По большому счету, я сказать мог не так-то много. Все что о чем хотел - скрывалось где-то на

уровне подсознания. И задача была - как-то вытащить все это оттуда.

Но вот, на сколько я был способен это сделать?

У меня были серьезные опасения что не мог. Но память совсем (и никогда) не считалась с моими опасениями. И я ведь вновь и вновь с нарочитой поспешностью фиксировал на бумаге давно, как считал, ушедшее от меня. И нисколько даже не задумывался - что необходимо мне было как-то замедлить ход времени. Ибо это было не только невозможно. Но и означало, что я бы расписался в какой-то своей *несостоятельности*. А этого я действительно боялся.

И даже не то чтобы боялся. Я просто к этому не привык. Ну, хотя бы потому, что не считал для себя возможным делать это.

Да и зачем? К чему-то я ведь все равно приду. Пусть и размышление (да воспоминания) мои несколько затянутся. Но ведь это совсем не означало, что прекратятся они совсем.

И тогда уже вновь и вновь я стремился к чему-то совсем неизведанному мной. Хотя догадывался я - что это буде всего лишь какой-то вариацией когда-то существующего. И не больше не меньше..." -- Артемьев закончил писать. Нет, это, конечно же, было еще не все. Да и не собирался он так скоро завершать все эти воспоминания. И хотя "воспоминаниями" это можно было назвать с какой-то долей условности - это было именно воспоминаниями. Воспоминаниями о тех эмоциональных составляющих некогда совершенных поступков, в которых он, быть может, когда-то повел себя совсем иначе. Совсем не так, как это было нужно. Совсем не так, как это было должно.

Ну и что с того? Разве это действительно было важно?

Но в том-то и дело, что для него это было важно. Очень важно. Невероятно важно. Это было единственное, что у него осталось.

И расставаться с этим - он был не намерен".

Глава 3

"А иногда я начинал говорить со своим прошлым. И было это совсем не так, как это можно было представить на первый взгляд. Я действительно разговаривал.

Это были пространственные диалоги. Мне совсем не хотелось прекращать их. И как будто в какой-то момент от меня уже начинал ускользать смысл их. Но я не заканчивал.

Я не заканчивал их, как, наверное, дано бы сделал это, если бы дело касалось каких-то живых и реальных людей.

Но те, с кем я разговаривал, они хоть и были когда-то живыми; но я совсем не мог утверждать это. И уж точно - казались они мне теперь совсем ирреальными.

Они парили над пространством. Они возвышались ввысь. Они подчиняли все и всех своему оголтелому крику. И, казалось, уже ничто и не способно было остановить их движения.

Да я и сам, порой, сникал перед их торжествующим плачем.

Да, да,-- они плакали.

В этом плаче было что-то такое занывно-трогательно-печальное,-- что совсем невозможно было не слушать его. Но и слушать,-- и слушать тоже не было сил.

И оставалось только смириться. Смириться с тем, что это и есть. И будет существовать независимо от вашего восприятия этого.

Трудно?

Ну почему же,-- так-то уж трудно?

Скорее... необычно.

Но это совсем не значит,-- что все это было до боли, до печали, до ужаса непонимания - непонятно.

Насколько я отдавал себе отчет в том, что, то, о чем пишу я - необъяснимо (так же как и непонятно) большинству окружающих?

Видимо это было так.

Мне постоянно требовалось призывать к себе в помощники что-то - что помогло бы мне удерживать себя в понимании всего того, что расстилалось передо мной.

--Черт знает что это было!--хотелось иной раз воскликнуть мне.

И ведь я сознательно заводил себя в какие-то дебри небытия. Я взлетал над вершинами людского интеллекта, и парил там, опасаясь иной раз опуститься, чтобы тут же быть разорванными ими на части.

Эти части могли быть частицами единого целого.

Но это совсем не были частицами меня.
Я бы совсем не смог себя "собрать".
Это было бы невозможно.
Спускаясь с небес - я уже мог никогда и не взлететь.

А оставаться внизу - я совсем не хотел.
Я понимал - что мне предназначено совсем иное. И даже не хотел я быть каким-то вершителем судьей. Для этого вполне могли сгодиться схоласты и пророки. Мне требовалось совсем иное.

И оттого, я почти сознательно балансировал на краю между чем-то вымышленным (может быть только что придуманном мною; но лишь так - так было оттого,-- что мне позволили прикоснуться к этому) и реальным. Но я уже знал - что мне дозволено многое только для того - чтобы я уже не отступил назад.

Позади меня был хаос. Губительный для меня хаос обыденности. То, что я не принимал ни под какими раскладами. То, что я - в общем-то - никогда и не понимал. То, что я - не принимал.

И то, от чего я всячески стремился сбежать.

Мог ли я действительно осуществить задуманное? Способен ли был не свернуть с единожды *вверенного* мне пути? Мог ли не поддаться искушению жить в этом совсем чуждом мне мире?

--Черт побери!-- в который уж раз хотелось воскликнуть мне! Мне хотелось закричать, закричать об этом.

Мне очень бы хотелось, чтобы меня услышали. Мне очень бы хотелось, чтобы я был услышан. И насколько мне позволялось быть услышанным?!

Насколько?
Насколько?!
Насколько...

Вздыхнуть полной грудью я не мог. Я еще до сих пор не мог себе позволить этого. Потому что... потому что это бы совсем мне ничего не дало. А только бы *уничтожило* меня. Уничтожило, - потому как было еще *рано*. Еще было действительно слишком *рано*.

И насколько я был уверен что дождусь своего часа?..

Я никогда (в полной мере) не был уверен в этом.

Я никогда не мог себе позволить быть уверенным в этом.

Просто потому... Просто потому, что жил совсем не среди тех людей, которые действительно бы оценили это...".

Глава 4

"А ведь я сходил с ума.

Я по-прежнему медленно сходил с ума.

И только на какое-то время кризис миновал. А процесс задержался.

На самом деле - я все так же сходил с ума.

И вновь и вновь осознавая это (пока еще осознавая!) я поставил на карту все, что у меня было.

Я поставил на карту возможность *вернуться назад*.

Я сам обрубал уже и далеко и не такие плотные веревки (и не такие - как у остальных - *канаты*) как это было когда-то.

Хотя у меня их никогда и не было.

С самого начала, нити удерживавшие сознание с бессознательным, - были в моем случае непрочны.

В иных случаях, они были совсем и незаметны. И только что-то позволяло надеяться - что они еще были.

Но были ли?

Были ли они на самом деле?

Сейчас у меня все меньше оснований подозревать это.

В иные моменты мне даже нисколько не хотелось считать, что это было так.

И тогда я отпускал свое бессознательное.

И оно парило (или я парил вместе с ним).

И наступала, --поистине наступала какая-то гармония.

Какое-то невероятное единение.

И мне как будто что-то (незримо) указывало дорОгу. Хотя и "дорОгой" в привычном понимании это совсем назвать нельзя.

И тогда я старался не думать ни о чем.

Это было трудно.

Это было невероятно трудно.

Но я знал - что в этом мое единственное спасение.

Хотя бы потому - что тогда приближалась вечность.

Та вечность, - в которую хотел проникнуть я.

Та вечность, - с которой хотел я слиться.

И ничто уже не способно было вернуть меня обратно.

Потому что только в этом состоянии - я и был *собой*.

Только в этом состоянии - я и не мог выжить.

Только в этом состоянии - я и жил!..".

Часть 4

Глава 1

Артемьеву много не доставало.

Артемьев во многом боялся признаться самому себе.

Он как-то не слишком часто задумывался, что *использует* людей.

Это была не слишком хорошая его черта.

Но он совсем не хотел изменять себя. Тогда, когда ему надо было задуматься над тем, что происходит (и, соответственно, когда что-либо могло измениться),-- он самым неожиданным образом переключался на что-то другое.

И все как будто оставалось на своих местах.

Можно было подойти более детальнее к тому, как происходит все это "использование".

Не всем может быть это интересно. Но для тех немногих, для кого это имеет хоть какое-то значение (и, быть может, чтобы не допустить этого впредь - хотя, сколько не предупреждай себя,-- все ведь происходит всегда все равно),-- мы должны хоть какое-то место в нашем повествовании уделить тому, как - и главное: почему - это происходило с ним.

А быть может даже мы совсем не будем вдаваться в те причины (мало - или много - численные,-- вопрос так и останется вопросом),

побуждающие делать его что-то подобное. Но уже почти совсем невозможно исключить - что это в какой-то мере было всегда интересно самому Артемьеву.

И быть может уже только для него - мы должны затронуть и эту тему.

Все происходило словно и независимо от его какого-то желания.

Верно было то, что не угадывалось изначально никакой *заинтересованности* Артемьева.

И мы даже совсем не могли бы утверждать,-- появлялась ли эта "заинтересованность" после.

Но скорей всего - именно по этим всем причинам (а "причины" множились и накладывались друг на друга независимо - опят же - друг от друга),-- все и всегда происходило именно так.

Этого совсем невозможно было избежать.

Это оставалось лишь только принять.

Как должное.

Как то,-- что существует независимо от нас. Существует наравне с нами. Существует параллельно нам. Существует... и действительно существует независимо от нас.

Что происходило?

Сначала Артемьев каким-то необъяснимым образом определял интересующих его людей.

По всему - это уже изначально были какие-то особые люди. Ну, скажем, они должны были чем-то отличаться от других. В них должна была существовать какая-то деталь (хоть одна; деталь и черта - в данном случае синонимы), которых или не

было в других. Или нечто схожее он уже в ком-то находил. Но по каким-то причинам - этот человек был для него недоступен.

Почувствовав это,-- Артемьев каким-то образом изменился.

Быть может было трудно заметить сразу эти изменения.

Наверняка,-- не бросалось оно в глаза.

Но это было именно так. И по каким-то совсем невидимым (и что верно - не осязаемым) деталям - Артемьев сразу замечал в себе какие-то начавшиеся изменения.

И тогда ему оставалось только определить - что это был за человек.

А дальше... Дальше вступал в действие второй этап.

Этот этап был заметно сложнее предыдущего.

Если в первом (начальном) случае происходило все еще на уровне интуиции,-- то теперь на передний план выступала какая-никакая,-- но все таки техника общения.

Конечно, без интуиции не обходилось и здесь.

Но Артемьеву уже и не помогало не что, что должно было закрепить первоначальный успех. Т. е. "жертва" (называть это можно как угодно; какого-либо особого значения названия не несло) должна уже почувствовать и со своей стороны - бессознательный интерес к Артемьеву. И можно даже сказать - большей частью именно она должна была заинтересоваться им. Но, конечно же, какой-то интерес (почти такой же - изначально - неосознанный) был и у Артемьева.

И уже два этих некогда разнополярных тела - шли и по направлению друг к другу.

Дальше все как-то происходило быстро и неинтересно. Артемьев "вычислял" то, что было ему в другом человеке интересно. То, что до этого не встречалось (или не было изучено им) в других. Ну а когда он разбирался в загадке (и, собственно, загадка уже не становилась таковой),-- этот человек становился Артемьеву неинтересен.

И он избегал его.

Вот, собственно, и все.

Глава 2

А ведь он как никто другой понимал, что жизнь ускользает он него.

Нет, жизнь, конечно же, была все та же. И никто, также как почти и он же,-- не замечал что проходят какие-то дни. А тем более - кто? - с грустью расстается с минутами.

Но вот в том-то и дело - что все время перед Артемьевым было это *почти*.

Оно маячило перед ним, затуманенное и без того не совсем здоровое сознание.

Оно служило тому, что все чаще из его бессознательного выдвигалось что-то - что приносило предчувствие чего-то нехорошего.

Но это еще не было предчувствие опасности. Вряд ли кто мог уловить в полной мере ее?

Но вот в том то и дело, что было почти что наверняка, Артемьев угадывал как что-то начинает проходить совсем (как будто бы) без его ведома. И ему не удастся (да и не удастся уже никогда) уследить: что же на самом деле происходит?

Но он жил.
Да, конечно же, продолжал жить своей
обычной жизнью.
Это была жизнь затворника.
Это было как-то по особенному верно, даже
несмотря на то, что Артемьева очень часто окружали
люди. От большинства из них он стремился
избавиться как мог.
Зачастую это ему удавалось.
Но люди каким-то подсознательным образом
угадывали необыкновенную энергетику исходившую
он него. И тянулись; и всячески тянулись к нему.

Это могли быть обычные встречи.
У кого-то из них (противоположный пол) могла
быть какая-то надежда на совместное проживание.
Но в итоге Артемьев каким-то удивительным
образом обходил "пожелания" (наверное, это было
больше именно "желаниями") других; и все (в итоге)
оставалось так - как хотелось ему.

Но так было не всегда.
Артемьев тоже какое-то время шел к своей
гениальности. И именно из-за нее, из-за того, что
приходилось, зачастую, ему видеть намного больше,
чем другой человек и сам вкладывал в какие-то свои
слова или поступки - Артемьев все время испытывал
двойное (как минимум - двойное) напряжение. Но
ничего не менял. Или почти не менял.
Он не любил людей.
Артемьев не любил людей.
Но они были ему необходимы.

Потому как - кто как не они - могли быть невольным свидетельством и подтверждением его гения.

На каком-то этапе жизненного пути Артемьев понял, что его жизнь проходит почти "просто так".

Он должен создать какое-то материальное подтверждение своей гениальности. Должен сделать что-то - что останется еще и после него. То, - что может сказать и другим поколениям о том, что он был таким (как считает себя сам).

Раздумывать долго не пришлось. Артемьев решил подарить человечеству самый совершенный учебник человеческих взаимоотношений. Это должен быть объемный труд, изучив который у человечества не будет возникать никаких вопросов в том - как понимать друг друга.

И он принялся за дело.

Тщательно проанализировав все записи, которые он вел в течение предшествующих многочисленных лет в блокнотах, тетрадях, иной раз даже тетрадных листках, потом аккуратно скрепленных друг с другом, Артемьев понял, что уже достаточно материала как минимум на три тома.

Еще три - он написал за год.

...К концу семи лет работы - у Артемьева уже было 27 томов его сочинений о взаимоотношении людей. Но это была только половина того, что тон задумал. А когда был готов еще один том, - то Артемьев понял, что может значительно расширить тему. И тогда уже получается, что все им написанное -

было лишь третьей частью того, что еще предстояло написать.

И у него появились серьезные опасения, что он не успеет.

Удивительно,-- у Артемьева никогда не возникало мысли, что то, над чем он работает - попросту окажется никому не нужно.

Так он не считал.

Так считать - у него не было сил.

Считать так - значит "остановиться" в работе. А этого он позволить себе не мог.

Любые сомнения Артемьев решил оставить на то время когда все будет готово. А пока... Пока он работал.

За это время Артемьев почти окончательно поседел.

Его внешность изменилась.

Его не мог бы теперь узнать никто из тех - кто его знал еще десяток лет назад.

Но Артемьев теперь не задумывался над этим.

У него были серьезные предчувствия того, что он действительно может не успеть. Он может умереть или сойти с ума; с ним может приключиться несчастный случай; он может просто потерять ту мысль, которая дано уже "жила" с ним, и руководила всем его творчеством; да мало ли что может случиться такого, из-за чего он может не успеть.

А значит, он должен не отвлекаться ни на что.

Он должен закончить *начатое*.

И он знал - что закончит...

Глава 3

Артемьев "видел" многое из того, что у других просто не было никакого желания замечать.

Детали, которым он уделял почти такое же значение, словно это было чем-то главным и основополагающим - трансформировались в его сознании во что-то несравненно важное, и располагались по своим местам в его памяти.

Каждому из них присваивался свой порядковый номер.

Память у Артемьева действительно была уникальная.

Он мог запомнить только что прочитанную книгу. Почти вплоть до расположения абзацев и запятых в ней. Но и то, что он читал даже много лет назад - могло неожиданным образом с точностью предстать перед ним.

Он наслаждался своей памятью.

Он боялся ее.

Он любил ее так, как никогда никто не любил никого.

И он бережно - очень бережно - относился к ней.

Артемьев все также много читал.

Если ничто ему не мешало - книгу среднего объема он прочитывал за день.

Он почти что пролистывал ее. Но страницы навсегда сохранялись в его памяти.

И ничто не могло эту память потревожить.

Он помнил все, что когда-нибудь с ним происходило.

Он помнил события своей жизни начиная с того момента, когда лежал еще в колыбели. Он помнил

даже то, что говорили взрослые, которые склонялись над колыбелью малыша.

Он помнил даже то, что они говорили друг другу.

И ему казалось (и есть все основания предполагать, что это и было так),-- что он помнил даже то, что они (взрослые) на тот момент думали.

Артемьев был исключительным человеком.

Иной раз он боялся своей уникальности. И тогда просто предпочитал об этом не думать.

Да и думать о чем-то "постороннем" он просто не мог себе позволить.

Он должен был *успеть*.

Успеть закончить то, что начал уже давно.

И он знал почти что наверняка, что, закончив свой труд, он уже ничего более не сможет написать. Написать так, как было в главной работе его жизни.

И они всего отдавал себя тому, над чем работал.

И у него не осталось возможности как-то замедлить (а тем более остановить) свою работу.

И он должен был успеть.

И, в конце концов, он успел.

Он успеет. Забегая вперед скажем, что он успеет. Но он потратит больше времени, чем предполагал вначале. Хотя и он закончит свой труд к своему 57-летию. 16 дней останется до его 57-летия. И у него получится ровно 47 томов. 47 томов собственных сочинений. Сочинений, изучив которые - человечеству уже не надо будет рыться в других источниках, чтобы постичь природу человечества. Все это будет в сочинении Артемьева. Научном

исследовании. Научном исследовании, за которое он мог получить самую высшую награду человечества: остаться в ее памяти.

Но мы не будем так забегать вперед.

Сейчас Артемьеву было 42. И несколько томов его сочинений уже лежали перед ним.

Основная часть - еще хранилась в его памяти. И ему потребуется 15 лет - чтобы извлечь их оттуда.

Глава 4

Самого себя Артемьев и любил и боялся.

Боялся он той невероятной силы, которую угадывал в себе. Которую вынужден был постоянно сдерживать. Которую *лелеял, ублажал, обманывал*; которую иной раз носил на руках; а иной раз - от которой сбегал.

Но он всегда возвращался. Он вынужден был возвращаться всегда. Потому что никого кроме себя - у него никогда не было. И он знал это. И он боялся думать (лишь предполагал... предполагал иногда...) - но верно все же догадывался (да наверное все же и знал) - что и та сила, которая скрывалась в нем (в оболочке его тела) - любила его.

И она никогда не изменяла ему.

А он только пытался изменять ей в своих мыслях. Но этого ему никогда не удавалось. Потому что он также любил ее. Любил самой отчаянной любовью, на которую когда-либо был способен. Потому что... потому что у него действительно никого не было кроме нее. Кроме самого себя. С кем бы он всегда мог договориться. Кого бы он мог любить,

лелеять, нянчить, потакать любым капризам. И кем бы так восторгался. И кому был готов подчиниться в любое мгновение. И с кем бы мог - наслаждаться общением.

Что скрывалось в глубине его сознания?

Что таилось там, и все время норовило выйти из сдерживавших его оков?

Что это было?

Это была сила. Это была невероятная по своему значению сила, которая заключалась, которая выбрала для своего "заклочения" Артемьева. И в этом он был ей благодарен.

Они не могли расстаться. Все их нелепые (и иногда случавшиеся) обвинения друг другу были действительно нелепы. И никто из них - не относился к этому всерьез.

Никто из них не воспринимал это всерьез - потому что знал - что им не расстаться никогда. И то, что они вместе... то, что они были вместе - даже зависело не от них. Так было суждено. А раз так - к чему обращать внимания на какие-то возникающие между ними нелепицы.

И никто из них действительно не обращал на это внимание.

Глава 5

По сути, Артемьев всегда боялся того, что с ним происходит.

И он придумал то, что - в принципе - на его месте должен был бы придумать каждый: он научился разговаривать сам с собой.

Это было упоительное зрелище, если бы кто посмотрел любую из таких бесед.

Но это почти невозможно. Артемьев предпринимал настоящие меры предосторожности, чтобы никто не заподозрил его в разговоре с самим собой. Ведь он знал (в том числе и как преподаватель психологии) как это могут расценить окружающие.

А потому вел беседы тогда, когда никого наверняка не было рядом. И даже намного чем "рядом". Да он почти и не вел таких бесед. Это все же было слишком опасно. А ему ничем нельзя было ставить под сомнение свою "вменяемость". Ведь в таком случае он мог лишиться работы. А помимо того, что это все же был его заработок, Артемьев лишился бы практической составляющей всей своей теоретической базы. А этого он просто не мог допустить.

Он действительно этого допустить не мог. Ведь он должен был закончить свой путь. А кроме тех многочисленных мыслей, которые "базируются" в глубине его сознания и подсознания (Артемьев беззаговорочно принял структуру психики, предложенную в свое время австрийским профессором Фрейдом), ему еще необходимо было всячески подкреплять свои и мысли и знания - практической работой. Той работой, которую он вел со студентами (и пользовался, заметим, непререкаемым авторитетом среди них), и той работой, - которая теперь была смыслом его жизни.

Быть может, и не закончилась бы жизнь, если бы эта работа прекратилась? Но она наверняка

закончилась бы - если бы Артемьев потерял идеологические составляющие (так сказать - *направленность*) своей работы.

А значит... А значит он должен был всячески маскировать свои разговоры с самим собой. И вести их большей частью так,-- чтобы об этом никто не мог догадаться. Не могли догадаться окружающие.

Хотя окружающие (как предполагал Артемьев) о чем-то все же догадывались.

Глава 6

Вряд ли они могли догадаться обо всем. "Всего" -- не знал и сам Артемьев.

Но о чем-то они "догадывались" наверняка. И с какого-то времени - Артемьев еще и вынужден был обращать внимание на то - чтобы наблюдения окружающих за ним - не вышли за рамки всего лишь *предположений*.

И, в принципе, у него получалось.

По сути, Артемьев попутно вел и еще одни записи.

Это были все те же наблюдения за своей жизнью. За своей *внутренней* жизнью.

И это было настолько важно для него - что он даже не собирался включать их в свой основной путь.

Это был отдельный труд.

И "значение" его - Артемьев знал - что он сейчас еще и не может оценить.

Многое, слишком многое в своей жизни Артемьев делал с расчетом на будущее. На то будущее, которое он, быть может, и не застанет. Но у него просто не было возможности изменить свою

судьбу. У него были все основания предполагать, что все должно было быть именно так.

А раз так, - так к чему все эти нелепые (и совсем, совсем не нужные) сомнения, которые иногда возникали у него.

Ему необходимо было делать свою работу. Выполнять свое предназначение. И разве было время (разве мог он это себе позволить?) отвлекаться на что-то временное или преходящее?..

Артемьев думал о вечном. Он давно уже себя приучил - что это должно быть именно так. А раз так - то и не нужно было ему останавливаться, задерживаясь на чем-то, что и так исчезнет само по себе.

Само по себе...

Само...

По себе...

Глава 6

"Насколько я мог судить - ситуация очень часто в моей жизни готова была выйти из под контроля.

Так было и раньше.

Так было и... Нет. Мне не очень хотелось бы касаться каких-то отдельных случаев.

Но уже могу заметить - что в иных ситуациях я сам здорово нагнетал обстановку.

Часто мне казалось то, что только могло *показаться* при каких-то *возможных* (только лишь возможных) раскладах. Но что это будет именно так - я ни в коем случае не должен был верить.

Но каким-то незадачливым образом опережал события.

И действительно. Многое из того, что по моим предположениям должно было произойти - на самом деле не только не происходило, но и произойти, в принципе, и не могло. Так что можно признать, что я иной раз и здорово ошибался, приписывая каким-нибудь людям, встречающимся в моей жизни те их (мною предполагаемые) шаги, которые они не только не совершали никогда, но и совершить, как оказалось, не могли.

Каким-то незадачливым образом я попал в плен *интроспекции*.

И я *проецировал* свои собственные поведенческие мотивы, приписывая их другим людям, предпринимая в ответ какие-то свои ответные шаги, и, в общем, жизнь начинала (в моем представлении) принимать сугубо односторонний порядок.

Это походило на шахматную партию... С самим собой.

Увлекавшись одно время (и достаточно серьезно) шахматами, я очень любил практиковать игру с самим собой.

Это было очень удобно. Противник был не нужен. Чтобы начать игру - ведь всегда было нужно "настроение" (оно же - "желание") только одного человека. Самого себя.

И я с наслаждением играл. Но... Но пока окончательно не понял, что если у кого то это вполне допустимо - играть с самим собой, то в моем случае изначально получается довольно ощутимая предвзятость. И игра всегда заканчивается в пользу того, "чьими" фигурами я играю (то есть, какие повернуты ко мне).

А бывали исключения. Это когда по каким-то причинам я на себя сердился. И тогда наоборот, победу одерживал "противник", который должен был сидеть напротив меня.

Это была изначальная предвзятость. Но, на удивление, я мало когда винил себя. (И это касалось, конечно же, не только шахмат). А невозможность какой-то серьезной "вины" в свой адрес от себя же - объяснялось всего лишь тем, что я знал (о себе) намного больше, чем кто бы то ни было еще.

Во мне жило также огромное предчувствие того, что у меня какое-то особое предназначение (об этом я совсем перестал говорить в минуты даже редких откровений, после того как проанализировал медицинские дела нескольких десятков душевнобольных, и которые также были убеждены о своей "исключительности").

Не дай Бог еще кто проведет какую параллель между мной и кем-нибудь из этих несчастных, попавшихся на крючок какого-то психического заболевания.

А если разобраться, в действительности, я вообще о многом не мог говорить, чтобы не поймать на себе загадочные взгляды и не подпасть под подозрение в сумасшествии.

И это при том - что я сходил с ума. Но сходил медленно, с какими-то порой невероятными остановками.

Но это было сумасшествие совсем другого рода.

Это было *мое* сумасшествие. И оно было для меня чем-то поистине близким и родным.

И,-- как мне казалось,-- "управляемым".
Я не боялся - что это случится слишком быстро.
Я совсем не боялся ничего похожего.
Но я по-прежнему верил в свой какой-то
исключительный путь.
И... по сути,-- я всячески к нему стремился.
Как раз, быть может, чтобы и не быть
заподозренным в этом самом сумасшествии...

Глава 7

Для меня были загадочными мои отношения с женщинами.

Сознательно, на самом деле сознательно я всячески стремился избегать их. И... никогда не испытывал проблем женщинами.

Каким-то образом они всегда были рядом со мной.

Причем влюблялись в меня самой отчаянной любовью. И, к сожалению, не всегда я был способен устоять перед их натиском.

Причем удивительным было то - что они всегда принимали любые мои условия.

Но мне никогда не хотелось каких-то длительных отношений.

И видимо судьба и здесь шла мне навстречу. Поэтому большинство моих романов вспыхивали моментально. И заканчивались за один день. Но в этот день женщины совсем бескорыстно позволяли делать с собой все, что мне хотелось. И, скорее всего, именно это только укрепляло меня в моем отношении к ним. Потому что получалось, что я не только любил всех своих женщин (со всеми этими быстротечными романами), но и помнил всех их. А ведь их через мою

жизнь прошло столько, что если бы от каждой из них родился бы у меня ребенок, то это была бы огромная армия из 637 ребятишек (это память... память... я никогда не вел счет женщинам... Просто память фиксировала каждую из них...).

Притом что самое главное - каждой из них - я действительно дарил свою любовь. Был откровенен и честен с каждой. И каждой я смог дать помочь очутиться (пусть на миг, сутки -двое суток - редко когда это продолжалось дольше. Потом мы расставались) в том *иллюзорноммире*, который не мог дать ей никто другой. Я не только всегда *принимал женщину такой, какая она есть*, но и - это очень важно - *такой,какой она сама хотела видеть себя*.

А ведь это, замечу, иной раз и заметно отличается: то, какая она есть - и та, которой она видит себя в своих ирреальных фантазиях.

И ни одна из женщин (в большинстве случаев это все-таки молодые девушки) не держали на меня никакого зла. Быть может просто, чтобы "сказка" была "сказкой" -- она должна быть кратковременной. За какое-то минимальное время трудно разочароваться в другом человеке. Да и такое наступает тогда, когда мы начинаем соотносить наше представление об этом человеке - и какую-то действительность. Зачастую именно тогда все эти горькие разочарования, скандалы, ссоры, последующие измены и проч.

Но в один короткий миг и мы и она - способны предстать в образе и принца и принцессы из сказки. И вести себя в соответствии с тем образом, который должен олицетворять поведение - и принцессы, и принца.

Что мог я противопоставить женщинам?

Что они могли противопоставить мне?

Нет, пожалуй, здесь все-таки было что-то сверхъестественно - прекрасное. То, что заставляет - вот так вот - сближаться (пусть и на какой-то миг) двух, в общем-то, разных (и действительно разных) людей.

Что же толкало (и ведь действительно это можно было уподобить какому-то незаметному - и в то же время достаточно сильному, чтобы избежать его толчку) нас на встречу друг другу?

Ну, во-первых, это, конечно же, некая иллюзия (лучше сказать - иллюзорность бытия), в которой до сих пор еще находятся (и будут находиться всегда - такова природа человеческой психики) большинство из нас.

Нет. Здесь как раз можно было бы сделать первую остановку (в нашем повествовании), а то и вовсе прервать его.

Но это было бы слишком просто.

Невероятно просто.

Неимоверно - во всей утонченной красе - сложно.

Что же тогда?

С вашего позволения - я все же закончу.

Как известно, и мужчины и женщины (пол здесь как раз неважен, или почти не имеет никакого значения) находятся под действием неких стереотипов, которыми не только руководствуются (подстраивая под них свое поведение), но и зачастую именно эти самые стереотипы - "направляют" поведение и мужчин и женщин.

Стереотипы - это то, что нам отчасти достается от культуры (от социума), и в какой-то мере,-- дополняется (в различных вариациях, долевых

вариационных составляющих) в течение жизни индивида; а отчасти - стереотипы неким таинственным образом являются следствием нашего коллективного бессознательного.

То есть другими словами, мы живем со стереотипами, с ними уже рождаемся (т. е. перед нами некий филогенетический аспект), и редко когда нам удастся расстаться - со своими стереотипами (избавиться от них) в течении жизни.

Что же такое иллюзия?

Иллюзия это изначальное желание человечества *желаемое - выдавать за действительное...*

Вот ведь как!

И,-- к сожалению,-- никак иначе.

Поэтому и не мудрено, что та или иная женщина (девушка), когда видит мужчину вроде как без каких-то явных внешних изъянов (что может уже изначальное разрушить находящийся в ее подсознании миф о благородном рыцаре),-- начинает как бы "присматриваться" к нему. (Причем, заметим, на 50-60 % она уже готова к тому, что именно этот мужчина,-- или молодой человек,-- и есть тот самый "рыцарь", который ей был нужен.

Что же происходит далее?

А далее все очень просто. В зависимости от того, каких целей преследует мужчина - он может или увлечь и дальше (очаровать, влюбить в себя, затащить в постель и т. п.) эту бедную и беззащитную женщину, или постараться сразу показать каков он на самом деле, и - далее - или она еще больше в него влюбиться; или навсегда в нем разочаруется. Хотя вот о том чтобы "навсегда"?..

Здесь, скорее всего, все же зависит от длительности "предварительного контакта". И от силы первичного эмоционального напряжения у девушки (то есть - насколько он сразу оказал на нее влияние). И вполне возможно (такие случаи известны) - что окончательно наша женщина и не сможет избавиться от чувств к этому молодому человеку вызванных его первоначальным впечатлением на нее.

А значит...

Мне не очень хочется сейчас развивать эту тему.

В какой-то мере это все отображено в тех научных работах, которые у меня уже написано достаточное количество (притом что основной научный труд еще не закончен, и скорей всего выльется в несколько десятков томов сочинений). Поэтому я вкратце расскажу, что происходило со мной.

И это важно, потому как... (впрочем, об "уместности" и необходимости ведения подобных записей я уже говорил)".

Артемьев откинулся в кресле.

На душе у него было беспокойно.

Получается - он обманывал всех беззащитных женщин.

"Нет, нет. Я не обманывал их. Я позволял - хотя бы на миг - им пожить в сказке.

С моей помощью они оказывались в том иллюзорном мире, в который всегда стремились. И я никогда не обрывал эту сказку. Просто, как и любая

сказка, она не может быть долго. Так за что же я могу себя винить?..".

Нет. О чем-то подобном писать он уже не мог. Видимо Артемьев все же подсознательно чувствовал какое-то чувство вины. И не зависимо от того - как он мог сознательно относиться ко всему этому - в своей душе тревогу он все же испытывал. А значит...

Нет. Ему вдруг расхотелось сейчас говорить (и вспоминать) о чем-то подобном.

Как-нибудь в другой раз...

Глава 8

Многое Артемьеву было непонятно в этой жизни. Всю жизнь он стремился к какому-то пониманию этой жизни. В чем-то он действительно приближался к этому *пониманию*. Он планомерно закрывал открытые участки в своем восприятии мира.

Постепенно отвечая на те многочисленные вопросы, которые задавал сам себе. Но его пытливый ум все время выискивал все новые и новые.

Другой кто-нибудь (на каком-то этапе *постижения бытия*) уже мог бы и смириться, ограничившись уже имеющимися знаниями (знания это то, что позволяло ответить на вопросы), но совсем не таким был Артемьев. Скорей всего наоборот. Число вопросов увеличивалось в прогрессии к уже найденным ответам. И Артемьев давно мог признаться, что этот процесс уже давно настолько захватил его, что он знал - что не остановится никогда.

Да и что было в этой *остановке*?

Нужна ли она была кому?

Настолько ли она была ему необходима?

Нет. Совсем не нужна. Наоборот. Он должен постоянно идти вперед. И он рад (где-то в глубине души он был действительно рад) что его мозг жаждал получения все новой и новой информации в разрешении невообразимо многочисленных вопросов, которые возникали вновь и вновь; и конца этому совсем даже не намечалось.

Артемьев часто ловил себя на мысли, что тем самым обрекает себя на "вечное" движение.

И это действительно было так.

С этим невозможно было не согласиться.

Но он и не должен, он и не хотел бы никогда с этим не соглашаться.

Наоборот. Он не только уже не мог остановиться, но и рад был обречь себя на вечное движение.

Оно было важно для него так же, как для иных людей важна обычная вера в жизнь.

А для Артемьева это было всегда несравненно большее, чем обычная вера в жизнь.

Это было самое сильное (какое существовало доселе) стремление к жизни.

Это была самая отчаянная любовь, на которую был когда-то кто-то способен.

И любовь эта была не к какой-то женщине и мужчине. Это была любовь... к знаниям. И такая любовь... многого стоила...

В каскаде внутренних противоречий, которые все чаще раздирали Артемьева, он никогда даже не подумал о том, чтобы признать какую-то одну *истину*.

Его мозг жаждал *всеобъемлимости*. Можно было сказать, что Артемьев и сам всегда был многоплановой (и разнохарактерной) личностью. И стремился к многообразию во всем.

Его никогда бы не устроило что-то одно. Его увлекало *все*.

И точно также, насколько это его увлекало - точно также он стремился заполнить собой все, что только ему представлялось возможным.

И совсем неважно - что это было.

Даже если это было бы *все*, и с долей неизбежности просматривалась бы невозможность осуществления *намеченного* - Артемьев бы никогда не отказался от задуманного.

Никогда.

Он слишком любил себя.

Он слишком боялся себя.

Он слишком боялся... останавливаться. И боялся (да и никогда бы не решился) признать, что некогда единожды выбранное направление - было бы выбрано неправильно.

Было бы ложным.

Оно просто не могло быть таким.

Не могло.

Не могло...

Глава 9

Смерть.

Артемьев никогда не боялся смерти. Он просто опасался в какой-то момент не успеть завершить *намеченного* в своей жизни. Боялся

оставить все "как есть",-- потому как знал, что после него никто и не сможет завершить начатое им.

Не сможет... Это было так. Это, к сожалению, было так, и потому Артемьев практически бессознательно *подстегивал* (все время подстегивал) сам себя.

Ему никто не устанавливал сроков. Да никаких сроков он бы никогда и не принял.

Но Артемьев знал, что ему нельзя останавливаться. Он просто не может себе этого позволить. И он с ожесточенностью набрасывался на свою работу. Воплощая существующие в его голове идеи. Реализуя те невероятные (по своему многообразию) проекты, которые теснились в его подсознании.

И он действительно не мог остановиться.
Да и зачем?..

Он не знал когда он умрет.

Он почему-то знал, что его жизнь не продлится долго.

Артемьев чувствовал, что "сгорал" с каждым днем.

Он знал, что не успеет завершить всего начатого им.

Но начатого (а если больше - "запланированного") было так много - что в какой-то мере он совсем и не отчаивался.

Да и к чему было это отчаяние?

Отчаяние,-- это то, что наверняка бы помешало (или как-то воспрепятствовало) его работе.

А этого он позволить себе не мог.

Он слишком многого не мог себе позволить.

Сергей Сергеевич как будто бы был вынужден все время находиться "на передовой". Вокруг гибели ("сгорая") его товарищи. Никто из них так и не смог завершить единожды начатого им. И это еще больше усиливало "невозможность" Артемьева не только останавливаться, но и даже замедлить свою работу.

Он совсем не спешил жить.

Он чертовски спешил жить.

Спешил успеть завершить свою жизнь так, чтобы не нужно было ему раскаиваться за все совершенное им.

Да он бы никогда и не вынес никакого раскаяния.

Раскаяние - это невольно признание ошибочности уже совершенного.

А то, что совершил Артемьев - никогда - вы слышите: никогда - не относилось к тому, чтобы ему раскаиваться в этом.

Он не мог себе этого позволить.

Он спешил жить.

Он чертовски спешил жить...

Часть 5

Глава 1

Он вспомнил свою мать.

У его матери было редкое имя.

Имя, которое так трогательно уносило его в прошлое.

Всю жизнь Сергей боялся признаться матери в своей любви к ней. Она, только она проявляла (не боялась проявлять) к нему свою материнскую нежность...

А он... Он всегда каким-то необъяснимым для себя образом боялся показать какие-то свои чувства.

Мать была единственной женщиной, которую он по настоящему любил.

В этой любви было все!

Если бы какую женщину любили хоть на малую долю того, как в своей душе Сергей любил свою мать,-- эта женщина была бы самым счастливым человеком на свете.

Но он боялся, он почему-то боялся показать все свои чувства к матери.

Всегда он теперь будет раскаиваться в этом.

В своих отношениях к матери (позже, как и ко всем родным) Артемьев придерживался какой-то необъяснимой строгости.

Он боялся показать свои настоящие чувства. Боялся признаться в любви к той, которая дала ему жизнь.

Он боялся этого.

И этот страх был самым страшным проклятием его.

Он не мог себя изменить. Он наоборот, всегда, чем больше его душа разрывалась от любви к матери - тем больше напускал на себя какую-то непонятную,

жуткую, страшную, необъяснимую (совсем необъяснимую) строгость.

Как будто его мама была виновата.

Он обвинял ее всегда.

Обвинял, совсем не задумываясь какую боль приносит ей этим.

Но все эти "обвинения" имели совсем необъяснимый и бессознательный характер.

Но говорить так - значит еще больше признать свою жестокость.

Свое бессердечие.

Свою ужасающую жестокость в отношении самого близкого человека.

И всю жизнь, Артемьев знал - что теперь всю жизнь - это будет висеть над ним страшным грузом.

Это сократит его жизнь.

Память о всех своих поступках в отношении матери - тяжким проклятием висела над Артемьевым. Это было то, что заставляло ход его собственной жизни пустить в самый невообразимы бег.

Это то, что заставляло вместо минуты - проживать десять.

Вместо часа - сутки.

Вместо года - десятилетие.

Артемьев знал,-- что долго он не проживет.

Он сгорит также, как сгорали его товарищи. Он сгорит прежде, чем завершит когда-то начатое им.

И только маленькое (совсем небольшое) предчувствие еле слышно шептало о том, что это все же не будет так.

Но в это уже не верил и сам Артемьев.

А потому он стремился успеть. Успеть...

Успеть...

Он стремился успеть сделать хоть часть из того, что было ему предназначено.

И он совсем не знал - успеет ли?..

Глава 2

Все задатки того, каким Артемьев стал в своей взрослой жизни - проявились еще в детстве.

Те, кому довелось знать маленького Сережу Артемьева - подсознательно улавливали какое-то необыкновенное чувство любви к нему.

Не все могли в этой любви признаться.

Но даже те, кто как будто бы сознательно изгонял от себя душевную предрасположенность к Сереже Артемьеву, даже они сами для себя признавали, что это не так. И их чувствами навсегда завладел Сережа Артемьев. И любовь к нему навсегда поселилась в их душе.

Иногда она, быть может, пряталась в самых потаенных уголках души. Но никогда она не исчезала совсем.

И это действительно было совсем необъяснимое чувство.

В реальности,-- никто и никогда не смог бы до конца выразить то, что он испытывал по отношению к Сереже (а потом уже и к Сергею Сергеевичу) Артемьеву.

Но его любили. Его любили самой большой любовью, которая когда-либо могла существовать.

И что было больше в этой любви: уважения, стремления слиться, ментально соединиться с ним, или просто это было скромное обожание его?

Совсем это было неважно.

Его любили.
Любили все.
И даже те, кто ненавидел - все равно любил его.
Потому что его невозможно было не любить.
Его совсем невозможно было не любить. Его только
можно было... тихо ненавидеть...

Глава 3

Невообразимо большая ошибка (от которой, заметим, он все же смог избавиться) Артемьева была в том, что он всегда себя считал умнее других.

Видимо, что-то *такое* Артемьев угадывал в себе, что бессознательно позволяло ему вести себя подобным образом.

Нет, конечно же, внешне он старался не подавать и вида - что это так.

Наоборот. Он стал еще скромнее, чем был и без того.

И он знал - что ничто уже не изменит его.

Но вот только ожидание какого-то удивительного будущего иной раз переполняло его.

Это было то, что помогало ему *выжить*. Помогало ему вообще жить. И он знал, что когда-нибудь наступит и *подтверждение* этому.

И он готов был ждать.

Он действительно готов был ждать. А пока он должен был работать.

Он должен был очень много работать, чтобы приблизить это будущее.

И он знал, что до поры до времени - говорить об этом не будет.

Это была его тайна, которую он хранил в потаенных уголках своей израненной души.

Он вообще многое вынужден был скрывать от самого себя.

Тем более - он всегда боялся кого-то *пустить* в свою душу.

Он не верил другим. И на фоне его доверчивости - это могло показаться действительно странным. Но, тем не менее, он все как-то и с опаской доверял другим какие-то свои признания и тайны. И это было так. И это совсем так не было. Люди узнавали о нем. Люди узнавали его. Люди, которым достаточно было сказать ему что-то просто хорошее... Он сразу проникался доверием к этим людям.

Сережа Артемьев всегда был очень доверчивым. И большей частью происходило так, потому что до сих пор (несмотря на годы) он продолжал жить в каком-то выдуманном мире.

Он всячески поддерживал незримое существование в нем этого мира. Это было что-то, о чем (быть может) он действительно боялся кому-то признаться. Не все были готовы принять это. Многие существовали в том мире, в котором существовал он - но не многие готовы были признать это. Но он жил с уверенностью в том, что когда-нибудь ситуация изменится. Люди начнут обращать внимание (обращать большее внимание) на вечные ценности. И кто знает, быть может, он в чем-то и поможет им.

Уже несколько лет Сергей Сергеевич Артемьев писал свой роман.

Не сказать, что работа над романом продвигалась медленно. Нет. Но большую часть

времени он все-таки отдавал своему научному труду, который действительно должен был закончить, несмотря на невероятные размеры, до которых разрастался этот труд. Это действительно должно было получиться масштабное произведение. Сколько получится томов? Много. Очень много получится томов. Потому как, заканчивая очередной том, Артемьев понимал, что он все еще не начал писать "о самом главном". И он вновь и вновь набрасывался на свое произведение. Он должен был его завершить. Должен был завершить, во что бы то ни стало. Пусть на это потребуются и вся жизнь.

Но также он должен был завершить и начатый роман. И пусть роман скорей всего выльется в трилогию. Но это не останавливало Артемьева. Он знал, что этот роман - тоже будет нужен людям. И они скажут ему спасибо. И даже если просто подумают с благодарностью о нем - он уже будет знать - что ему удалось.

И тогда он будет счастлив.

И он будет по настоящему счастлив.

Будет счастлив, даже если его уже и не будет на свете. Даже если он и не успеет при жизни застать признания. Да и так ли он добивается этого признания? Ему пусть хоть в чем-то хочется помочь другим людям.

Он любил других людей. И почему-то всегда хотел им в чем-то помочь, в чем-то облегчить их жизнь. Очень хотел. Очень.

Глава 4

Многомерность восприятия окружающего мира была самой желанной удачей Артемьева. Это было то,

с чем он бы никогда не расстался. Это было то, что, потеряв, заставит его лишиться необходимости своего дальнейшего существования. Потому что это было то, что ему как-то позволяло отличаться от других. Что позволяло ему смотреть на других под каким-то другим углом зрения. Что позволяло ему восторгаться какими-то невероятными - для других - радостями. Замечать их. Что помогало парить над временем. Порой, значительно раздвигая границы действительности.

Артемьев знал, что подобное доступно не только ему. Но он также знал, то подобных людей немного. И он всегда испытывал какое-то необъяснимое чувство, когда угадывал в каком-то другом человеке наличие тех же *способностей*, которые были у него.

Это было такое упоительное чувство парить над вечностью!.. Артемьев всегда находил в этом что-то особенное. Недоступное (быть может и правда недоступное) для понимания большинства. Но Артемьев верил и знал, что этим способностям совсем невозможно научиться.

Это было что-то, что давалось нам при рождении. И давалось, конечно же, не каждому. А потому он должен был всячески лелеять это состояние.

И Артемьев трепетно к нему относился. Очень трепетно. Иной раз он боялся даже признаться себе, как он нежно любит в себе это чувство.

И хоть он знал, что, потерять его уже не сможет, все-таки его психика испытывала свойственную психопатологичным личностям ранимость и неуверенность. А потому он просто боялся *о чем-то таком* думать. Он просто жил.

Артемьев совсем не боялся состояния какой-то *потусторонности*, в котором находился почти всегда.

Можно даже сказать, что и окружающий мир он видел сквозь призму какой-то ирреальности. Что, в общем-то, совсем не мешало ему продолжать смотреть на мир подобным образом и дальше.

Ну а почему это должно было как-то останавливать его? Почему? Совсем даже нет. Быть может и наоборот - наблюдать за другими с внутренним ощущением какой-то "нелепости" -- было необъяснимо - упоительное чувство.

И он действительно наслаждался им.

Вот только немного пугало его, что это было не совсем... *нормально*.

Ведь мир наверняка не был таким, как видел его он.

Но, в принципе, Артемьев мог с полным правом и смириться с этим. Да и пусть, в конце концов, будет так. Ведь это было не более ужасно, чем смотреть на тот же самый мир с позиции какого-то реализма.

Именно реализм Артемьев не выносил, и не смог бы терпеть ни при каких "раскладах".

Так сложилось еще с самого детства.

Просто когда-то Артемьев сам стал подозревать, что все на самом деле выглядит даже совсем иначе, чем это должно было быть.

А раз так... А раз так - так чего же ему опасаться? Пусть все будет именно так. Пусть все останется именно так. А он уж как-нибудь справится с чувствами, которые иной раз переполняли его, мешая... в общем-то,-- мешая жить.

Глава 5

Самое большое преступление, которое совершил в своей жизни Артемьев (и вину за которое он пронес с собой всю жизнь, и так и не избавился от нее) было невнимание к близким.

Люди которые его окружали - были теми, кому свое настоящее, истинное "внимание" он уделял в последнюю очередь. И зачастую выходило так, что большей частью этих людей уже не было в живых.

Как-то невообразимо нелепо это было все. И вроде как напрашивалась настоящая нереальность происходящего. Но это не было бы так плохо - если бы этого не было на самом деле.

А на самом деле... На самом деле,-- именно так все и было.

К сожалению, было. Ибо поздно, как-то все время слишком поздно спохватывался он. Понимая, что на самом деле - совсем не тем уделял он свое настоящее внимание.

Артемьев обращал внимание на людей, которые, в общем-то, этого внимания совсем не заслуживали.

Ради них он мог порвать с близкими ему людьми. Мог начать относиться к ним настолько пренебрежительно, что у тех в глазах еще долго стояли слезы. А Артемьев, словно не замечая этих слез,-- продолжал выговаривать проклятия. Руководствуясь наспех придуманными обвинениями. Которые с самого начала были действительно выдуманными.

И страшнее всего было то, что, придумывая ложь, Артемьев сам верил в нее. И совсем ничто не

могло поколебать его уверенность в том, что этого *не может быть - потому что не может быть никогда*.

И он верил этой лжи. И еще больше от этого - с еще большим от этого пренебрежением относился к людям, любовь которых к нему - была настолько сильна, что они готовы были терпеть любую боль от Сережи Артемьева. Подчас даже отказываясь верить в то - что это он причинял ее им.

А когда не верить в это, казалось, уже было нельзя - просто заставляли себя или не думать в это. Ну а когда и это не удавалось (а "нападки" Артемьева грозили разрушить любую веру в любовь и справедливость),-- находили причины... нет, даже не смягчающие вину Сережи Артемьева, а каким-то невообразимым образом выставляющими неосознанную природу совершения им чего-то подобного.

Грех и беда Артемьева заключались в том, что он слишком поздно понимал, какую боль он причиняет близким ему людям. Но тогда когда он делал это - Артемьев совсем не способен был остановиться. Даже наоборот - неподдельный гнев настолько завораживающе действовал на него самого, что он совсем не считал возможным как-то изменить свою судьбу. Элементарно остановиться (что было в его случае почти единственно необходимым. О том чтобы каяться и просить прощения мы сейчас даже не говорим).

И он не только не был способен на что-то похожее. Он наоборот. Он наоборот - расходился еще больше. И теперь это уже были не слезы в глазах близких (его матери, в первую очередь. Ей всегда доставалось больше всего). А искреннее

бессознательное желание... смерти. Своей смерти. А о том, чтобы хоть как-то воспротивиться непрекращающимся обвинениям со стороны родного сына - у матери Артемьева и не могло возникнуть ни сил, ни желания.

Она считала, что во всем происходящем - ей следует винить только себя. И значит так должно быть,-- чтобы она терпела все эти муки, несчастья, проклятия (почти извечные и уже совсем непрекращающиеся проклятия) со стороны ее родного сына.

Значит так должно быть,-- считала бедная и набожная женщина. Эта сильная женщина, которой боялись многочисленные подчиненные мужчины - считала себя не вправе сделать замечание родному сыну. Лишь иногда она просила его остановиться, подумать, взвесить все обстоятельства "за" и "против". Но приказывать ему она не могла. А он совсем не обращал внимание на ее слезы отчаяния. А то и смеялся в ответ на них.

Это был "крест" Артемьева.

Это был тот тяжкий крест, который суждено было нести ему до конца дней собственной жизни. И ничто не могло искупить его вину. Он сам отказывался верить в какое-то искупление.

Ему не было прощения.

И он это знал.

Так почему же он не должен был страдать?

Нет,-- он должен был страдать. Страдать так, как мало кто другой способен был страдать. И все, что с ним теперь могло случиться,-- все это должно было идти "в зачет" страданию. Но все что с ним могло случиться - это было настолько ничтожно, что свою вину Артемьев не искупит никогда.

Он знал это.
Это был его крест.
Это был его тяжкий крест.
И Артемьев готов был, чтобы нести его.
Ему не было прощения.
Таким как он - прощения быть не должно.
Он и об этом знал.

Глава 6

У Артемьева было предчувствие, что, несмотря на все его желание успеть закончить труд своей жизни, о главном он так никогда и не напишет.

Нет. У него сейчас не было какого-то депрессивного состояния, во время которого люди как будто бы особенно предрасположены ко всем подобным "предчувствиям". Почти совсем нет. Но он никак не мог избавиться от ощущения, что это будет именно так. И с этим нужно было только смириться. Чтобы продолжать работать дальше.

Может создаться впечатление, что для Артемьева жизнь заключалась в том, чтобы оставить что-то после себя. Какую-то память. Но как бы это не покажется странным - это все было именно так. Пусть к сожалению, пусть к радости - но это именно так и было.

И с этим тоже нужно было только смириться. Чтобы продолжать работать дальше.

В своем восприятии мира, Артемьев каким-то образом всегда стремился не вступать с этим миром в какие-то уж явные противоречия.

Он всегда был человек "неконфликтный". И даже если когда случалось отстаивать какие-то свои права, свое достоинство, честь, заступаться за справедливость - Артемьев все равно чувствовал себя неловко.

Ему словно неудобно было "обижать" своих "обидчиков". Он всегда был готов сделать шаг к примирению. Ему совсем не нравилось то состояние, которое было в его душе после всех этих распрей да склок. Для него намного был важнее мир. И так выходило, что, желая исключить из своей жизни даже вероятность возникновения каких-либо конфликтных ситуаций, - Артемьев просто в один момент сократил свое общение с внешним миром до минимума.

Теперь это была просто работа. Но вот что касалось и работы: он (практически до минимума, ну, до возможного минимума) сократил количество лекций. Правда, совсем Артемьев отказаться от преподавания не мог. И не только то, что это была возможность заработать какие-то деньги. Но и намного важнее было то, что, зная что нужно было общаться с людьми (причем молодыми людьми, которые испытывали, заметим, настоящее уважение к своему преподавателю),-- Артемьев просто не мог позволить себе окончательно погрузиться в свой внутренний мир. В мир своего "Я". Ему все таки необходимо было и общаться с миром других. И это, быть может и это тоже было залогом его какой-то жизни. Продолжения жизни. Ведь совсем отказаться от жизни он не мог.

Притом, что это была и возможность не окончательно сойти с ума, погрузившись в мир собственных кошмаров, страхов, мир непрекращающейся внутренней тревожности.

Получалось,-- он не мог просто так взять - и предоставить себя самому себе.

Да и намного ли его хватило бы в этом случае?
Нет. Конечно же, нет.

Поэтому можно было сказать, что Артемьев даже с какой-то маниакальной одержимостью ходил на работу. Ходил на свои лекции. И он с такой самоотдачей читал эти лекции (а он, заметим, знал очень, даже невероятно много), что на них просились даже студенты, у которых по плану занятий - вроде как лекций у Артемьева и не было.

Это был один из немногих преподавателей, на лекции которого студенты боялись опаздывать. Они просто не могли себе позволить пропустить хоть одно бесценное слово, которое исходило из уст Сергея Сергеевича Артемьева. Человека, который при жизни становился легендой.

Популярность его лекций была столь велика, что к Артемьеву приходили даже студенты из других вузов.

Это походило на настоящее паломничество. Декан факультета давно уже заметил популярность Артемьева. Но против любых попыток как-то возвысить статус Артемьева - Сергей Сергеевич вежливо сопротивлялся.

Ведь самого себя он знал лучше, чем об этом могли сказать любые психологи. И Артемьев знал, - как только он отдалиться от почти постоянного погружения в свой собственный мир, тотчас же нарушится и та невидимая связь, которая доселе соединяла его с окружающим миром, и миром собственного "Я". Тогда может просто-напросто

должен существовать некий баланс, который до сих пор Артемьеву и удавалось удерживать.

Но если произойдет что-то другое, Артемьев уже не сможет сдержать тот внутренний протест, который иной раз - и неким *отчаянным* образом - "заявлял о себе".

И тогда... Тогда Артемьев просто не будет самим собой. А это было самое страшное для него. Потому как - пусть в какой-то мере он мог позволить своему ЭГО идти на некоторые (по сути,-- совсем незначительные) уступки. Но как только невидимый доселе барьер исчезнет. Или хотя бы сдвинется в сторону. И тотчас же все изменится. Пропадет то, что с таким трудом ему удавалось возвращать и поддерживать в себе. И ничто уже не сможет остановить его от падения.

А мир... А окружающий мир уже повернется к Артемьеву своим оскалом. И то, что сейчас вместо этого оскала была улыбка - была исключительная заслуга Сергея Сергеевича Артемьева, которому удавалось находить те пределы допустимых норм, которые помогали сохранить и оставить все так - как есть.

Глава 7

В какой-то момент Артемьев почувствовал в себе уверенность в еще большей степени начать жить так, как это было необходимо в соответствии с его *внутренней предрасположенностью*.

Он понял, что жизнь слишком быстротечна. А еще быстрее уходит чувство того, какая (на самом деле) и должна быть эта жизнь. Ведь то, что каждый человек индивидуален - это истина давно известная. И

за его "затертостью" и "шаблонностью" нами очень часто не замечается ее истинный смысл. Ведь то, что таит она в себе - намного больше, чем видится нам изначально.

Артемьев невероятно сильно чувствовал это. И ему не хотелось, чтобы так все пропадало. Чтобы исчезала какая-то не очень видимая составляющая, которая, по сути, была намного важнее чем то, что виделось (и было заметно) только на первый взгляд. А потому... А потому Сергей Сергеевич Артемьев просто решил позволить событиям идти в несколько ином порядке, чем тот, к которому они - как будто - и были предрасположены изначально.

Но ведь как раз изначально-то,-- все должно быть и не совсем так. Совсем даже не так. Просто почему-то этого никто не хотел (или боялся) замечать.

А Артемьев решил, что он может себе это "позволить".

И он потихоньку перекраивал окружающий мир (не весь мир, который был вокруг него),-- "под себя". Т. е. - в соответствии с тем миром собственного "Я"; который, как ни крути, но был всегда для него намного важнее.

Мир его собственного ЭГО - всегда стоял перед Артемьевым на первом месте. Это был мир, в котором он мог позволить себе быть самим собой. И мог позволить себе - *наслаждаться* этой возможностью быть самим собой.

По сути, мы говорим сейчас о наслаждении одиночеством. И это настолько было (всегда было) уникально, что совсем необязательно было как-то скрывать, или чем-то стараться завуалировать подобное.

Это как раз было то, что у него (по сути) осталось. То, что он бы не доверил никому. То, что во все времена было самое дорогое, что только и могло быть.

Так почему же он тогда должен как-то отказываться от этого? Почему он должен заставлять себя приспособливаться? Обманывать? Лгать самому себе? Ведь обман Сергей Сергеевич Артемьев не выносил ни в каких вариантах. Обман невероятно сильно раздражал его внутренний мир. Он словно *перенастраивал* его на что-то другое. И разве мог Сергей Сергеевич допустить этого? Разве был способен когда-нибудь кого-то предать? Ведь предательство, любое предательство, по сути, отнимало Артемьева о самого себя.

И никогда, никогда бы он не смог допустить подобного. Никогда.

А потому он начал жить так, как, по сути, и жил всегда. Но только может быть боялся в этом признаться...

А всегда Артемьев стремился постичь природу собственной психики. Составляющую психики. Своего ЭГО. Свой внутренний мир.

.....
.....

Очень рано Сережа Артемьев стал обращаться к пониманию законов мироздания. Очень рано. Почти все школьные годы прошли под знаком этих самых поисков. Постижения законов того, из чего

складывается внутренний мир. Что им управляет. Что движет нами.

Что действительно движет нами? Это было что-то, что поистине было неимоверно важно для него. И от чего (и постижения чего) он совсем даже не мог отказаться.

Какое-то трезвое осмысление действительности было поистине то, к чему он всегда стремился. Это было настолько важно для него, что он совсем не допускал никогда и мысли подумать о чем-то ином. Это просто было невозможно. Это бы противоречило чему-то такому, что хранилось у него глубоко в душе. В самых глубинах его израненной психики. То, что могло кровоточащей раной, болью, неимоверными по своей силе (и силе своего непрекращающегося воздействия) отзываться о нем. Как-то проецироваться на восприятие его окружающего мира. И что было в какой-то мере важно - на отношение окружающего мира к нему.

Но он никогда, он никогда бы себе не мог позволить идти на поводу мира, который расстился за пределами его сознания. Его "Я". Это было то, к чему он относился уважительно. Но что совсем было не в силах по настоящему завладеть им.

По сути - это было страшное зрелище. Человек стремился погрузиться во внутренний мир. Мир, этот мир *принимал* его. А другой мир, внешний мир - также стремился заполнить его. И он иной раз наслаивался на него. Стремясь заставить жить по совсем иным (по своим!) законам и правилам.

Но не так-то было просто "справиться" с Сергеем Сергеевичем Артемьевым. Это было совсем

не просто. И на протяжении всей своей жизни -
Артемьев доказывал это.

А ведь, по сути, он давно уже
медленно *сгорал*...

.....
...

По природе Артемьев был наделен взрывным темпераментом. Это тоже было то, что ему приходилось сдерживать в себе. Своей этой внутренней агрессивности Сергей Сергеевич совсем не мог позволить выходить за те рамки, которые он сам для этого и определил.

Это было бы просто невозможно. Недопустимо. Но иной раз происходило - во всей своей *ирреальности происходящего*.

И тогда Артемьев превращался в совсем уж другого человека.

Но так было не всегда.

Обычно Сергей Сергеевич Артемьев справлялся со своим темпераментом. Он просто-напросто научился извлекать из него некую "выгоду".

Да, да, как бы это не показалось излишне претенциозным (и, наверное, странным), Артемьев научился использовать свой взрывной характер - во благо.

Во-первых, он, конечно, трансформировал его, преобразовывая в творчество.

А во-вторых, именно его темперамент был тем, что помогало Артемьеву делать свои лекции необычайно живыми и интересными. А иной раз он

настолько импульсивно (и с самым неподражаемым *неистовством*) обрушивался на что-то, что казалось ему в этой жизни ошибочным, что студенты с замиранием в сердце (и с каким-то внутренним восторгом) следили за выступлением "вершителя судеб", в образе которого представлял Артемьев.

И он (замечая это) уже не мог без восторженных аплодисментов, которыми разряжалась аудитория, когда Сергей Сергеевич Артемьев заканчивал свои лекции.

И если это было так, -- так почему же он должен был от чего-то отказываться? Что-то изменять. Что-то перестраивать в самом себе. Не надо! Нет! Это совсем было делать излишним... Разрушительный темперамент нужно было обращать во благо. На созидание. Исключительно (и только лишь) на созидание.

И иного не дано!

Глава 8

По сути, Артемьев давно уже должен был научиться сдерживать свои эмоции.

Но мы можем вступить за него, заметив, что (подобное положение дел) это и не должно было так-то уж отрицательно характеризовать его. Ведь это, в какой-то мере, были немного разные понятия. И что уже почти наверняка, - они совсем не должны были как-то влиять на "взаимоотношения" Артемьева с окружающим миром.

Ведь намного было важнее его внутренний мир. Не то, как он строил взаимоотношения с миром внешним (что, впрочем, так же было очень важно), а

намного, в несколько раз важнее было именно *согласие*, которое Артемьев достигал в результате этого "взаимодействия".

И от чего-то подобного совсем не нужно (не обязательно) было избавляться.

Сергей Сергеевич Артемьев любил свой внутренний мир. Это было то немногое (а может и единственное), в чем у него была единая гармония. К этой *гармонии* он слишком долго шел. И теперь (да и всегда) столь трепетно к этому относился, что совсем ему неважно было,-- какую "плату" приходилось за это платить.

От многого, впрочем, он мог отказаться и сам. Но он никогда не боялся признаться в том, что в чем-то еще "не совершенен".

Разве можно было ему опасаться этого? Конечно же, нет. Просто Артемьев знал, что его борьба с жизнью не прекратится сейчас. А какое-то самосовершенствование совсем не должно замедляться (и, тем более, останавливаться).

И все же, несмотря на вполне явную гармонию, которой (как будто бы) было овеяно его существование, его жизнь, он, тем не менее, иной раз испытывал необычайную внутреннюю тревожность.

В такие минуты (затягивающиеся, иной раз, на целые сутки) Артемьев задавался мучительнейшими вопросами о смысле (да и возможности) собственного существования.

Но разрешить подобные (внутренние) противоречия было не так-то просто.

Можно было сказать, что в большинстве случаев он был вообще бессилён что-нибудь сделать. Как-то заглушить боль, исходившую из него. Из его

души, которая сотрясалась мучительнейшими переживаниями; и когда наступало такое время - Артемьев не находил себе места. На какой бы то не было покой рассчитывать не приходилось. Он мучился. Страдал. И совсем был бессилён в попытке (неудачного стремления) завершить собственное страдание.

Казалось, у него был только один выход. Его смерть. Но... Но этого он тоже, ведь, стремился избежать. Разве мог он принять какой-либо добровольный уход из жизни, кроме как *естественного*? И даже не то что он бы так и не успел завершить свои труды (в такие минуты он совсем не думал о собственных сочинениях. Они казались ему "никому не нужными". И он не верил, что они когда-либо потребуются кому-нибудь). Но Артемьев действительно, просто не мог думать о своих сочинениях. Просто он знал, что и так жизнь ему отмерит недолго. Совсем не тот срок, который (быть может) ему бы и хотелось. И он знал, что в итоге - все равно не успеет завершить начатое. Что смерть придет намного раньше. И быть может тогда, когда он совсем будет не готов к ней. Да и редко когда мы бываем готовы к смерти. Но уж верно - не будет готов к ней он. А потому Артемьев знал, что попросту не должен уделять такое внимание возможности наступления собственной смерти.

А что до этой ужасающей тревожности... Так он, по сути, и с ней научился справляться.

Нет, нет, окончательно избавиться от нее он не мог.

Но вот как-то трансформировать, преобразовать психическую энергию этой самой тревожности,-- сублимируя ее в творчество - он

научился. И пусть это удавалось не всегда. И иной раз отчаянные и неутрачивающие мысли о самоубийстве окутывали его сознание, завлекая его в самые глубины собственного бессознательного.

Это были самые тяжелые минуты для Артемьева.

Но быть может именно они "закаляли" его. Придавали ему дополнительные силы. Помогали... Они помогали ему жить. Выжить. Помогали ему создавать те самые произведения, которыми потом (он верил в это!) будут зачитываться читатели. И в том, что когда-нибудь произойдет так - была тайная надежда Сергея Сергеевича Артемьева. Надежда... Которая, по сути, и было то единственное, что у него еще оставалось.

Что было кроме нее? Ничего!

Но ведь жить было нужно...

Глава 9

--По всему выходило, что то, что происходит сейчас с ним - и не укладывается в какие-то привычные рамки...

Артемьев задумался. Если действительно получалось так, то он совсем и не имеет право требовать (от самого себя) чего-то, что позволило бы взглянуть на ситуацию с какой-то другой стороны.

--Но так ли это?

Наверное, все же не так. В ином случае ведь вряд ли, чтобы у него была какая-то возможность даже нынешних, сегодняшних размышлений.

А тем более, невероятно, что это могло бы повториться когда-нибудь еще.

Но ведь не мог же он ошибиться?

Ведь и на самом деле, то, что происходило с ним - было уже даже не началом какого-то безумия.

Это было самое настоящее сумасшествие. Торжество избавляющегося из-под какого-то контроля сознания. И совсем это еще не означало, нисколько не означало, что могло бы когда-нибудь получиться так, а не иначе.

И тогда уже выходило, что во многом - виноват и он сам. И совсем незачем искать виновных там, где их попросту не было. Да, наверное, и быть не могло. И уже не думал он, что способен что-нибудь изменить в своей жизни (в своей *такой* жизни) настолько, чтобы ему самому это когда-нибудь понравилось. Ведь он словно медленно подписывал самому себе приговор. Растягивал подписание этого приговора. А быть может, он уже подписал себе приговор. Но когда этот приговор кто-то приведет в исполнение (быть может даже и он сам по отношению к самому себе) не известно. Да и это, по сути, еще совсем ничего не значит. И уж точно - совсем ничего не означает. Потому как нисколько не важно, что состоится казнь. Важно, намного важнее - что она действительно состоится. И как-то противиться этому - бессмысленно. А воспрепятствовать - невозможно.

Артемьев действительно чувствовал себя не очень спокойно в последнее время. Видимо его мозг уже не справлялся с, все возрастающим, напряжением. Но и остановится Артемьев уже не мог. И можно было сказать, что он сам оказался в таких условиях, когда уже и не нужно было оглядываться назад. Потому как почти ничего там не осталось такого, что принесло бы ему хоть малейшее успокоение. Там была только тревога, боль,

разочарование за когда-то совершенные поступки, или и так не сделанные дела.

И это было действительно так.

Но беда заключалась также и в том, что и будущего у Артемьева как бы не было. Он боялся смотреть в свое будущее. Боялся когда-нибудь действительно оказаться там.

И ничего не могло изменить подобную ситуацию. Ничто не могло хоть как-то (положительно) повлиять на нее.

Впереди была пустота. Позади была утрата. И рана. Огромная рана в сердце Артемьева. А его душа, его израненная душа сжалась от этой боли; и казалось ничто не было способно исцелить ее; унять эту боль. Боль, в которую постепенно превращалось и само существование Сергея Сергеевича Артемьева.

Но ведь надо было как-то жить? Надо было как-то находить хоть что-то, за что можно было удержаться, уцепиться,-- чтобы выползти, выбраться из той пустоты, в которую проваливался он.

Но ему, видимо, пока не удавалось рассчитывать на это.

И он тихо страдал. На людях, быть может, и не показывая своего страдания. И отчаяния, которое овладевало им. Которое заполняло его всего без остатка.

Видимо, из-за отчаяния - Артемьев и жил-то все последние годы.

Именно отчаяние вынуждало его жить дальше.

И он не только не мог избавиться от этого отчаяния, но и оно настолько (иной раз) завладевало им, что кто другой давно уже бы *ототчаяния* опустил руки. Но Артемьев никогда не хотел быть кем-то другим. И это еще было одно отличительное качество его, которое было присуще ему в своей исключительности. И как будто ничто не способно было изменить ситуацию. Да и должно ли было менять ее? Потому как ведь это была его жизнь. И она вполне могла быть именно такой, которая как раз и была у него.

Часть 6

Глава 1

Артемьев все чаще начинал беседовать с самим собой.

В какой-то мере это вызывало в нем беспокойство. Он не только догадывался, но и знал - что это (в итоге) может привести к чему-то не совсем хорошему. Но если в самом начале он еще не уделял такому положению дел всей той серьезности, которая была свойственна его характеру - потом он решил ее и вовсе не замечать. Тем более, что, фактически, разговоры с самим собой могли и не привести к каким-то уж таким (подспудно ожидаемым) последствиям. А вот страх самого ожидания - и мог преждевременно вызвать все то, что он так опасался.

Нет, никаких "голосов" у Артемьева не было. Как не было и какого-то галлюцинаторного бреда, и схожей симптоматики.

Но Артемьев все же не мог совсем не думать об этом. Хотя в иных случаях, наши мысли доставляют нам больше бед, чем ожидаемые последствия вследствие каких-то ситуаций. Но ведь верно и то, что разговоры с самим собой могли быть всего лишь вызваны всей той иллюзорностью существования, в которой, по сути, и находился Артемьев. И положив руку на сердце, иной раз и трудно было сказать: что произошло на самом деле, а что только *предполагалось*. Так же как и то, что происходило, на самом деле происходило, но только *воображении* Артемьева. И зачастую то, что ему только казалось - подменяло настоящее положение дел. Причем подменяло настолько, что Артемьев и верил этому (тому, чего на самом деле никогда не было), и переживал из-за этого, и даже - стыдно сказать - боялся повторения подобного.

Тогда как на самом деле ничего и не происходило.

Это был маскарад. Маскарад души. И его сознание настолько привыкло к чему-то подобному, что совсем не улавливало грани между правдой и вымыслом. А душа его переживала за, по сути, никогда не совершаемое (а только привидевшееся ему) также, словно это действительно происходило в реальности. Насколько, конечно, это было все оправданно? Да, если честно, у Артемьева и не было сил думать об этом. Он только отмечал про себя, что с каждым днем ему становится все труднее справляться с возрастающим (внутри себя) напряжением. Его мозг поистине работал на каких-то чудовищных оборотах. А Артемьев совсем не знал, сколько он еще способен выдержать этой гонки.

Но это совсем не означало, что он хоть на йоту замедлил свое движение. Конечно же, нет. Быть может даже наоборот, зная о том, что все равно надолго его не хватит, Артемьев все больше и больше накручивал обороты. Так что, выходило, какие-то мысли о скором окончании жизни или наступавшем сумасшествии - уже и не возникли так часто. А если так все же случалось - он лишь молча констатировал наступление их.

Но о какой-либо "победе" Артемьев не думал. Он настолько приучил себя спокойно относиться к всевозможным "подаркам" от судьбы, что почти совсем и не обращал на них никакого внимания. Лишь, быть может, что-то отмечал где-то в глубине себя. И не более.

И это, в принципе, было оправданно. Это было оправданно настолько, насколько было вообще это возможно. Потому как ничто не должно было мешать Артемьеву жить той жизнью, которая была предначертана ему. И даже если бы он по-прежнему продолжал прилюдно высказываться о каком-то своем скептическом отношении к судьбе, своей *избранности* (и прочим производным от мистики, или от "ненормальности"), тем больше он давал увлечь себя тем неведомым силам, которые всегда неотступно следовали за ним. За его сознанием. И которые управляли им, "вели" его по жизни (совсем не обращая внимания на его "желание" или "нежелание").

Глава 2

Артемьев как-то неожиданно понял, что ему все трудней удастся читать других авторов. Точнее даже, было все немножечко не так. Он читал. Он, конечно же, читал. Но вот авторы - удивительным образом становились совсем другими. "Усложнялись", что ли?.. Наверное, так.

Конечно, так было не всегда. Но то время, когда все происходило именно так, Артемьев очень любил. Это было какое-то особое время. Ему не приходилось как-то "подстраиваться" под других. Скорее всего его мозг работал на таких предельных оборотах, что он просто и не способен был как-то оценивать что-то, что не позволяло бы "включать" его еще больше. Да того максимума, которым он, по сути, наслаждался.

Ведь тогда, когда происходило такое,-- Артемьев поистине испытывал необычайное наслаждение. Это было совсем необъяснимое наслаждение. И что уже верно - ничего подобного не происходило с ним раньше. (Ну, или, он попросту этого не помнил).

Теперь же все было настолько *прекрасно*, что Артемьев и не хотел хоть как-то избавляться от этого состояния.

Да и разве мог он позволить что-то подобное? Зачем? Чтобы потом вновь искать что-то, что было бы способно...

.....

Вообще, если разобраться, все что касалось каких-то контактов Артемьева с внешними

"источниками информации" (людьми, книгами...) было представлено "в его варианте" неким специфическим образом.

Это совсем не было то привычное "общение", которое мы можем встретить у других. Нет. У Артемьева все как-то получалось иначе. Например, он не мог позволить себе *просто так* получать какую-то информацию. Будь то телеприемник, книга, или речь живого человека. Мозг Артемьева с невероятной настойчивостью впитывал все, что происходило вокруг него. А потому Артемьев вынужденно вводил те многочисленные ограничения, которые должны были помочь сохранить ему самого себя.

И как бы парадоксально это не звучало - это было именно так. Ведь он просто не мог позволить одной информации (впитываемой, словно губка, в его сознание, в его мозг, и прямиком откладывающейся в памяти) вытеснить, или как-то подменять другую.

И с этим ничего нельзя было поделать. С этим необходимо было только считаться.

Ведь происходило так, что все, что когда-либо появлялось перед Артемьевым (все, что он мог когда-либо увидеть или услышать) прямиком откладывалось в его подсознание.

Он действительно помнил все, что когда-нибудь происходило с ним, или вокруг него. Его мозг был настолько уникально развит, что Артемьев не мог даже книгу (любого объема) читать дважды. Поначалу он, было, еще даже пытался предпринять что-то подобное. Но каждый раз убеждался, что, независимо, сколько лет назад книга была прочитана - он помнил все. А если дело касалось произведения, прочитанного им в течение последних нескольких лет

- он способен был цитировать любую страницу с точностью до запятой и расположения слов на странице.

В какой-то мере это было уникально.

Но именно такие его способности - вынуждали и предпринимать какие-то особые меры предрасположенности к тому, чтобы одна информация (ненужная информация) не подменяла бы другую.

И так это действительно было.

Да и есть до сих пор.

И Артемьев знал, что именно так все останется и в будущем. А потому он должен "трепетно" относиться к тому, что может даже промелькнуть перед ним.

Он мог закрывать глаза, мог "затыкать" уши. Мог приказывать сам себе не слышать, или - не видеть. Он должен был делать это. Должен был оберегать себя. Свой мозг. Свою память. Он должен был соблюдать все эти условия, чтобы элементарно выжить. Ведь жизнь его, с недавних пор, заключалась в том, что нужно было просто жить, влача свое бременное существование, но и добиться в этой жизни столь многое, что, быть может, редко кому удавалось достигнуть до него. Ведь как бы то ни было, но то чем занимался он - дано было немногим. Совсем малому количеству людей, которые вознеслись -- благодаря своему таланту и гениальности - над несчастной толпой обывателей. И правда еще заключалась в том, что люди, подобные Артемьеву, -- любили каждого индивида в отдельности, и ненавидели их всех вместе. И было уготовано таким людям вести за собой других. Вести эти массы несчастных, и по сути ограниченных людей. Но и ведь редко когда кто из них замечал эту

ограниченность. Да и это совсем не было важно. Потому как это было естественное разделение в природе, когда были одни, и были другие; были *ведущие*, и были *ведомые* ими. И если это было так, то почему же тогда нужно было бояться этого, или как-то противиться - этому? Совсем нельзя (ненужно, невозможно!) делать это. А необходимо было стремиться (каждому в отдельности, и Артемьеву в частности) к какому-то нравственному, внутреннему самосовершенствованию. И если это было так - то почему мы должны тогда думать о чем-то другом. Думать как-то иначе, чем это было на самом деле. Потому как правда была одна. И возможность постичь эту правду - была совсем не у каждого. И с этим необходимо было смириться. Как смиряемся мы с тем, что день сменяет ночь, а если будет зима - то обязательно, после, будет и лето.

Это все было в соответствии с законами мироздания.

И изменять эти законы - никто был не вправе!

Глава 3

Пусть будет что-то непонятно. Не в этом суть. Да и не это важно. Как и не важно (или - почти совсем не важно) то, что происходило (и могло происходить) с Артемьевым - если пытаться оценить это с каких-нибудь иных позиций, чем, к сожалению, пытались взглянуть на него. И так выходило, что у окружающих Артемьев вызывал какое-то, как минимум, непонимание.

Нет, его не считали "странным" (в том контексте этой "странности", который больше становился похож на сумасшествие). Но оценка

окружающими всего того, что делал Артемьев (а это и его поведение, и цель жизни, которой следовал Сергей Сергеевич) - все время заходила в тупик какой-то неразрешимости. И было бы необъяснимо желание найти уже даже не какое-то разрешение, а хотя бы альтернативу существующей "загадочности". Но сколько ни пытался каждый из них (а почему-то кажется - что непременно об этом должен думать каждый, кому хоть раз довелось пообщаться с Сергеем Сергеевичем Артемьевым) ответить на вопрос: что же из себя представлял Артемьев, такой человек со временем только еще больше запутывал сам себя. И не только не приближался к какой-то разгадке, но и скорее наоборот - отдалялся от нее.

Это было удивительное, по сути, представление сознания; представление, которое разум являл общаясь сам с собой, и проецируя какое-то производное от подобного общения - на окружающий мир.

Люди съеживались под взглядом этого человека, который, вроде как, и смотрел достаточно просто и спокойно, о том кто ловил на себе подобный взгляд - казалось что все тайное и запретное, что доселе скрывалось (а о многом не помнилось),-- теперь выставлено напоказ. И самое загадочное казалось в том, что совсем невозможно было уже с тех пор думать о чем-то ином; совсем ином; нежели чем пытаться разрешить вопрос: о чем думает обладатель *такого взгляда*?! Что таится в глубинах сознания этого человека? И Артемьев совсем не думая о том - получал еще одного (двух, трех... десятерых) "последователя" на пути к той удивительной истине, о которой он стремился поведать миру.

У Артемьева было подозрение, что когда он закончит труд своей жизни - у него не будет читателей. Просто из-за того, что будет невероятно сложно (а где-то,-- и невозможно) убедить человека изучать (да хотя бы и прочесть) какую-то научную книгу, если известно что продолжение у нее - в 30-40-50... томах. И еще неизвестно - все ли это?

Обычно Артемьев об этом не думал. Просто запрещал себе думать. Но он безошибочно угадывал такие состояния в собственной душе. И знал - что когда он начинал думать об этом - все это означало, что вновь начинается какая-то очередная разновидность очередной страшной депрессии. И хоть убеждался уже по собственному опыту, что со временем это закончится, - Артемьев все равно страшно этого боялся. Потому как ведь совсем он не мог предполагать (и, тем более, быть уверенным) в том, что все - и на этот раз - закончится безболезненно для его психики. Конечно же, не мог.

В ином случае можно было бы подумать, что это он *вершител*ь *судеб*. Что было бы считать исключительно ошибочно. Потому как не мог он распорядиться - и своей собственной судьбой.

Но на самом деле... На самом деле Артемьеву было необычайно трудно помнить о том, что его труд - может так стать - что будет не то что "бесполезен", а не дойдет до читателей. Быть может ему необходимо было хоть частично начинать публиковать его?

Ведь необязательно было разом обрушивать на читателя весь каскад мысли, структурированной (по

сути) в течение десятилетий. А значит, он просто обязан был начинать хоть с чего-нибудь. Тем более что и наверняка это значительно поддержит и его силы. Его душевные силы. Силы, которых становилось все меньше и меньше. И которые (как будто бы) совсем "не восстанавливались". Словно не из-за чего было вызвать то, чтобы как-то способствовало какому-то *восстановлению*. Подобному восстановлению. Тому восстановлению, что могло бы, быть может (да и наверняка это так и было),-- способствовать рождению новых жизненных клеток, в которых так нуждался его мозг.

И, тем не менее, Артемьев верил, что не все так плохо. А быть может даже если поразмыслить еще, то все и совсем не плохо. А то, что сейчас происходило с ним,-- не это ли *помогало* ему в творчестве? Не это ли настолько питало его мысли, давало его психике *топотрясение* (*не очень удобно об этом говорить, но ведь это было так*),-- которое в последующем проецировалось в его творчество. И тогда уже получалось, что и самые лучшие, самые сильные его строчки получались именно тогда, когда до этого он испытывал самое большое потрясение. Когда его психика находилась под высочайшим "прессингом" душевного беспокойства. Когда уже, казалось, и нет иного выхода - как только... застрелиться...

От отца у Сергея Сергеевича остался пистолет. Артемьев почти не знал историю приобретения оружия своим родителем. Он знал только, что это был именно пистолет, и к нему было разрешение подписанное лично министром Щелоковым. Ну, быть может, не им самим. Но то, что там стояла подпись

одного из высших руководителей советского государства,-- было точно. Правда вот, само разрешение отец увез с собой за границу. Пистолет он везти побоялся (опасался проблем с таможенной). Но вот "разрешение" он зачем-то взял. Может как память?.. Память о времени былого величия...

И пистолет остался у Артемьева. Он давно уже его не доставал. И даже почти позабыл, где тот лежит. Но если потребуется,-- Артемьев знал что тотчас же найдет его. И...

Нет. Вряд ли он был способен убить себя. Да и к этому не было таких уж причин. А с тех пор как Артемьев начал писать - он нашел удивительный способ избавления (пусть только временного) от подобных состояний; сублимируя свою тревогу в творчество.

И видимо когда его "научное" творчество перестало так-то уж "помогать" ему в этом,-- он и занялся художественным. И можно сказать, в этом удивительным образом преуспел. Потому как ему очень нравилось самому - как он пишет; о чем пишет; и он знал - *почему* он пишет. И это самым необычайным образом поддерживало его силы. И как раз давало ту уверенность, без которой, в общем-то, Артемьев уже себя никогда и не мыслил.

И это было самое упоительное чувство из всех испытываемых им в последнее время. И вполне можно сказать, что Артемьев наслаждался *величием момента*. И уже если бы возник перед ним выбор: избавиться от надвигающегося кошмара разума - но за это нужно было бы перестать писать,-- Артемьев ни за

что бы не согласился. Он знал, что и так избавиться. Ну, если не совсем, - то хотя бы значительно отдалит момент наступления подобного. И для этого нужно было всего лишь продолжать заниматься тем, чем занимался он. И ничего, почти ничего более.

И Артемьев верил в это...

Глава 4

Такие минуты (точно также перераставшие в часы, бывало - долгие часы) Артемьев тоже любил. Это было время, когда у него внутри все торжествовало. А он уже не считал (где-то у себя в подсознании) себя таким несчастным, как зачастую он подспудно чувствовал все прошедшее время.

Быть может ему даже хотелось громко рассмеяться, закричать от радости, как-то выразить свой восторг,-- который испытывал он в эти дни.

Они повторялись не так часто. И потому были особенно ценны Сергею Сергеевичу. Он начинал верить, что в действительности - все и не так уж плохо. А то и совсем даже неплохо. И действительно хорошо.

И это поистине было счастливое чувство.

И Артемьев знал в эти минуты, что у него все получится. Какая-либо печаль грусть - совсем исчезала. И ему действительно хотелось только радоваться.

Глава 5

И уже не было совсем ничего необычного в том, что состояния какой-то *радости* - задерживались у Артемьева не надолго.

Он все-таки всегда был настроен больше пессимистично; а если какой оптимизм в нем и присутствовал, то это было то чувство, которое он большей частью привык скрывать. Именно привык, а не скрывал как-то вынужденно, или потому "что это ему нравилось".

Это ему совсем не нравилось. Но для него это было вполне обычное существование. Он просто считал, что должен себя вести так, а не иначе.

Это было даже залогом какого-то (если можно так сказать),-- *выживания*. Потому как ничто больше не подстегивало его в работе - как какая-то *грусть*. Быть может уже, большей частью, и *выдуманная* грусть. Грусть, от которой он хотел избавиться.

Это был маскарад. Настоящий маскарад души. Где единственным героем, актером, и действующим лицом - был он. А вместо всех остальных - были различные вариации его души. Которых он и боялся, и сам пугал их; которым он и завидовал - и сам служил причиной их зависти; которых он ненавидел. И без которых он не мог жить.

Это было то, с чем он давно уже слился воедино. Но, быть может, еще сам боялся в этом признаться.

Но это было действительно то - без чего он не мог жить.

Потому что - именно это - и была его жизнь. Жизнь в тех многочисленных вариациях, в которых он сам интерпретировал собственное бытие. И уже

можно было сказать, что его жизнь - как бы "подстраивалась" под него. И он уже ничего кроме чувства внутреннего удовлетворения - и не испытывал.

Потому что... Потому что именно в этом - и был Артемьев. И он совсем не представлял - зачем ему как-то изменять себя?!

Глава 6

В минуты необычайных откровений (которые все чаще случались с Артемьевым),-- он видел свою жизнь совсем иначе, чем она, быть может, и была. Это были поистине уникальные мгновения, которые он всегда ожидал с каким-то трепетным чувством.

И совсем нельзя было сказать, что они были постоянны. Или, например, это *состояние* "грозило" уже никогда не исчезнуть.

Артемьев даже не задумывался, что было бы тогда. Потому как знал он, что навсегда оно, конечно же, не задержится. Но он был рад и ловить те недолгие минуты существования, когда это чувство словно заполняло его всего "без остатка". И он парил в своем счастье. И ему не хотелось (совсем не хотелось!) чтобы оно когда-нибудь исчезло.

Можно было даже сказать (и в признании сего факта не было ничего, что могло бы как-то поколебать его уверенность в том, что так делать не стоило), что Артемьев научился даже извлекать какую-то пользу из того, что случилось с ним. Это было чувство какого-то детского восторга. Щенячьей радости. А тоска... Тоска отступала настолько, что Артемьев уже даже и не задумывался: а была ли она когда?

Быть может, ее не было?

А все что происходило с ним - это и на самом деле был не прекращающийся маскарад души.

А потому и не хотелось ему - чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

"Ну, вот я и заканчиваю писать. Но это совсем еще не конец. Это совсем не тот конец, совсем не то, которого бы я хотел. Которым бы я хотел закончить свое повествование. Потому что как такового - окончания того, о чем я пишу - совсем и не может быть. Ведь любое окончание - означало бы и прекращение жизни. Но разве так может быть - если я еще живу? Так быть не только не может, но и не должно. Потому что я еще должен успеть закончить то, о чем начал писать. И хоть я совсем отделился от своего изначального повествования, на самом деле - в некоем завуалированном виде - оно присутствовало все равно. И нужно просто правильно расставить акценты. Выделив главное. То "главное", которого, по сути, быть совсем даже и не может. Потому как все время будет казаться мне, что это совсем не то, о чем я бы хотел сказать. Но и это все будет не совсем так. Потому что в этом случае это будет какой-то параллельный взгляд. А на самом деле,-- все обстоит совсем даже иначе, чем то может казаться мне. Или вам. Или еще кому-нибудь. И уже в любом случае, это будет совсем не та правда, о которой мне, быть может, хотелось бы, чтобы узнали вы. Но наверняка, это будет что-то, о чем мне очень хотелось поведать вам. И это видимо тот самый парадокс, каким парадоксом является и все мое существование. И быть может просто сейчас - совсем не обязательно, чтобы это становилось понятно самому мне. Ведь это как-то

представляется очень важным для меня. Почему? Да все по тем же многочисленным причинам, которые я рассеял в своем повествовании. И это и есть та истина, к которой я стремился. И которую, видимо, все же я еще не нашел. Потому как если бы случилось так - то...то... то тогда зачем вообще жить?..".

Глава 7

"Скорей всего, самому себе мне еще хотелось сказать о многом. Но выходило так, что я иной раз откровенно боялся какого-то подобного своего желания. А быть может, я опасался тех последствий, которые могли наступить после подобных моих "откровений". Ведь выходило так, что мне совсем ничего не хотелось от себя скрывать. И я всегда был искренен с самим собой. А когда случались эти "откровения" - я совсем не хотел останавливаться. И, соответственно, отмалчиваться. И старался поделиться всем, что доселе таилось в моей душе...

Я мучительно больно переживал то, что произошло с родителями. Я был уверен, что не додал им того тепла, которое в моем сердце предназначалось для них. Оно так и осталось там. Нерастраченным оно хранилось, вызывая в моей душе какие-то противоречивые чувства. Чувства, основными из которых была боль, рождаемая осознанием грехов прошлого.

Я знал, что мне следовало вести себя совсем иначе. Но ведь и я слишком торопил события, слишком "хотел жить". А потому,-- то, что происходило рядом со мной - к моему теперешнему сожалению выпадало из сферы моего внимания.

Тогда мне почему-то казалось, что ничего страшного не происходит. Я как будто был уверен, что всегда при желании смогу вернуться назад, к тому, что было *недоделано* мной. Но так выходило, что проходили годы - а я продолжал жить исключительно будущим. Помня, конечно же, помня о прошлом. Но получалось так, что все эти мои воспоминания, совсем как будто и не говорили мне, что нужно вернуться назад. Довести до конца то, на выполнение которого появлялись лишь "намеки". Эти "намеки" исходили из моего сердца. Которое совсем еще не было "испорчено" так же, как моя душа. Душа, которая искала извечного покоя. Но я как будто намеренно делал все противоположное, чтобы только этот покой не наступил.

Я не оглядывался назад.

Тогда я совсем не оглядывался назад.

Я стал делать это намного позже. Когда уже произошла та трагедия, последствия которой я теперь всегда буду ощущать в себе. И уже ничто не способно будет привести к какому-то моему искуплению вины. Потому что этого не может наступить. И не потому, что я этого не хочу. Хотя, наверное, можно сказать и так. Потому как я обязан (я обязан сам себе) жить с ощущением этой вины. Вины за мое прошлое поведение. Это было мое искупление вины. И об этом я буду вспоминать всегда. Потому что я просто обязан помнить об этом. Память,-- это невольное подтверждение того, что во мне еще осталось что-то чистое и светлое. А искренность... Искренность, к сожалению, здесь совсем и не причем. Можно вполне быть *искренним*,-- и при этом оставаться законченным мерзавцем. Это та философская правда жизни, которая неизбежна - в своей правоте. Которая

существует совсем независимо от того, что кто-то об этом думает. Которая, как бы, *сама по себе*. И которая, которая невольно притягивает внимание с одной стороны - своей какой-то "незащищенностью". А с другой... А с другой это то, от чего мы совсем не можем избавиться. От которой мы и не должны избавляться. Потому что... Потому что - зачем тогда жить?..".

Глава 8

Случалось, что-то подталкивало Артемьева в его работе. В его творчестве. И тогда он (почти не отдыхая) просиживал целые часы над своими рукописями. И пока окончательно не наступало чувство внутренней "исчерпываемости" (когда ему на сегодня уже *не было что сказать*),-- он не останавливался. Справедливее конечно сказать - он не мог *остановиться*. Да он бы и ни за что не позволил себе сделать это.

Артемьев боялся остановиться. Он боялся упустить то вдохновение, которого, несмотря на то, что как вроде было всегда и было у него в избытке - ему все равно всегда не хватало. И он ненасытно набрасывался на лежащие перед ним листы бумаги. Листы, постепенно превращавшиеся в исписанный его каллиграфическим почерком "кладезь мудрости".

И совсем невозможно было ему избавиться от осознания *важности момента*. Потому как он знал, что все, чем он занимался,--на самом деле необычайно важно. Что ничто в его жизни не могло сравниться с тем, что оставалось запечатленным на этих листах бумаги. И что было важно. Очень важно. Что бы он ни

говорил, и как бы не считал иной раз. Ведь это было как бы подтверждение его жизни. То, что "подтверждало" эту жизнь. То, что словно давало *индальгенцию* на все, что происходило с ним в течение жизни. На все поступки, совершаемые им в течение этой жизни. И именно все эти записи - оправдывали все, что совершил, или что мог он совершить. И от осознания сего факта - в нем появлялось именно то состояние уверенности, которым он очень, необычайно дорожил. К появлению которого Артемьев стремился.

Это было ощущение какого-то внутреннего превосходства над всеми невзгодами, которые он мог когда-либо испытать. И он верил в свое творчество - как верят в самую счастливую исцеляющую молитву. Потому что именно его творчество - это была его Библия. Его книга Бытия. Книга жизни. Книга, по которой он строил жизнь. Книга, по которой он верил - будут строить жизнь другие. И он просто бы обязан успеть как можно больше написать. Чтобы как можно меньше осталось неразрешенных вопросов. Ибо не было ничего страшнее и опаснее для него - чем оставленных неразрешенных дел.

.....

Артемьев, конечно же, был не безгрешен. Но и все понятия греха - можно было понять в контексте относительности; той относительности, благодаря которой, одно и тоже произошедшее событие можно было истолковать по-разному. А значит, точно также и осознать это. По-разному.

И совсем необязательно было цепляться за ростки какой-то *неуверенности*, обнаруживающиеся при этом. Ведь, по сути, это было совсем даже и не важно. Ведь не было ничего, что нельзя было истолковать в ту, или иную сторону. Но ведь обязательно (и намного важнее) была сама способность к какому-то *истолкованию*.

И для Артемьева важно было именно это.

Глава 9

"Вот что, наверняка, может еще показаться важным. Я в некотором роде всегда жил совсем не той жизнью, которой жил на самом деле. И здесь нет чего-то необычного. Все дело в том, что как только я оказывался в каком-то обществе (зачастую, без моего особого желания на то), я тотчас же принимался играть своеобразную роль, в которой от меня самого, от меня "настоящего", была лишь малая (а то и совсем незначительная) часть.

И по-своему это было уникально.

Но считать так, значит совсем не понимать ту трагедию, которая назревала в моей душе.

Эта трагедия, скорей всего, никогда бы не смогла вылиться в действительно что-то феерично - натуральное. Я попросту никогда бы это не мог себе позволить. Никогда. Я мог думать об этом, желать этого, но никогда ни к чему это привести бы не могло.

И это была действительно трагедия. Безмолвно, почти без какого-либо внутреннего сопротивления и протеста, я позволял самому себе играть по жизненным правилам (заранее принимая любые условия), которые были установлены до меня. И

совсем не предполагали моего какого-то участия. Они словно совсем не предполагали и моего существования. Но если уж так вышло, что я "оказывался рядом" -- как бы предусматривалось само собой - что с моей стороны какое-то возражение не появится.

Хотя, замечу, на самом деле так, конечно же, не было.

Но и мои какие-то страдания (которые просто не могли не возникнуть), "всерьез" никто не принимал. Как будто совсем не было их. Не было меня. Не было чего-то, что могло бы помешать существованию того положения дел, которое давно уже сложилось. И сложилось, конечно же, в том числе и по моей вине. Ибо произошло это без какого-то протеста с моей стороны. А когда нет "протеста" -- можно предположить, что человек или об этом *не знает* (что давало какие-то шансы на его *реабилитацию*), или,-- *не хочет знать*. И что было страшнее - совсем неизвестно.

Но что я мог предложить миру? Обманывать мне никогда никого не хотелось. Даже в те минуты, когда я, вроде как, и чувствовал что это можно сделать (ради собственного самосохранения), я все равно не делал. Да и возникали подобные мысли всего раз, два. А потом они уже каким-то образом обходили мое сознание. Так что я, быть может, уже был и благодарен им за то, что они не искушали меня.

Конечно, мне трудно приходилось из-за того, что пока не было того всеобщего признания, которого, (бессознательно), конечно же ожидал. И при этом я вполне отдавал себе отчет, что если когда такое и случится, то я уже не застану этого. А что будет после

нашей смерти? Можно тешить себя любыми ожиданиями *предполагаемого иллюзорного будущего*. Но что будет на самом деле - разве уготовано нам о том знать?

Впрочем, если это способно придать какие-то силы *дню настоящему*, то несправедливо было бы и отказываться от подобного.

И все же я хотел бы кое-что обозначить более четче. Мои (встречаемые по ходу повествования) предположение о какой-либо *исключительности*,-- совсем не должны ни смущать, ни (тем более) зарождают у вас ростки какого-то недоверия, а отсюда и - "недолюбивания" меня. Почему? Я специально вспомнил о том, что кому-то ведь может показаться и так. Но тогда уже спешу уверить, что, большей частью, суть всех хвалебных речей о самом себе,-- это только лишь желание как-то *подстегнуть* самого себя в работе. И не более. Потому как все исходит, опять же, к специфике моей собственной психике. Когда одобрение и приветливость - вызовут восторг и воодушевление (а значит и вдохновение, и подъем творчества), а какая-то критика - лишь способна отбросить назад. И потому приходится защищаться от нее тем образом, что стараться просто не замечать ее. Списывая атаки критикующих,-- на всю эту несчастную психопатологичность их души, вынуждающую искать какие-либо способы внутреннего удовлетворения; а известно, что большинство из нас способны *приподняться* в своих глазах только после того,-- как "опустили" в этих самих "глазах" других.

И, конечно же, все мое какое-то упоминание о какой-то своей *беззащитности*,-- совсем даже не из-за того, что это и на самом деле так. Но что верно наверняка, это то, что совсем не хочется отвлекаться на какие-то мелочи, стремясь доказать кому-то,-- что-то - о себе. Зачем? На мой взгляд, это-то как раз и есть ошибка. И я бы никому не советовал когда-то этого делать. Потому как все "доказательства" должны быть только для самого себя. И сам человек, лучше, чем кто-то другой, знает на что он способен. Какой потенциал заложен в нем. Что таится и скрывается в его мыслях (а я, если угодно, в какой-то мере различаю два семантически родственных понятия: таиться и скрываться); и уже потому, необходимо всегда предоставить человеку самому - взлетать к каким-то вершинам; самому - "раскрыться"; самому - стать тем, кем он, собственно, и должен стать.

И ничего нет страшного в том, что по началу человек становится *таковым* - лишь в своих собственных мыслях. Ведь потом он обязательно достигнет этого же - и "на самом деле".

Глава 10

Артемьеву очень многое было дано, как говорится, "от природы". Но в отличие от тех, кому было дано, быть может, не меньше, он как-то быстро научился этим пользоваться. Но стал пользоваться ровно настолько (и только лишь для того), чтобы еще больше развить свой *природный потенциал*. Потому как чувствовал он, что нет ничего губительнее для таланта, чем тешить себя надеждой о наличии этого самого таланта - и, тем самым, ничего не делать для *приумножения* его.

Он так не мог. Он знал, он как никто другой знал, что должен трудиться еще больше. Больше чем кто-либо другой. Потому что только так (и только так!) можно действительно добиться многого. И максимально развить этот талант. И необходимо было постоянно совершенствоваться. Само - совершенствоваться. И Артемьев работал.

Свой сон он уже давно сократил до нескольких часов.

Самое главное после пробуждения было - не дать чужим мыслям проникнуть в свой разум. Ни откуда нельзя было получать никакие "подсказки". И потому, стоило ему только проснуться, он начинал (до изнеможения) работать над своими рукописями.

И так продолжалось до позднего вечера. (Когда ему уже не было "о чем сказать" в этот день).

Но и тогда он, конечно же, не "останавливался". Он просто возвращался к книгам. Это была научная литература (философия, глубинная психология, литературоведение, история, социология...), и художественная литература (проза и поэзия). Теперь его мозг жадно вбирал в себя мысли других. Перерабатывал там. С чем-то не соглашался (и тогда от этого безжалостно избавлялся), что-то откладывал в глубины собственного сознания. Что-то потом каким-то образом трансформировалось в собственные мысли. Что-то - ожидало "своего часа". Но его мозг продолжал работать. И по настоящему он мог отдохнуть только под утро. Когда Артемьев в изнеможении доползал до кровати, тотчас же засыпая. (Если, конечно, был сон. Ведь могло так получиться, что, промучившись с четверть часа, он вскакивал, и

продолжал работать еще несколько часов; подстегивая себя крепким чаем, кофе, и сигаретами).

На сколько, при таком режиме, могло хватить Артемьева?

Об этом он даже не задумывался. (Хотя, пожалуй, и нет. Вероятно все же отголоски подобных мыслей появлялись в его сознании, слегка нарушая привычный режим работы). Но Артемьев запрещал себе думать об этом. Он должен был много работать. И о чем-то другом, о чем-то другом он просто запрещал себе думать.

Но вот что было еще важно. Ведь с недавних пор (со смерти родителей) перед Артемьевым лежала еще и обязанность сделать все для собственной известности. Чтобы потом обратить эту "известность" на то, чтобы как можно полнее рассказать о собственных родителях. Ведь и отец, и мать Артемьева были уникальными людьми.

Они принадлежали к той эпохе, которая ушла с их смертью. Почти совсем ушла. Почти совсем не осталось людей, которые родились, жили, и давали жизнь другим в то время, о котором сейчас уже если и помнили, то только те, кто бережно хранил эту память. Многим людям (современным людям) просто не довелось застать ее. Как и не удалось почувствовать дух того времени. А Артемьев бережно хранил эти воспоминания. Ему очень хотелось рассказать всем о своих родителях. Но для этого надо было - чтобы его *слушали*. А для того чтобы слушали - необходимо добиться собственной известности. Чтобы у людей появилось *желание* "слушать".

Быть может именно это, как раз, и было для Артемьева сейчас первостепенно-важно. Ведь никто не мог этого сделать кроме него. Ни мать, ни отец никогда не стремились как-то "заявить о себе". Хвастовство совсем не прельщало их. Да и самому Артемьеву как-то неудобно было говорить о себе.

Но вот когда дело касалось других, и в первую очередь самых дорогих и близких ему людей... Здесь ситуация менялась кардинальным образом.

Но и к этому нужно было подойти внимательно. Нельзя было упустить ни малейшей детали, потому как все (абсолютно все) было важно и первостепенно.

И Артемьев (медленно, но уверенно) шел к этому. Он приближался с самой отчаянной настойчивостью; он стремился, он ждал, с трепетом ждал наступления того часа, когда обо всем можно будет ему сказать.

Ведь никто не мог об этом сказать так, как сделал бы это он. И это накладывало дополнительные обязательства на Артемьева. Обязывало использовать тот арсенал действий, который был бы способен - разом - привести к победе.

И иного, как говорится, не дано.

Что же он мог сказать о родителях? В этом повествовании совсем нельзя было торопиться. И когда-нибудь он обязательно напишет книгу о родителях. О них вместе. И отдельно о матери, и об отце.

Что будет в этой книге?

Ну, например, вот это...

Часть 7

Глава 1

Любовь Павловна Артемьева (в девичестве Зиновьева) всегда жила с настойчивой идеей достичь такого положения, при котором могла бы быть "сама собой".

Она с детства не привыкла подстраиваться ни под чье мнение. Всегда высказывала все, что думала. И от того, получила славу жесткой и прямолинейной женщины. Впрочем, как и женщины, которая всегда знает, что она хочет. И также *все знали* - что всегда будет так, как этого хочет Любовь Павловна. И она никогда не будет подстраиваться ни под какие конъюнктурные интересы. И поэтому столько же, сколько было у нее друзей (очень много), почти столько же было и врагов. Хотя враги, большей частью, были ничтожны уже по своей *вражеской* сути. Потому как, если человек был наделен хоть частицей разума и здравого смысла, он, конечно же, признавал (хотя бы в душе) "требования" Любови Павловны. А значит, и конфликтовать с ней не стремился, предпочитая просто уйти с ее пути.

Это была властная женщина. Властная настолько, что подчиняла себе даже тех мужчин, многие из которых и сами были бы не прочь подчинить (и подчиняли) себе других.

Но все они сникали перед ее волей. И даже самые отчаянные - волей неволей - признавали ее волю.

Да ей и невозможно было не подчиниться. Она обладала какой-то невероятной энергетикой. Причем,-

- *положительной* энергетикой. А окружающие чувствовали исходившее от нее излучение добра и справедливости. И все знали точно: зла она никогда никому не делает.

А несправедливости - не допустит.

Можно было сказать, что чувство правды настолько было развито в этой невысокой (и невероятно красивой) женщине настолько, что невозможно было найти человека, который бы не проникся сопричастностью к этой правде. Не желал бы походить на ту, которая возвеличила правду и человеческое достоинство - в высший идеал добродетели. Ибо только таким должен был быть, -- по ее мнению, -- человек.

Он мог не получить такого образования как она (доктор философии); мог заметно проигрывать в развитии интеллектуальных способностей; но вот врать, обманывать, изворачиваться - он не мог. Он не должен был. Иначе тотчас же к такому человеку у Любовь Павловны пропадал всяческий интерес. Она с презрением смотрела на всех тех ничтожных людишек, которые стремились самоутвердиться за счет других.

И никогда (никогда!) Любовь Павловна Артемьева не позволяла себе (хотя бы намеком) кого-то обидеть, высказав подозрение в несостоятельности того, как личности. Таких *людишек* она попросту обходила. Точнее, они избегали ее. Избегали появляться перед ней. Потому как ее взгляд тотчас же высвечивал в них все те людские пороки, которые заключались в их тщедушном мозжечке.

И наоборот. К людям, которые захватывали ее своей искренностью, свободой в суждениях, широтой

взглядов, *уверенностью*,-- она относилась как к равным. Она дружила с ними. И для них - это было важнее всех наград или степеней общественного признания.

Любовь Павловна Артемьева была уникальной женщиной. Но она ни за что бы не согласилась, чтобы кто-то считал так. И не любила, чтобы кто-то пытался говорить ей о какой-то ее "исключительности".

Лесть она не выносила ни в каких проявлениях.

Она была уверена, что все, что она добилась, - добилась исключительно благодаря своему труду.

Родившись в небольшом поселке, она рано поняла, что единственная возможность для нее достичь положения в обществе,-- это хорошо учиться.

И она ходила с книгой даже по улице. Она читала при любой возможности. Читала, несмотря на то, что, иной раз, это сделать было и невероятно затруднительно. Не было книг. Было очень мало книг. Но видя ее стремление к знаниям, учителя (сельские учителя) отдавали ей все знания, которыми они располагали сами. А когда Зиновьевой перестало этого хватать - сами выписывали книги из Москвы и Ленинграда, чтобы только девочка не оказывалась в информационной блокаде.

Тогда не было компьютеров, не было интернета. Также как и не было возможности найти многие книги. Очень много книг не изучалось. Очень многие авторы были запрещены. Но Любе каким-то образом удавалось находить и запрещенную литературу. Она читала Набокова, Кафку, Белого, Бродского, Мариенгофа, Ницше, Фрейда... Читала многое из того, что в советской России можно было найти только в самиздатовских вариантах. Рукописи (перепечатанные на печатной машинке) ходили по

рукам. К девочки они попадали от учительницы по литературе. Сейчас даже не сохранилось имени этой доброй женщины. Но она по каким-то своим связям доставала Солженицына, и Войновича, и Гиппиус, и Ильина, и Соловьева, и Ахматову, и Пастернака... Она находила тех авторов, которых под страхом уголовных преследований было запрещено читать в советском союзе. И знакомила с их творчеством девочку.

Люба Зиновьева мало что знала о своей учительнице. Знала она только, что та происходила из древнего дворянского рода, ее родители погибли во время гражданской войны, а сама она с трудом выжила в годы репрессий. Но и без этих "знаний" Люба прониклась невероятным теплом и уважением к доброй женщине.

.....
.....

Трудно приходилось Любе. Но никому она никогда не говорила о своих трудностях. И не потому, что не доверяла. А просто считала, что никому это неинтересно. Люба росла в том окружении, когда ее интересами и увлечениями никто не интересовался. Родители Любы тоже погибли в годы сталинских репрессий. А воспитывалась она в семье тетки, сестры матери.

Это была бедная деревенская женщина. Которая быть может и хотела чем-то помочь племяннице, но совсем не понимала ее *увлечений*. А стремление девочки к каким-то знаниям, -- ей, неграмотной женщине, были и вовсе непонятны.

Муж тетки погиб во Вторую Мировую. Воспитывала она семерых ребятишек. И потому с ее стороны уже был акт необычайного добросердечия то, что она взяла в семью еще и Любу Зиновьеву. И Люба всегда была ей благодарна за это. Совсем как будто и не прося ничего больше. А *понимание*... Так это одно из тех человеческих качеств, которого Люба Зиновьева была лишена с детства. И к которому привыкла (приучила себя привыкнуть).

Так что совсем она и не замечала ни недовольных взглядов тетки, ни таких же взглядов своих двоюродных братьев (отчего-то сразу невзлюбивших ее), ни взглядов каких-то знакомых этой тетки, почему-то тоже считавших своим долгом показать ей свое "недовольство". Ко всему этому Люба Зиновьева привыкла. Приучила себя привыкнуть. Но эти все *недоговоренности*, которые чуткая и умная девочка замечала, все эти рассерженные взгляды, вся эта (с трудом скрываемую) злость, конечно же, оседали болью в ее сознании. И она будет помнить о том всю свою жизнь. Помнить, как все свое детство стремилась сделать все, чтобы своим трудом "отблагодарить" тетку. И бывало, тетка, уходя на работу (работала она дояркой) наказывала детям, что нужно было сделать по хозяйству (корова, много птицы, большой двор). И сыновья дружно кивали, соглашаясь с матерью. Но как уходила та (в 4 утра уже заезжал автобус, развозивший на ферму), все семеро злобных мальчишек начинали издеваться над сестрой, заставляя только ее - выполнять всю работу. А к приходу тетки с работы Люба уже так уставала, что с трудом держалась на ногах. А двоюродные братья ее, свежие и отдохнувшие, наоборот, начинали

показывать такое усердие в работе (забирая у обессиленной девочки метла (подметать двор), ведра (поить корову, телят, свиней, птиц), косу (косить траву), и т. п., что их мать почти каждый раз заставляла одну и ту же картину: все ее сыновья дружно работают, а племянница стоит, смущенно улыбаясь ее приходу. И она готова была разразиться бранными проклятиями. Но к этому времени уже обычно так уставала на работе, что только удрученно качала головой. А Люба... Люба была ей благодарна уже за то, что та ее взяла к себе. Ведь в ином случае девочку бы ждал детский дом. И вряд ли там бы ей было лучше.

Да и с другой стороны, ведь вполне можно было предположить, что именно все эти трудности - и закалили, выкристаллизировали характер девочки. И когда она выросла (а росла она с неиссякаемой верой в необходимость каких-то изменений, которых могла добиться только с помощью знаний и образования), то и стала Люба Зиновьева именно той Любовью Павловной Зиновьевой (а чуть после - и Артемьевой), которую многие теперь знали, и еще больше - боялись. И никто, конечно же, никто из тех, кто когда-то усиленно пытался как-то унижить, поиздеваться, показать свое превосходство над ней - не достигли и десятой доли того, что удалось Любе. И Любовь Павловна стала вторым секретарем горкома партии. И теперь многое зависело от ее решения. И она наконец-то достигла признания своим заслугам. И она смогла быть самой собой. Но вот работала она теперь (и "над собой" в т. ч.) еще больше. И совсем не позволяла Любовью Павловна себе отдыхать. Потому что, -- там, где другие могли довольствоваться уже имеющимся

(в положении дел города) Любовь Павловна чувствовала вину за какие-то "недоработки" (которые она всегда находила), а поэтому она работала на износ.

Мать Артемьева принадлежала к плеяде тех "ленинских соколов" (по духу) которые всецело отдавали себя работе и заботе о других. И быть может, вся трагедия этой женщины была в том, что она многому верила из того мифа, который методично выстраивала советская власть. И даже получалась и сама на каком-то этапе своей жизни (как только более-менее подросла) приняла участие в становлении и совершенствовании этого ленинско-коммунистического мифа. А быть может, в этом и не было такой уж трагедии. Почему это обязательно должна быть трагедия? Ведь Любовь Павловна действительно верила "в партию и правительство". Как верила и в "светлое будущее" (которое обещала эта партия и правительство). И это было общее в то время следствие идеологической установки, которой "обрабатывались" все жители советской империи. А Любовь Павловна еще с школьных лет принялась проявлять интерес к комсомольско-партийной жизни. И в отличие от многих (кто просто использовал подобную "активность" для того, чтобы "пробиться", решив какие-то свои меркантильные интересы) Люба всегда верила в это. Верила и когда была секретарем пионерской организации, и комсомольской, и когда стала партийным работником. И была ее вера сильна именно уверенностью в том, что сможет она сделать что-то, что даст радость другим людям. И хотела она заботиться о других людях. И не жалела сил (совсем не задумываясь над тем, что должна она когда-то

отдыхать), заботясь о благосостоянии народа. И это были совсем не пустые слова. И не шаблонные фразы. Такими они стали из-за тех, кто использовал партию в каких-то своих целях. Но совсем не такой была Любовь Павловна. Она искренне верила, что сможет помочь своему народу.

И даже после того, как советский строй рухнул, она, словно еще по инерции, продолжала заботиться больше о других, чем о себе, или собственной семье. На первом месте для нее всегда была общественная жизнь, общественные интересы. И поистине это была боль этой сильной женщины. Потому, как только вся правда о происходившем в стране обрушилась на нее, она не выдержала она. И если еще жила, то только благодаря своей воле, характеру, закалке...

Но сколько можно продержаться на силе воли? И тогда уже, вероятно, смерть Любовь Павловны Артемьевой, была как бы следствием всего этого. Следствием, быть может, ее жизни. Жизни на благо других. Жизни - в заботе о других.

Она просто-напросто не выдержала. Сгорела. Но благодаря ей - жили другие. Кто-то до сих пор еще помнил ее одобряющие слова, сказанные когда-то (а получить одобрение от этой женщины действительно стоило больше, чем любые правительственные награды). Кто-то хранил в своей памяти образ этой женщины, помня ее решительность, волю, непреклонность. И благодаря этому жил. А кто-то просто любил эту женщину. И пронес память о ней на всю жизнь.

Но больше всех, конечно, ее любил сын, Сергей. И была это и любовь и боль одновременно. Потому что переживал Сергей Сергеевич за то, что так и не отплатил свой сыновний долг. Не выдержал

прижизненных испытаний материнской любовью. Всегда думал и заботился большей частью только о себе.

И это было поистине проклятие, которое висело над ним. Потому что, именно эта боль (которая получила наивысшее развитие после смерти матери), теперь довлекла над ним. И он совсем ничего не мог с ней поделать. А избавиться... Избавиться от нее он мог только воздав должное памяти матери. Это был его долг. Это была его задача. Это была цель ее жизни.

Глава 2

Но как мог Артемьев избавиться от чувства вины за когда-то совершенное против своей матери (а прежде всего,-- это безразличие его по отношению к ней), когда он считал что совсем не должен от этого избавляться? Ведь это была кара. Это было искупление грехов. Это было то, что он должен был терпеть. И совсем не должен был избавляться от этого.

Ощущение чувства вины не только вызывало тревогу, но и уже казалось, что с этой самой тревогой Артемьев и должен продолжать жить.

Тревога, тревожность, беспокойство... Все эти состояния незримо присутствовали в нем. Приносили неудобство. Не позволяли, быть может, даже и вздохнуть полной грудью. Но и как бы болезненно и печально не было наличие этого, все равно ничто не могло заставить Артемьева решить прекратить страдания. И он мучился, страдал, переживал. Но и работал. Он не на секунду не

прекращал свою работу над рукописью. Если он шел по улице - он думал. Если он был дома - он писал. Если он выступал на лекции - он все равно мысленно присутствовал в работе над своей рукописью. Над своими многочисленными рукописями. Ведь их число уже приближалось к сорока томам. И это был еще не предел. И разговаривая с людьми, Артемьев еще раз мысленно прокручивал какие-то свои теории, выведенные формулы, все время что-то анализировал и сопоставлял.

И в этом был весь Артемьев. Он был именно такой. И, наверняка, находились те из окружающих его людей, которые не понимали необходимости существовать так, как жил он. Для них было совсем необъяснимо -- зачем было так много трудиться? Так изводить себя. Так растрачивать собственные силы. Разве не лучше было бы сберечь свое здоровье. Чуть замедлить ход времени. Не стремится, так-то уж, *запрыгнуть в последний вагон* уходящего поезда времени.

Для них непонятно было,-- зачем насиловать столь необъяснимым образом свой организм? Ведь все это вело к тому, что жизнь Артемьева закончится раньше, чем то, быть может, и должно было быть и так.

Но это были *обыватели*. Это были *перестраховщики*. Это были те, кто всегда с опаской шли по жизни. Думая в первую очередь о себе. О *сохранности* себя. О том, как бы не просто *выжить* (даже это было бы необычно для них),-- а как прожить так, чтобы получить максимальное благо; собрать богатства этого мира; собрать материальные богатства - в ущерб духовным.

Для подобных людей какое-то нравственное самосовершенствование было чем-то необъяснимо недоступным. Духовное наследие, это немислимое богатство, создаваемое веками - меркло перед этими стяжателями; меркло перед их хищнической меркантильностью. Меркло перед каким-то сопоставлением с властью денег; золота; всех этих благ цивилизации, которая всегда стояла у подобных людей на первом месте.

И пусть у них не было души. Им совсем и не нужна была какая-то душа. Таким людям казались чуждыми (и, как минимум, странными) разговоры о какой-то духовности. На первом месте были деньги.

Артемьеву никогда не были нужны деньги. Ему трудно было при полном отсутствии их. Но он вполне довольствовался совсем минимумом. Каких-то излишеств он не любил. Главное... Главное, чтобы было на что купить книги.

Книги, это то, что для Артемьева было бесценно. Он часто голодал (мешая дешевую крупу с кипяченной водой - когда голод совсем уже не давал возможности работать), но при этом Артемьева согревала какая-то невероятная внутренняя радость от того, что он купил какую-то так необходимую ему книгу. Порой, зная даже, что переплатил за нее.

Но духовное богатство для Сергея Сергеевича всегда было превыше материальных ценностей.

Да и даже когда у Артемьева бывали деньги (а они, заметим, у него бывали), он все равно каким-то необъяснимым образом избавлялся от них. Деньги тяготили его. Его душе они были совсем не нужны. И если бы не правила устанавливаемые социумом -

Артемьев с легкостью и вовсе отказался бы от денег. Или ограничился той их малой частью, которая необходима была для *выживания*.

А ведь еще необходимо было и работать. Ему необходимо было хоть как-то подкреплять свой организм, чтобы ни в коем случае не было каких-то позывов голода, а все мысли должны были рождать только "бессмертные идеи", по возможности тут же запечатлеваемые на бумаге.

Листки плотно ложились друг к другу, обвязывались веревкой, и становились (вернее - ложились) в ряды уже написанных томов.

Когда-нибудь работа будет закончена. Труд - написан. И тогда можно будет все эти плотно связанные листы превратить в книги.

Но так далеко Сергей Сергеевич никогда не заглядывал. Сейчас, потом, когда-нибудь... Неважно, когда это произойдет. Книги были ему не так важны. Главное было то, что он должен успеть переложить мысли из собственного сознания (а то и - подсознания),-- на бумагу. А то что будет потом, - это будет вполне закономерный процесс. И сейчас об этом можно не думать.

И как было кому-то объяснить, что истинные ценности должны быть совсем другими? Совсем не обязательно было гнаться за какими-то модными вещами, тем, что было "у всех". На первом месте для Артемьева всегда был его внутренний мир.

Та *духовность*, которая *питала* этот внутренний мир.

А все остальное было временное. Непостоянное. Это было совсем не то, к чему нужно

было стремиться. Ведь совсем не нужно было это. Ведь намного важнее было - насколько чиста ваша душа. Насколько важны для вас - какие-то идеалы. Именно это было *вечно*. А все остальное... Все остальное переменчиво; *преходяще*. Вот ведь в чем дело-то. И только по началу в Артемьеве боролись два начала. Два "Я", каждое из которых, бывало, оттягивало на себя покров его души. Но и когда происходило это, когда обнажалась эта душа, то тотчас же и мысли, и разум, и сознание завладевала только одна незыблемая истина: важность морально-нравственной гармонии души. И тогда совсем отступали какие-то материальные ценности (которые, бывало, собирались заявить о себе). И в который раз убеждался Артемьев - что он "на правильном пути". А духовная гармония - намного важнее всех богатств мира.

И необязательно, совсем необязательно было думать об отсутствии денег. Это было даже ошибочно так думать. Потому как думать о деньгах - это путь в никуда. И намного важнее, намного важнее для Артемьева были те душевные муки и страдания, которые испытывал он. Потому как это (и в какой-то мере это было именно так),-- было неким чудодейственным залогом духовного роста, и нравственного очищения. А сами деньги - нисколько не способны были привести к гармонии. Они совсем ни к чему не способны были привести. Кроме как - к новым страданиям. Смерти. Мукам. Нравственным мукам совести. (Которая, впрочем, и некоторых людей и отсутствует вовсе. И они не жалеют об этом).

Но Артемьев был совсем другим. Таких людей каким был он, быть может, и не осталось совсем. Или их осталось совсем немного. Потому что вступали

такие люди в невольное *противоречие* с действительностью. И умирали они; проигрывая этой самой действительности.

Но совсем еще было неизвестно - кто же выигрывал в итоге. Потому как - душа-то,-- это то, что было вечно. А деньги... Деньги совсем не интересовали Артемьева. И быть может поэтому - легко ему доставались. Но и поэтому-то - он тотчас же спешил от них избавиться. Или помогал кому-то. Или покупая все тех же книг. Которых, (заметим), было у него невероятное количество. (Библиотека Артемьева насчитывала около 5 тыс. изданий).

Глава 3

Артемьев гордился своим внутренним миром. Начало задавал, конечно же, мозг Сергея Сергеевича. Состоял он из достаточно сложных механизмов, которые при некоем абстрактном взгляде - могли походить на некое подобие лабиринта; где порой совсем неожиданные решения принимались с выверенностью сложнейших математических формул; а иногда все запутывалось настолько, что походило на настоящие интеллектуальные ребусы; какая-либо "разгадка" в которых, вроде как, совсем даже и не намечалась. И это при том, что сам для себя Артемьев казался совсем простым человеком. Но вместо того чтобы действительно быть таким - он словно бессознательно запутывал сам себя. И должно было пройти совсем незначительное время, чтобы и он сам уже не верил в то, что мир может быть как-то устроен достаточно просто. Наоборот. Мир (в представлении Сергея Сергеевича Артемьева) представлял невероятно сложный и запутанный механизм, саму

тайну которого постичь совсем даже никому и не возможно. Быть может даже и самому Творцу (до сих пор был открытым вопрос - верил ли в него Артемьев? А если не верил - то почему постоянно ссылался на него).

Можно уже было и не говорить, что у Сергея Сергеевича Артемьева почти на все происходящее в этом мире - было какое-то свое обоснование. Что-то он действительно знал. О чем-то - догадывался. Что-то - не знал вовсе. Но это почти уже и не имело никакого значения. Потому как даже о том, что Артемьев по каким-то причинам не знал, он говорил с уверенностью, которой мог бы позавидовать любой толкователь сновидений древности. И в такие минуты Артемьев на самом деле походил на настоящего мага и чародея. И ничто не могло его сбить с толку. Ничто не способно было помешать ему изъяснять свои мысли. И иногда так действительно происходило, что о самом предмете Артемьев имел достаточно смутное представление. Но ему верили. Ему невозможно было не верить. Он обладал такой невероятной энергетикой, что волей случая находящиеся рядом с ним люди подпитывались ей. И потому вполне могли простить любой обман, если бы он только когда открылся.

Но "открыться" он не мог. Потому что, во-первых, Артемьев действительно много знал. А во-вторых, он если и ошибался, то в таких незначительных деталях, в которые любой человек все равно бы никогда и не вдавался.

И "пересказывая" другому - переврал бы и сам.

И Артемьев совсем не врал. Он говорил правду. Только правду. И совсем неважно, что правда эта

иногда давала существенный крен в сторону. Ведь на самом деле все относительно. Смотря с какой стороны еще и смотреть...

Хотя Артемьев всегда предпочитал смотреть с той стороны, с которой - считал - смотреть было *правильным*.

И у него действительно была на все своя точка зрения. И действительно - отличная от других.

И нисколько Артемьев не переживал из-за этого.

И нисколько никогда не расстраивался.

Он наоборот: стремился подчинить других - своей воле.

И в какой-то мере это было действительно правильным.

Глава 4

Артемьев жалел, что не удалось ему должным образом впитать в себя всю мудрость родителей.

Ведь и отец, и мать - были уникальными людьми. Изначально не имея никаких предрасположенностей (а основное из таких "предрасположенностей" -- это общественно-имущественное положение родителей) к тому, чтобы вырваться из рядов типичных обывателей - его родителям (каждому по отдельности) пришлось пройти сложный путь. Вершина которого, - это возможность быть самим собой. Позволить себе жить той жизнью, которой хотела бы жить душа. Без какой-то меркантильной *подстраиваемости* под чье-то мнение. Под мнение людей,-- зачастую даже не имеющих какого-то морального

права *править* другими людьми. Ну, хотя бы,-- в силу собственной *ничтожности*.

И Артемьев всегда четко разделял людей на порядочных, и на подонков. Также как всегда делала подобное разделение его мать. И его отец.

И так же как родители презирали всех этих *людишек* (приспособленцев, стяжателей, и прочую мерзость), точно также к ним относился и Артемьев.

Родители Артемьева, правда, по-своему выражали (или - не выражали) протест и отчуждение к другим людям. В ином случае (и это уже было как неким большим подарком) в отношении кого-то другого - могло быть и невероятной силы уважение. В этом случае никто из них (а, говоря о ком-нибудь из них, можно было считать, что точно также поступил бы и другой) не скупился на похвалу. И если кто-либо из них считал, что другой человек это заслуживал - его возводили в самый величайший ранг доброжелательности; и такой человек неожиданно оказывался наделенный многими добродетелями.

Но и Артемьев не считал необходимым в чем-то сдерживать собственные эмоции. И если какой человек ему нравился - то в комплиментах у Сергея Сергеевича недостатка никогда не было.

Конечно, в Артемьеве было не все так просто. Все-таки частые перепады настроения были достаточно характерны для него. И недоволен чем-то он бывал намного чаще,-- чем радовался жизни. Но быть может он и действительно радовался жизни. Но эта "радость" носила уж слишком специфический оттенок. И пусть она не совсем вписывалась в

стереотипы *реакции на радость*, которые были приняты в обществе. Но ведь Артемьев всегда был безразличен к каким-либо стереотипам. Он совсем не собирался никогда походить на кого-то другого. Ему было достаточно самого себя. И можно было признаться, что Артемьев наслаждался одиночеством. Ну а почему бы и нет?! Он давно уже, например, вывел для себя - что его собственный внутренний мир (со всей этой развитой интуицией, интеллектуальным самосовершенствованием, и проч.),-- намного значительнее и богаче (*по нравственному насыщению*), чем он мог бы рассмотреть у кого-то еще. А если так,-- зачем же ему тогда отталкиваться от других (от *понимания* других),-- чтобы выкристаллизовать те понятия, которыми, без сомнений, он обладал? И тогда уже,-- ему достаточно было всмотреться в глубь себя,-- чтобы и увидеть, и понять многое из того, что наверняка никогда бы он не разглядел у других. И учиться он мог у себя же. Да и ведь, главное-то было не то, что быть может и было на самом деле. Главное всегда - это наша *интерпретация* этого главного. Только в зависимости от того, в какую сторону посмотреть, - зачастую от этого-то и зависела та или иная *идейная составляющая*. И совсем необязательно было, что в чем-то рассуждения Артемьева могли быть и не верны.

Да, быть может, и не самом деле - иной раз - он что-то упускал. Но ведь он почти всегда помнил о каких-то "спорных моментах" (а любые моменты легко могли показаться спорными хотя бы из-за того, что какого-то единого правила не существовало); и при случае - действительно возвращался к ним. Потому как, что-то ошибочно могло показаться

поначалу. Или наоборот,-- вначале это кажется что "верно", даже "очень верно". А потом,-- совсем и наоборот.

Вообще, Артемьеву иногда казалось, что если бы кто - когда - решил писать книгу уже о нем, - то в ней могло бы быть много мистики. Потому как - если что-то не укладывалось в устоявшиеся рамки - это легко относилось к неопознано-ирреальному. А значит и мистическому.

Но только вот мистики никогда в Сергее Сергеевиче Артемьеве не было. Он даже неким образом чурался, сторонился ее.

Быть может, действительно чувствовал, что-то в себе не совсем обычное?

А быть может наоборот. Он был настолько "открыт" для взоров других, что люди просто бессознательно боялись этой самой *открытости*. И оттого старались не замечать чего-то явного и *просматриваемого*. Обращая внимание и на вовсе загадочные явления. Которых, конечно же, не было. Но людям так хотелось - чтобы они были.

Артемьев, конечно же, пошел дальше, чем его родители. Ко всей его предрасположенности к архаике (или тому, что называлось консерватизм),-- в Артемьеве, тем не менее, явно просматривалось и какое-то очень мощное *начало*, поддавшись которому он, иной раз, оказывался намного впереди даже тех, кто уверенно (будто бы) "позиционировал" себя как представитель современных взглядов. Даже они, иной раз (если за этот вопрос брался Артемьев), смущались идеям, проповедуемым Сергеем Сергеевичем. И только одно было спасение им. Что для Артемьева это

нисколько было ни главным. И на самом деле ему намного было ближе прошлое, чем любое, даже самое распрекрасное, будущее.

И все это тоже было достаточно характерно для Артемьева. Да и происходило большей частью неосознанно. И никто не знал на самом деле - что было, что оставалось в сознании Артемьева? Ведь всегда заметно больший уклон он делал на то, что скрывалось за бессознательным. Именно это было важно для него. Именно там он черпал (поистине неисчерпаемую) энергию. И именно за счет этого - намеревался выживать (да и просто жить) в том мире, в той действительности, в которой жил он. И это было вполне нормально. А почему бы и нет?..

Глава 5

Могло ли показаться удивительным: что отчаяние способно настолько двигать человека, даже и не то, что заполняя его мысли (зачем *поэтизировать* реальность), но непременно направляя устремления такого человека? Это не могло бы показаться странным, если бы таким человеком оказался Артемьев. Именно с ним казались "детскими" еще недавно считавшиеся монолитными законы незыблемой истины; именно с ним - рушились вековые формулы бытия (а попросту законы человеческого существования); именно с ним, в сравнении с ним, многое теряло свою привычную силу, актуальность, и "оформленность".

И совсем с иных позиций теперь нужно было наблюдать мир. Но еще и некогда казавшиеся безупречными правила - теперь *пересматривались*.

И это ни у кого не вызывало удивления. Это было удивительно. Но совсем не вызывало удивления. Но насколько сам Артемьев касался всего этого? В первую очередь,-- осмысления сих данных деталей.

Нет. Он, конечно же, совсем не обращал на это никакого внимания. Для него намного важнее было замкнуться в каком-то своем внутреннем мире. (Совсем не надо путать понятия "мир" и "мирок". Первое включает в себя целое мироздание внутреннего храма души. А второе,-- лишь черный ход этого храма. Со всеми теми пороками, которые были заблаговременно отброшены цивилизацией). И вот как раз Артемьеву было близко погружение вглубь себя. Ближе изучение богатства собственной души. Архетипической составляющей всего этого филогенетического наследия, которое досталось подсознанию Сергея Сергеевича Артемьева, и было накоплено опытом предшествующих поколений. (Мы говорим сейчас о т. н. филогенетической памяти).

Артемьеву, иной раз, становилось очень грустно. Ему казалось, что совсем не справится он со всем этим великим наследием. Что не способен он удержать, сохранить все это невероятное богатство.

А потому почти до изнеможения он просиживал над рукописями. Стремясь - успеть - запечатлеть открывшиеся ему законы вселенной. И теперь у него совсем не возникала (а если просачивалась - то обороты не набирала) мысль о том, что никому это не будет нужно.

Нужно было бы обладать слишком мелочной душонкой, чтобы так думать. Совсем ничтожным надо быть человеком, чтобы измерять какое-то нравственное богатство души - столь мелочными (и в корне ошибочными!) "методиками".

Совсем не такой был Артемьев. Совсем не такой.

И ему грустно было, когда он встречал таких людей. И зачастую бежал от них Артемьев. А если предоставлялась возможность - высмеивал, презрительно высмеивал их.

А то и просто заносился кулак, чтобы хрястнуть кого-то по ненавистной рожице, с хитро бегающими глазками и кривенькой раболепской улыбочкой.

Но сдерживал себя Артемьев.

Уходил прочь он от таких людей.

Не мог он даже думать о них.

Болью в сердце отзывались воспоминания о них. Ведь встречались подобные людишки на пути Артемьева. И только боль и предательство приносили они. Их предательство рождало боль. А боль рождало состояние безысходности. От которой почти невозможно было избавиться Артемьеву. И он расплачивался за такие состояния - годами собственной жизни.

И пусть Сергей Сергеевич Артемьев был еще относительно молод.

На самом деле он уже был стар. Очень стар. И за старость, за наступление старости - расплатился он годами. Морщинами. И сединой.

Но и Артемьев был достаточно умным - чтобы о чем-то жалеть. Ведь давно уже для него был един принцип жизни: *лучше сгореть живя- чем тлеть доживая.*

Глава 6

А сколько он вообще мог удерживать это состояние отчужденности? И по отношению к чему

(быть может кому?) была эта отчужденность? Ведь часто так выходило, что Артемьев целыми днями оставался погруженным в свой внутренний мир. И что могло вызывать опасение (но, по-видимому, не вызывало),-- он и не хотел выходить из этого состояния. Да и ему намного привычнее было оставаться в этом своем мире. Вот разве что... Разве что было несколько моментов, из которых он начинал всерьез опасаться слишком длительного пребывания в таком своем состоянии.

Ну, во-первых, он всерьез стал подумывать о том, что когда-нибудь может и "не вернуться".

А во-вторых...

А во-вторых, перед ним все чаще стали проноситься тени прошлого. Но если раньше они только - как будто - появлялись перед ним, то теперь Артемьев как будто бы начинал жить другой жизнью. *Их* жизнью. И это все настолько происходило как бы *само собой*, что он совсем не успевал и испугаться.

Впрочем, чего ему было бояться?..

Разве что сумасшествия...

Часть 8

Глава 1

--Сынок, ты уже пришел?

Сергей медленно прикрыл входную дверь, удивляясь, что его слышали. Он всегда мог удивляться материнскому чутью. Казалось, она

совсем даже не видела его. А чувствовала, что он придет еще до того, когда он на самом деле приходил.

--Да, это я,-- постаравшись сказать погромче (чтобы мама услышала), но тем не менее не так громко чтобы помешать отцу (который наверняка правил какие-нибудь рукописи), Сергей Артемьев прошел в комнату (ту, в которой ему показалась, была мать).

Он не угадал.

Но из пяти комнат совсем и не мудрено было ошибиться.

Хотя так ли он ошибся?

У Сергея на миг промелькнула совсем дикая идея: в квартире никого кроме него нет.

Он стал ходить по комнатам, про себя решая, в какой комнате обнаружит мать, а в какой отца.

В квартире никого кроме него не было.

--Мама?--недоуменно воскликнул Артемьев. Его начинали страшить *такие* шутки.--Мама?!--чуть медленнее повторил он.

Никто не отзывался.

Артемьев нервно расстегнул ворот рубашки, на секунду задумавшись, стащил пиджак.

Теперь дышать было значительно легче.

Еще минуту назад ему был слышен перестук отцовской печатной машинки. Нет, нет, ведь Артемьев хорошо помнил, что отметил про себя (как бы бессознательно фиксируя: "на всякий случай") что отец дома. Он хотел еще справиться у отца по поводу одного достаточно сложного места в своей рукописи.

Почему же сейчас никого не было?

--Да! Но ведь он отчетливо слышал адресованный ему вопрос матери?! И даже ответил на него!

Артемьев нервными шагами стал ходить по квартире, открывая дверцы шкафов и заглядывая в углы, и даже под кровати.

Никого не было.

--Так может тогда нет и меня!--нервно закричал про себя Артемьев и со всего размаха ударил кулаком в стену.

Удар отозвался болью.

--...--выругался Артемьев. Начиналась какая-то мистика. Боль (подтверждающая реальность происходящего) была. Но никого в квартире не было. И ведь, по всей видимости, был он сам.

И только тут Артемьев стал обо всем догадываться.

Он просто сходил с ума. Пусть это было медленно. Какими-то внезапными атаками "бессознательное" пытается восторжествовать над разумом. Быть может оно считает, что для Артемьева уже давно ближе вымышленный и нереальный мир. Мир сновидений. Мир кошмаров разума. Но ведь никто не спрашивал самого Артемьева. А уж он так точно пока не считает. Почему же тогда все это происходит без его ведома?

Действительно, мистика какая-то... Артемьев внезапно готов был разрыдаться от отчаяния.

Какое-то чувство безысходности завладевало им.

Для него постепенно все становилось безразличным.

Но это было совсем обманчивое безразличие. Это было тягостное, опасное безразличие. Безразличие, совсем непохожее на само значение этого слова. Здесь даже больше было не безразличия (а может и совсем не было безразличия),--а какого-то жуткого отчаяния.

--Нет, нет, все наверное не совсем так,-- попробовал собраться с мыслями Артемьев.--Нужно остановиться, и проанализировать все. Все по порядку.

--Ты уже пришел?!-- объединив вопрос с приветствием, отец полу-задумчиво прошел мимо Сергея, неся в руках кипу каких-то листков.

Секундного замешательства Сергея хватило, чтобы уже в следующую секунду он бросился в комнату вслед за отцом, но... Но того там не было.

--Кого-нибудь ищешь?--усмехнулся... Артемьев резко обернулся (уже собравшись чуть ли не схватить говорившего - чтобы только удержать его), но... Но никого не было.

--Но ведь этого не может быть,--вопрос так и застыл в голове Артемьева; потому как обернувшись... обернувшись, он на самом деле увидел свою мать. Она как ни в чем ни бывало накрывала на стол.

--Скоро будет готово,--заметив его взгляд, произнесла мама.--Можешь пока начинать готовиться к ужину.

--Мыть руки?--все еще находясь в оцепенении переспросил Сергей.

--А я уже помыл,--радостно признался отец, выходя из ванной комнаты.

--Вы разве... "есть"?--задал больше вопрос "сам себе" Сергей Артемьев.

Родители почти одновременно посмотрели на него с некоторым недоумением.

--Много работы?--как бы между делом спросил отец, желая видимо заполнить возникшую паузу.

--Да, да, много работы,--почти повторил вслед за ним Сергей. Все происходившее виделось ему словно в тумане. Словно какая-то пелена, дымовая завеса стояла перед ним. Он совсем растерялся: как должен себя вести? Ему хотелось обнять родителей, но ведь он всегда боялся показать какие-то свои "чувства". Вся эта его скованность... Она и раньше, и всегда была ему присуща. Это, в какой-то мере, была его боль. Он просто боялся показать *настоящие* чувства "близким". Вся эта его вечная суровость...

Насколько она была оправданна?.. Да, конечно же, нет. Совсем не оправданна. Разве можно было говорить так? Ведь говорить так - значит причинять всю ту же боль. Только теперь памяти родителей.

Артемьеву трудно было себя изменить. Но в отличие от большинства типичных людей - он все равно менялся. Какие-либо *изменения* были заложены в его судьбе. А психика Артемьева - подчинялась тому, что было предначертано судьбой.

А ведь что стоило... Тогда бы... Тогда, когда еще все были живы. Когда еще можно было все изменить. Что стоило тогда - хотя бы один раз - повести себя совсем иначе. Ведь запомнил, наверняка запомнил бы он (его мозг; его память; его бессознательное) этот "раз". И быть может уже именно с этого бы - и началось какое-либо изменение

его. То самое изменение, благодаря которому сейчас бы и не пришлось так расстраиваться. *Оправдываясь* перед собой. Ведь насколько это было бы важно для него сейчас. Проще. Легче было бы ему сейчас.

И ему совсем не пришлось бы - так-то уж что-то пытаться изменить. *Перестроить* в себе.

Но вся эта жизнь - неволью находилась под влиянием (под "властью", можно сказать) *перестройки*. Потому как совсем невозможно было оставаться таким, каким был он. Это было всего лишь малая толика того, на что он был по настоящему способен.

И он пытался вырваться из того, что обволакивало его; что сковывало рамками табу; запретов, и ограничений. Они душили его. Они не давали стать ему таким, - каким он был на самом деле. Потому что еще сохранились в его душе те (пусть и слабые, пусть и незначительные) силы, которые могли привести к началу (хотя бы к началу) тех изменений, благодаря которым, он, по сути, и стремился.

Что же сдерживало Артемьева быть таким, каким он хотел себя видеть (а в душе, или скажем, во сне, и видел)? Что? Был какой-то "стопор", который не позволял ему быть самим собой. Быть раскованным, независимым, не боящимся чьих-то взглядов, суждений, каких-либо отрицательных мнений о себе.

Хотя, трудно было сказать, каким же он был на самом деле.

Да и какая-то скованность его - была лишь в самом начале возникновения какой-либо ситуации. И если *притирали* его "к стенке", --то изменялся

Артемьев. Уже никто бы и не узнал его - "прежнего". Потому как - и кричал, и ругался он. Потому как гневом заволакивалось его лицо. И уже несколько не сдерживал он себя.

Но так случалось чаще всего тогда, когда чувствовал Артемьев какую-то несправедливость. И *несправедливость*,--это было то единственное, что он не терпел никогда. И если только чувствовал он, что кто-то готов унижить кого-то, показать свое превосходство - безжалостно расправлялся Артемьев с подобными негодьями (надо учиться называть зло -своими именами. То, что делали такие люди - было подлостью. А сами они - негодьями). И никто не мог остановить Артемьева в такие минуты. Совсем не желал он сдерживаться. Совсем не видел он причин, чтобы пасовать (и, тем более, преклоняться) перед хамством и заносчивостью других. Он бы презирал сам себя - если бы прошел мимо, не заступившись за беззащитных; за тех, кто принимал злобу (злость и ярость) обидчиков, и у кого только беспомощно текли слезы. От своего бессилия.

Артемьев никогда бы не допустил, чтобы так кто-то вел себя с кем-то в его присутствии.

И он "учил" злодеев. Он готов был наброситься, растерзать негодяев. Но эти ничтожные людишки, только предчувствуя, какую реакцию они могут вызвать в Артемьеве - тут же пасовали. И старались исчезнуть незаметно. Потому как понимали, что у них совсем не хватит душевных сил, чтобы справиться с Сергеем Сергеевичем Артемьевым.

А потому и "проходимцы" боялись его.

Глава 2

Артемьев как будто отчетливо видел своих родителей. И отец, и мать находились в квартире. Каждый из них занимался "своими делами". Мама - перебирала листы бумаги (как исписанные, так и еще совсем белоснежные), раскрытые тетради, вероятно, готовясь что-то писать. Отец (за минуту до того закончивший работу над рукописью), теперь разложив перед собой кипу газет - решал, с какой начать "просмотр" прессы.

Артемьев было рванулся к ним (он о многом хотел им сказать!), -- но словно какая-то невидимая сила сковала его.

Но он не привык ни перед чем останавливаться! Но... каждый раз по новой он повторял свои попытки; и каждый раз был один и тот же результат.

И вдруг ужасная боль пронзила его голову. Вскипали мозги, выскакивало от напряжения сердце. И Артемьев стал словно раскалываться на две половины. Одна из них все еще продолжала свое неосуществимое движение к родителям. Другая - оттягивала его назад. Внезапно он стал не только раздваиваться, а словно рассыпаться на части. В разные стороны от его (вмиг потяжелевшего) сознания откалывались осколки.

Вокруг слышался смех, угрозы, даже слышался чей-то плач.

Совсем невозможно было различить какой-то один голос. Тем более - кому он принадлежал. Но создавалось ощущение, как будто Артемьев оказался внутри огромной толпы, каждый из которой - выражал свои чувства на какой-то отдельный лад.

Но даже смешаться от подобного у Артемьева не было сил. У него не было возможности реагировать

на кого-то одного, потому что этим бы он, наверняка, обидел бы остальных.

Артемьев сначала вращался на месте (всматриваясь в обволакивающую его темноту, в которой слышались голоса похожие на вспышки искрящихся петард), но вскоре он уже метался в разные стороны. И он тоже стал, и плакать, и смеяться, и как-то по-особому завывать; и даже звать кого-то на помощь.

Вряд ли кто-то слышал его.

А быть может, слышали его все. Потому как, заметив, что он выражает *таким образом* свои чувства, все эти представители многоликой толпы - как будто разом решили высказать свою "благодарность". И "благодарность" в их представлении могла проявиться с их стороны хотя бы в том (точнее - в первую очередь в том), что они должны были наброситься на него.

Но не для того - чтобы сделать "что-то плохое" ему. А чтобы обнять его. Запечатлеть в своих объятиях. Но если бы сделало это такое большое количество народа - то означало бы - что разорвут они Артемьева. Растащат его на части. Хотя разве представлял он что-то целое? Так, быть может, и было когда-то. Но с недавних пор - совсем так не было.

И мысли Артемьева подчинялись какому-то суматошному бегу. И он судорожно пытался уцепиться хоть за что-нибудь. И это совсем невозможно было сделать ему. Потому что думал Артемьев на самом деле совсем о другом. Он даже не пытался как-то завуалировать ход движений собственных мыслей. Облечь их в какую-то (нужную, опять же, кому-то - но только не ему) форму. Но ведь это совсем не представлялось возможным сделать

ему. И мгновение думав об одном - в другую секунду - Артемьев совсем начинал (только лишь начинал) размышлять о другом - а в следующее мгновение - у него начинались совсем уж другие мысли. И это было совсем независимо от какого-то его желания. Да и разве какое-то желание спрашивается в таких случаях? Он был готов биться головой о стену; готов был вырвать этот мозг, который кипел распалившимся воображением; и совсем невозможно было сказать, что это было - вымысел или реальность. Потому как, казалось, не было совсем ничего. Как не было, наверное, и самого Артемьева.

И ничто не способно было спасти его. Он и не должен был рассчитывать на какое-то *спасение* (вот мысль, которая отчетливо слышалась сейчас),-- потому как - то, что происходило с ним - было мучительнейшей карой - за все, когда-то совершенное им.

А то, что рядом (ведь они должны были находиться где-то рядом - но почему он не видит их?) были его родители - словно подтверждало справедливость наказания.

--А ведь он действительно сходит с ума,-- обеспокоено переглянулись родители.

И тотчас же подобный их жест (а с ним и недоумение) заметил Артемьев.

Но почти в то же мгновение - он оказался отброшен на пол.

И словно молот стал опускаться на голову его. И ни о чем Артемьев уже не мог думать - как только страдать - от боли этой.

И даже не совсем страдание было это. А это было самое настоящее мучение, которое когда-либо только мог испытывать человек.

И ничто, совсем не способно было спасти и прекратить эту боль. Потому как не было совсем от этого спасения. Да и разве какое-то спасение могло быть?

Нет. Совсем нет. Или да?

Какие-то добрые и вкрадчивые голоса стали раздаваться в поддержку его. Они заботились о нем. Их поддержку чувствовал Артемьев.

Но он совсем не верил им.

Да он и никому, совсем никому сейчас не верил.

Потому что терял он способность как-то оценивать реальность. А, тем более, он ни за что и не взялся бы в том его нынешнем состоянии - как-то оценивать реальность.

Реальность ускользала от него. И даже теперь ни будущее, ни прошлое - не манили его.

Они смеялись над ним.

И били жестоко его под дых.

И крупные слезы отчаяния скатывались по щекам его. Он совсем не замечал и не стыдился своего часа. И даже не обращал на это сейчас никакого внимания. Он просто плакал. Уже замолкли голоса. Уже стихло недавнее напряжение. Уже никто и не смеялся, и не плакал. И даже никто не подшучивал над ним. Все как будто разом смолкло и прекратилось. Но не было ощущения какого-то покоя; тишины; успокоения.

И совсем не казалось, что все закончилось.

Быть может наоборот - все только начиналось...

Глава 3

Совсем не готов был Артемьев к такому. Хотя ему давно уже следовало ожидать. Все к этому шло.

--Как будто и правда все к этому шло...--
Артемьев мучительно пытался связать какие-то детали недавних событий - с тем, что происходило с ним в те несколько дней, этому предшествующую. И как будто действительно начинала просматриваться цепочка каких-то событий, интерпретацию которых явно можно было бы отнести к тому, что случилось позже.

Но ведь он вполне мог и ошибаться?

Часто ли он ошибался в последние дни?.. А случалось ли когда такое - что он не ошибался всегда? Но неужели он ошибался всегда? Ведь совсем не могло так быть - чтобы он ошибался всегда?

Наверное, важно было выяснить для себя - не собственно произошедшие ошибки; а его отношения к этому.

И как бы получалось, что именно после смерти родителей он стал к себе необычно требовательным. То, что раньше еще можно было списать на что-то (о чем можно было тут же забыть), теперь как-то представало в несколько ином свете. Казалось, что даже значение этого - вырисовывалось совсем даже иное. Не такое, как было раньше. Не такое, наверное, не такое,-- как могло быть раньше.

Артемьев понимал, что он легко (в том состоянии, в котором находился теперь) мог загнать самого себя в угол. Ведь он и на самом деле какую-то

реальность видел несколько в ином свете, чем, то было (или могло быть) на самом деле.

Но он даже и не пытался взглянуть на действительность - с каких-то других позиции. Ему давно уже приходилось видеть все в ином свете. Но что, по сути, была для него эта реальность? Как вроде бы и не видел он ее. Почти совсем не замечал. Нет, нет, он по-прежнему в ней находился. И совсем не походил на каких-то чудиков "рассеянных, с улицы Бассейной". Почти совсем даже нет. Хотя иногда он бывал именно таким. Но потом, каким-то образом все же удавалось ему взглянуть на себя со стороны, смущенная улыбка появлялась у него, и словно автоматом сделав, поставив, сказав еще пару-тройку неловких движений, сценок, каких-то слов (показавшихся неуместными уже самому),-- Артемьев спешил поскорее уйти с этого места; чтобы в другом - повторилось тоже самое.

Но иногда он бывал поразительно холоден и расчетлив. И тогда, верно, каждый, кто знал его - терялся: как интерпретировать сие поведение их еще недавно "забитого" друга?

И вот тут уже на удивление - вступали в противоречие два мощнейших "начала" Артемьева. По одному,-- он действительно главным образом был погружен вглубь себя. И если могли быть в таких ситуациях какие контакты с внешним миром, то они носили большей частью какой-то *вынужденный* характер. Словно это совсем было для самого Артемьева и не нужно. И он просто вынужден был подчиняться каким-то внешним факторам. Которые были и не важны для него вовсе. Но как бы *обязательны*.

А вот с другой стороны,-- уже именно Артемьев был "хозяином" ситуации. Именно его - искали "расположения". Именно к нему - обращали взоры.

И вот эти два человека долгое время противоборствовали в Сергее Сергеевиче Артемьеве. То один то другой одерживал победу. И то один то другой - проигрывал. И уже казалось, что победителей и не может быть выявлено. Что это будет какое-то вечное (и бессмысленное) противостояние. Но потом как-то неожиданно все урегулировалось само собой. А вскоре и совсем забыли о каком-то недавнем противостоянии. И ни у кого уже и мысли не могло возникнуть - что могло бы быть как-то и иначе. Ну а у самого Артемьева может быть только в детстве, юности, да относительной молодости возникали какие-то вопросы по поводу того - каким ему следовало быть. А уже в зрелом возрасте он разобрался с этим. И не только разобрался, но и уже даже и совсем не думал об этом. Потому как большей частью был он занят совсем даже другим. И вот выполнение взятых на себя обязательств - было той единственной целью, к которой неотступно следовал он.

Ну а как еще иначе?

Хотя считать только так, значит совсем не знать Артемьева. Потому что думал он на самом деле обо всем. И стремился, конечно же, разобраться в себе. И пусть бессознательно он решил уже все главные трудности (которые вызывали тревогу еще недавно); но все равно - достаточно трудно ему было быть уж абсолютно независимым. И это было именно так.

Глава 4

--У меня никогда не возникало не единого момента усомниться, что ты что-то делаешь неправильно,--ответила Любовь Павловна.

Вот уже почти час Артемьев разговаривал со своими родителями. Большею частью с мамой. Отец пока молчал; он не вступал в диалог; он знал, что в любую минуту может это сделать. А пока лишь как-то изучающее всматривался в сына. Казалось, он видел его с несколько иных позиций. Совсем не таким, каким представлял доселе. Точнее таким, каким он хотел его видеть. И он испытывал какое-то внутреннее наслаждение от того, что его сын наконец-то стал таким, каким он всегда хотел его видеть. А значит, он был прав. Вся эта скованность и стеснительность - это было лишь что-то внешнее, напускное. Быть может то, что помогало его сыну стать на путь становления к тому "идеалу" (хотя и нельзя сказать, что он уже достиг этого "идеала"), к которому и стремился тот; также как хотел видеть отец - чтобы сын его стал таким.

Теперь он видел, что за время их долгого (с матерью) отсутствия - сын приобрел те черты, развития которых - Сергей Леонидович и добивался в сыне.

Но Артемьев-старший не спешил вступить в разговор. Хотя он уже и не присматривался к сыну. Он наслаждался сыном. Наслаждался таким, - каким тот стал.

--Ты знаешь, я всегда испытывал какое-то трепетное уважение и к тебе. И к отцу,--признался Сергей Артемьев матери, поймав удовлетворенную улыбку отца. - Я совсем не могу еще сейчас говорить:

почему раньше не позволял себе таких признаний. Но я очень долго думал с тех пор, когда вас не стало, - в чем же причина моего напускного равнодушия? Равнодушия, и даже какой-то отчужденности в отношении вас?

--Не вини себя ни в чем, сынок,--попросила Любовь Павловна.--Это мы виноваты в том, что ты был таким.

--Нет, нет, вы ни в чем не виноваты,-- пытался вскричать Артемьев.

--Мать говорит верно,--вздыхнул отец.--Нам следовало самим задуматься почему так происходит. Да мы, признаться, и много раздумывали над этим. Я знаю, что твоя мама часто думала над этим.

--И отец,--поддержала его Любовь Павловна.

--Это моя, это только моя вина,--слезы застыли в глазах Артемьева.

--Нет, нет, сынок. Ни в чем не кори себя,--ласково проговорила мать.

--Ну давайте сейчас говорить не об этом,--решил изменить общее "настроение" беседы отец.--Мы с матерью следим за твоими успехами.

--Да какие там успехи,--по привычке было начал Артемьев, но потом почувствовал, что сказать так -- значит поставить под сомнение не только какие-то свои достижения", но и оценку родителей. И если раньше он считал что только он знает как нужно "жить",--то теперь он смутился. Неужели получается, что он совсем и не изменился?

--Мы следим за твоими успехами,--словно не замечая сомнений сына, повторил Сергей Леонидович.

--И у меня и у отца было и желание, и предчувствие того, что ты достигнешь всего, что наметил. И как всегда сам,--сказала Любовь Павловна.

--Без вашей помощи мне было бы это сделать невозможно,--потупив взор (он все еще испытывал смущение от каких-то благодарностей родителям) признался Сергей Артемьев.

--Ты достиг всего сам,--почти в один голос ответили родители.

--И если была наша какая-то поддержка - то только вначале,--добавил отец.

--Хотя и тогда мы, наверное, больше мешали,--заметила Любовь Павловна.-- По крайней мере, ты действительно всего добился самостоятельно.

--Ну, в чем-то мы конечно и помогли,-- чуть улыбаясь, посмотрел на жену Сергей Леонидович.-- Сколько мне пришлось побегать, договариваясь, чтобы не возникло никаких затруднений у твоего любимого сыночка.

--Но сейчас я понимаю - это того стоило!--добавил отец.--И я всегда верил в это.

--Мы всегда верили в тебя,-- сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, произнесла Любовь Павловна.

--Ну мама,--обнял ее за плечи Артемьев.--Зачем же теперь плакать?!--одобряюще улыбнулся он.--Ведь теперь все позади. Мы снова вместе.

И отец и мать как-то грустно посмотрели на него.

--Ну мы разве не вместе?--пытался улыбнуться Сергей, но слезы уже бежали из его глаз.

...И не видел он уже своих родителей...

...И исчезли куда-то они...

...А он рыдал, обняв могильные кресты...

Глава 5

Артемьев часто разговаривал сам с собой. Он несколько не боялся этих "бесед". Это не были разговоры вслух. Но были они о самом сокровенном. О том, о чем ни с кем он не мог поделиться.

Иной раз он, правда, "договаривался" черт знает до чего. И тогда он сам осекал себя. И начинал все сначала.

Это не было для него какой-то "новостью". Подобные "беседы" он вел и раньше. Можно сказать - всю его жизнь пронзали эти разговоры о самом себе. Артемьев верил, что у него свой, *особый* путь. Ему не обязательно было под кого-то *подстраиваться*. Ему даже не обязательно было в чем-то сомневаться. Сомнений вообще быть не должно. В детстве, еще в раннем детстве Артемьев положил начало подобным беседам. Ведь по сути - человек обязательно должен найти какую-то истину внутри себя. В глубине души. Истина - это то, что просто не могло находиться на поверхности. Истина, это то - к чему нужно было прийти путем многочисленных размышлений. Только распутав цепочку (словно специально старавшуюся постоянно связаться в какой-то клубок из тайн, сомнений, противоречий) ребусов души - человек может выбраться из лабиринта, в котором бродит и его сознание, и его подсознание; и где заключено то, что в итоге и способно сделать человека таким, каким ему и предназначено быть природой.

Артемьев знал об этом. Так же как и знал, что ему на самом деле никто не способен помочь кроме него самого. Жить по какой-то *подсказке* - означало жить чужой жизнью. И просто не успеть уловить в этой жизни тех *особенностей*,-- которые и никому не могут достаться, кроме как только этому человеку. Важно быть *готовым* к разрешению извечных тайн человечества. Богатства,--скрывающегося в глубинах души самого индивида. И если человек готов к этому (готов к преодолению всех трудностей, которые возникнут на пути его),--то это уже было то, что способно будет вывести этого человека к свету; к истине.

В ином случае,--вечно ему предстоит жить в потемках собственной души.

.....
...

Чем больше Артемьеву становилось лет - тем меньше оставалось в его душе каких-то сомнений, тревог, беспокойства.

Можно даже сказать, что он наконец-то стал наслаждаться той внутренней гармонией, к которой всегда стремился.

Это теперь было его настоящее богатство. Это было то, что принадлежало ему по праву.

Это было то, к чему он так долго шел. Чего добивался. Чем наслаждаться - должен был по праву.

Это было и то,--что никто не вправе был у него забрать. Потому что он слишком долго к этому стремился, чтобы даже думать о каких-то поползновениях к его собственности.

Насколько Артемьев понимал, все те недавние *видения*, которые в последнее время стали появляться с регулярной настойчивостью - являются причиной для того, чтобы быть настоящей тревогой? Ведь вполне можно было допустить, что они и не были так-то уж опасными. Ну, для него, по крайней мере.

Вообще, от ощущения какой-то *опасности* он вполне сознательно всегда старался отдалиться. Это казалось "сложным" для его понимания. Хотя и, должно быть, все было относительно. Например, повторения подобного (и слишком частого повторения) можно было опасаться лишь в одном случае: если бы все это начинало свидетельствовать о том, что Артемьев все больше утрачивает контроль над собственной психикой. С другой стороны,--даже простые истины иной раз необходимы только потому, что позволяют сделать весьма простой анализ какой-то нашей действительности. Иными словами,--они как бы уводят нас от излишне строгого восприятия жизни. Позволяют на действительно простые вещи -- взглянуть проще. И Артемьев знал, что это ему действительно необходимо. Так же как и необходимо большинству из тех, кто пытался уж слишком серьезно оценивать все происходящие в жизни ситуации. Из чего может, например следовать, что мозг испытывает уж совсем чрезмерное напряжение. И в нем могут включаться механизмы торможения, которые конечно, выполняют защитную функцию. Так как не дают, просто-напросто, сойти с ума.

.....
.....

Артемьев часто с особой мучительностью всматривался в собственное будущее. Он давно уже чувствовал, что для него намного важнее, проще, и приятнее "смотреть" в прошлое. Именно в прошлом, а не в будущем находил он ту энергию, которая и питала его, и позволяла... заглядывать в будущее.

Хотя к каким-то предсказаниям Сергей Сергеевич даже не то что относился весьма скептически, но он и вовсе этого - и не любил, и боялся делать.

Он совсем не знал, сколько ему удастся прожить. Он никогда не цеплялся за жизнь. Но и он не мог позволить прекратить ее (прекратить свое существование),--потому... потому что не доделал труд, который начал давно, и который каким-то невообразимым образом все разрастался и разрастался.

И разве мог он позволить своим мыслям (при таком вот "раскладе") насмеяться над его душой? А тем более, разве мог он позволить сойти с ума раньше - чем что-либо успеет довершить? Тем более, что когда удастся ему закончить, тогда быть может и совсем отпадет вопрос какого-либо *завершения бытия*.

Часть 9

Глава 1

"Мне было мучительно себе признаваться, что на самом деле виновником многого из того, о чем мне было стыдно в последующем вспоминать - был именно я. Признание в сем нелицеприятном для меня факте еще совсем не означало каких-то соглашательских позиций, касаемых оценок всей жизни. Вернее можно было сказать, что признание одного - двух каких-либо фактов - еще совсем не означало, что я признавал все в целом. Быть может даже, это было и не так.

Но, конечно же, самое главное заключалось не в этом.

Сколько бы не тешил себя надеждой, что мне удалось избавиться от всей этой психопатологической симптоматики, -- на самом деле это было не так. Я и мучился, и страдал почти точно также. Но только когда я мог употребить слово "почти", -- это означало, что мне удавалось как-то заглушить внутренние терзания, и избавиться от боли раздиравшей меня. Но это были только временные мои достижения. Потому как проходило какое-то время - и все возвращалось вновь. А то и было еще намного печальнее (по "преходящим последствиям"), чем это могло показаться еще недавно.

И пусть я об этом никому не говорил, но на самом деле знал я - что мне ни за что не удастся окончательно избавиться от проклятия, нависшего надо мной. И ничто не могло привести к спасению. А о полном исцелении совсем не могло быть и речи.

И что же было тогда?

А ничего. Ничего не было. Почему я не мог продолжать жить так и дальше? Почему я решил, что мне удастся от чего-то избавиться? Почему я должен

был изводить себя доходящими до парадокса суждениями (и, главное, надеждами) что от чего-то мне действительно удастся избавиться? Совсем даже нет. Я должен был принимать мою внутреннюю боль - как нечто не только *должное*, но и сопутствующее моей жизни. И именно в этом заключалась вся трагедия того, что со мной происходило. Ибо на смену всему этому суматошно-сумасшедшему бегу, все время приходило какое-то философское (быть может, излишне философское) понимание самого себя. И ничто не было способно предотвратить наступление уж и совсем неизбежного.

А значит, требовалось мне страдать. Да еще и находить в этом страдании какую-то радость.

Конечно, было в этом что-то зловещее. И страдать и видеть радость, конечно же, не хотелось. Но вероятно это было одним из условий того, что скромно называлось дальнейшим продолжением жизни.

Глава 2

Да я и не роптал. Для меня совсем были неприемлемы все эти плачи и проч.

Но я много раз говорил себе: если бы только мой мозг не испытывал всего этого давления, разрывающего сознание, обволакивающего разум, убивающего зарождающуюся мысль (так, что мысль - рождается все равно, но ей приходится преодолевать дополнительные трудности, расплачиваясь этим мучительной болью в самом мозгу); если бы только была снята та пелена, которая мешает мне - сколько бы я достиг тогда!

Почти ежесекундно во мне происходит мучительнейшая, страшнейшая борьба сознания с подсознанием; периодически то одно, то другое одерживает вверх. И никто не знает,-- каких трудов мне стоит удерживать свой разум хоть в каком-то в равновесии!? Мозг болит!

Кто из людей, находящихся не в реанимационной палате, а живущих, контактирующих с другими людьми испытывал когда эту коварнейшую боль?! Не нужно никому испытывать ее!..

Я чувствую, как огромный потенциал, скрывающийся внутри меня - пробивает себе дорогу; ему нужен выход; он находит его; но все сопряжено через это чертово раскалывание черепной коробки, мозга, клетки которого словно горят, потрескивая, на угольях начинавшегося безумия...

Совсем неизвестно, сколько я могу еще сопротивляться, преодолевая боль; уже и само слово: "боль", готово потерять значение свое от слишком частого употребления; но как еще, кроме как не *болью*, то, что *сопряжено с болью*, то, что *вызывает боль*,-- не назвать эту борьбу разума за существование?!

Не будет в этой борьбе двух победителей. Один все равно проиграет. А другой,-- после короткой победы (во время которой он сможет продолжать творить),-- все равно сойдет с ума. А может, не сойдет. Не успеет. Потому что просто упадет замертво. Его мозг испепелится совсем, и не будет уже того, что можно было использовать для сопротивления.

Кому я мог поведать о том? У меня не было времени кому-то "плакаться" об этом. Мне не хватало времени жить. Я цеплялся за каждое мгновение этой жизни. И я знал, что совсем не долгая будет эта жизнь.

.....
.....

Когда были живы родители, я только самым наименее сознательным образом мог брать с них пример. Мое сознание восставало, чтобы признать это. И это была одна из самых страшных моих ошибок. Потому что уже всей своей жизнью,-- родители заслужили то, чтобы с них брали пример.

Но ведь и не значит - что я отрицал их. Просто случилось так, что в одной точке - сосредоточилось три лидера, с мощнейшей энергетикой у каждого. Но только, и мама, и отец были намного мудрее, чтобы как-то протестовать против меня. Они наоборот - как-то быстро признали (как гроссмейстер оценивает проигрышную партию, когда еще на месте почти все фигуры, но уже видно, что через энное количество шагов - все равно будет мат) мой неистощимый потенциал, и мое невероятное (по их словам) будущее. И они говорили мне, что мне дано намного больше, чем им.

Но ведь я чувствовал именно их невероятную силу в сравнении с собой!?

И я знал,-- что "ребенок", и таким же ребенком останусь в сравнении с ними; и потому как-то бессознательно восставал против (казавшейся мне) экспансии их. Вот в чем дело то. Мне бы тогда

признать,-- что действительно, нет у меня еще сил противостоять им. И смириться, почерпывая их мудрость.

А вместо этого я изыскивал всяческие способы, чтобы показать именно свою *значимость* (зачастую - за счет *незначительности* других); и большей глупости, совершенной когда-либо - у меня и не сохранилось в памяти.

Ничто, ничто не способно было поколебать моей уверенности в собственной гениальности. Я готов был "идти по трупам", пока в какой-то один момент не понял, что это путь если не в безысходность,-- то это страшный путь. Это путь предательства, обмана, раболепия, пресмыкательства перед (казавшимися такими для меня на тот момент) "сильными мира сего". Это путь заискивания перед ними.

И как только осознал я это, как только по настоящему прозрел - тотчас же набросился я на еще недавних кумиров своих.

Я теперь трезво, предельно трезво анализировал дела их. И видел,-- что когда-то окружавшие меня люди - и не люди вовсе; а лишь жалкие людишки!

И только родители были теперь для меня тем идеалом, теми благами - на которые мог я молиться. Я восстанавливал по крупицам в памяти своей все, что помнил о родителях, все, что когда-то было произносимо ими, совершенно, все поступки их. Я вспоминал то, что когда-то говорили о них. Я вызывал сцены из прошлого, я заново прокручивал их в памяти, я максимально включал свой мозг, чтобы

увидеть, почувствовать, понять то, что когда-то было упущено мной.

Но упущено не безвозвратно. Потому как мне действительно удавалось вспоминать. Это были мои маленькие победы. И я радовался этим своим маленьким победам. Победам, каждая из которых - способна была привести... к дальнейшему продолжению жизни моей...

Глава 3

Если когда-нибудь у Артемьева появится биограф, то он наверняка будет задаваться вопросом: чувствовал ли Артемьев свою гениальность?

Чтобы помочь ответить на этот вопрос,-- постараемся заверить этого человека,-- что "да". Артемьев чувствовал собственную гениальность. И по сути своей,-- он никогда особо и не скрывал это. Лишь быть может, было ему как-то неловко говорить о том вслух. Но в душе он считал именно так. Слишком страшную он платил сцену за свою гениальность, чтобы хотя бы не согласиться в этом с самим собой.

Вся эта боль, отчаяние, уже почти непрекращающаяся (в душе его) тревога - это было следствие, это все была "плата" за эту гениальность. И почему же он должен был (хотя бы в израненной душе своей) не отдавать себе отчет: за что ему приходилось страдать?!

А вот в отношении других людей к нему... Здесь, наверное, уместней сказать, что у Артемьева были все основания подозревать: столько же, сколько находилось истинных и добрых ценителей творчества

его (а для этого необходимо было, как минимум, обладать весьма развитым интеллектом),-- наверняка, столько же было и противников.

Но как-то не было никогда особых ни сил ни желания у Артемьева думать о том. Он относился к этому как к факту. Который "был", но о котором совсем не обязательно говорить постоянно.

Нет, нет,-- об этом, конечно же, невольно задумывался он. Слишком ранимой была его душа, чтобы совсем не думать об этом. Но как-то выходило так, что Артемьев знал: это не должно отвлекать его; не должно ни замедлять, ни останавливать его суматошный бег по волнам жизни. Потому как несравненно (и намного - более) важным было то, чтобы он успел завершить начатое. А уже там - пусть ломаются копия и стрелы; но этого он уже не будет видеть. Потому что, как только завершит он свой бесконечный труд, - то тотчас же прекратит и свое земное существование. А вечность - на то и вечность, чтобы снисходительно относиться ко всем жизненным стремлениям, порокам, суждениям.

И Сергей Сергеевич Артемьев вполне оправданно не обращал внимания на происходящее "за его спиной". Он посчитал бы себя слишком мелочным, чтобы "огрызаться" на нападки других. (Хотя иногда, заметим, все же вынужден был делать это. Но когда уже окончательно "доставали").

Глава 4

Очень важный момент в своей жизни Артемьев понял, к сожалению, слишком поздно. Хотя и не

позднее того, чтобы в тайне порадоваться за подобное понимание.

А суть в том, что он неким таинственным образом нащупал ту нить собственного поведения, которая способна была научить его обходить подводные камни, появляющиеся в его жизни в виде всех тех тревожных симптомов, которые невероятно болезненно сказывались на его жизни.

Выходило так, что принцип, до которого "догадался" Артемьев, по сути, был невероятно прост. И, быть может, именно простотой этой он был обязан тому, что раньше ему не удавалось осознать: как же стоило "вести себя", чтобы жить жизнью миллионов сограждан: но без какой-либо глупости (свойственной этим миллионам); т. е. заключить в своей жизни некие два начала: первое, -- интеллект и сочувствие (что прямо таки располагало к развитию симптоматики психопатологии, ну или, на крайний случай, - развитию каких невротических расстройств), и второе... а второе было равнодушие, которое зачастую свойственно людям малообразованным, неграмотным, и что почти синонимично равнодушию и малообразованности - бессердечие.

Действительно, так выходит, что чем меньше человеку приходилось развивать свой мозг - тем дебилоподобнее он выглядит. Ведь если происходит какая-то совсем, скажем, незначительная интеллектуальная деятельность, - то в этом случае, рецепторы мозга до конца тоже и не включаются. Ну, то есть, работают на совсем пониженных оборотах. Человек у которого происходит подобное, как бы менее чувствителен в обычной жизни. Многого он не

замечает. Его мозг просто не в состоянии реагировать "на многое". Это как бы эффект его какого-то индивидуального "самосохранения". Да и сочувствие, зачастую, им особо не проявляется. Не проявляется им в его обычной жизни. А значит, получается, что там, где какой душевно ранимый "интеллектуал" (уж как-то так исторически выходит, что какая-то интеллектуальность, -- почти синоним ранимости; ну, по крайней мере, в России) не сможет "пройти мимо" (не бросив "на алтарь сочувствия" -- собственную *нервноподобность*), -- там человек равнодушный (читай - не особо интеллектуально развитый) просто-напросто не заметит всех тех моментов, из-за которых "первый" уже получил свою долю душевных мук, тревог, и несчастий. И с этим ничего не поделаешь. Это в какой-то мере закономерность существования индивидов в социуме. Быть может для кого-то это даже - выживание. Выживание в этом мире. Мире обмана, коварства, и несчастий. Так же как, впрочем, в мире любви и взаимопонимания. И на грани между первыми и вторыми масштабными "проектами" миропонимания - и балансируют люди подобные Артемьеву, и какому-нибудь его полному антиподу.

Но совсем не этому "пониманию" радовался сейчас Артемьев.

А все дело в том, что он на самом деле понял, что же *мешало* ему раньше "вздохнуть полной грудью". Что *мешало* ему жить той жизнью, жить которой, в общем-то, он жить был обязан. *Заслуженно обязан* (если уместно будет употребить сейчас всю эту тавтологическую неточность).

А все дело в том, что Артемьеву долгое время мешала его нервозность. Если угодно - истеричность. Истереподобность.

Как, быть может, кто и не хотел бы уменьшить значение всего этого для нормального существования индивида в социуме,-- тревожность (а нам уместнее сейчас говорить именно о ней) не только достаточно отрицательно сказывается на нормальной жизнедеятельности индивида, но и неким таинственным образом отбрасывает мироощущение нашего индивида - на уровень существования тех индивидуумов с неустойчивой психикой, о которых неприминут привести примеры авторы учебников по психопатологии. И, к сожалению, так это и есть. Чем больше развита тревожность, тем яростней попытки индивида начать жить совсем необъяснимой жизнью; жизнью, которую совсем нельзя назвать не то что нормальной (потому как она изначально *ненормальная*), но и которая приносит "обладателю" всей этой тревожности - исключительные беды и несчастья. И на первый взгляд, совсем невозможно избавиться от нее. Но это верно только "на первый взгляд", потому как Артемьев сам долгое время находился в плену обманчивых иллюзий.

А на самом деле... А на самом деле,-- он понял, что ничего страшного и не произойдет, если он просто не будет на некоторые (хотя бы на некоторые) вещи реагировать тем образом, как то делал раньше. И как только осознал он это,-- тотчас же почти что кардинально ситуация начала изменяться. И ведь требовалось-то только - чуть посвободнее (читай: попроще) реагировать на те жизненные ситуации, отношения раньше к которым измерялось

исключительно только болью от жесточайшего анализа этой самой действительности. А на самом деле,-- и ничего не было так уж страшно. Нужно-то просто было - "проще" относиться ко всему. И допустить, что найдутся люди, которым персона твоя - будет и безразлична, и - *ненавистна* (вот чего раньше Артемьев просто боялся допустить, стремясь "понравиться" всем и каждому).

Теперь этого не было.

Теперь он стал уверен в себе.

Теперь он готов был пойти на любой конфликт.

Теперь он готов был сказать "подлецу" -- что тот "подлец"! (И совсем безразлично было - какое общественное положение было у "подлеца"!).

Теперь Артемьев словно избавился от этого мучительного груза (камня на шее) в душе,-- который (раньше) жесточайшим образом оттягивал его назад.

Он стал свободен.

Он стал воздушен.

И, на удивление, он стал совсем неподвластен "нападкам" окружающих. Потому как они тоже стали улавливать (интуитивно догадываясь) какую-то невероятную силу, исходившую от него.

И ничто ему теперь не могло помешать быть "самим собой". И он только иногда переживал - почему же иногда таким не был раньше. Переживал,-- потому как переживания, конечно же, остались в душе его. Но они совсем не были теперь такими, каким всегда бывали раньше. Потому что ничто не мучило его теперь. А когда человек становится свободен, то он может себе позволить и доброту, и радость, и любовь.

Все то, что раньше Артемьев, как будто и не позволял себе. Предпочитая обходить стороной. Не замечать. А что-то - и целенаправленно игнорируя.

И теперь Сергей Сергеевич Артемьев мог признаться, что он счастлив. Да он, наверное, и на самом деле был счастлив.

А почему бы и нет?..

Книга 2

Часть 1

Глава 1

Мир Артемьева расширил свои границы. Теперь он вмещал значительно больше, чем Сергей Сергеевич когда-нибудь мог представить. Совсем исчезла патологическая неуверенность, которая заставляла нашего героя чувствовать себя бессильным ранее. Ничего этого не было.

А что же тогда было?

Глава 2

С каким-то удивительным смехом Сергей Сергеевич Артемьев теперь представлял еще как будто и недавно возникающие проблемы. Он совсем ничего ни боялся. Исчезновение страха - было главное, чему он мог как-то по-особенному гордиться.

Если сделать совсем незначительный экскурс в прошлое, то именно в наличии страха заключалось большинство из бед Сергея Сергеевича. Причем страх присутствовал, именно как боязнь нечто

неосознанного (а именно так следует интерпретировать понятие, сущность страха), что, заметим, бессознательно у Артемьева присутствовало всегда.

Границы страха были значительны. Они простирались,-- от боязни показаться кому-то смешным (а на самом деле "непосредственным"),-- до действительно страха, выражавшегося, например, в какой-нибудь разновидности агорафобии. Агорафобия - это боязнь открытых пространств. И ведь Артемьеву раньше действительно приходилось делать над собой усилие - чтобы заставить себя выйти на улицу.

Что он там боялся? Людей? Да, скорее всего, он боялся самого себя. Боялся как-то повести себя "не так". Чем вызвать осуждение у окружающих.

Никакой "реальной" критики, конечно же, он бы от них не услышал. Да и вряд ли кто бы решил критиковать его. Люди в основном заняты решением своих текущих или глобальных (в зависимости от размаха души) проблем. И вдаваться в какую-то критику Артемьева никому было совершенно не нужно. Для подавляющего большинства - Артемьев был совершенно посторонним человеком. И если кто скользнул иной раз по нему взглядом,-- то именно *скользнул*. А значит - тотчас же забыл. И, конечно же, совсем не задумываясь, что уже тем невольно (тем, что посмотрел на Артемьева) поверг в смущение Сергея Сергеевича.

Артемьев не мог этого не понимать. Но в том то и дело, что *понимание*,-- явно противоречило тому, что видел Сергей Сергеевич как говорится,

бессознательно. А бессознательно он видел все совсем уж в мрачном свете.

Но это было раньше. И теперь (когда наш герой освободился от мешавших ему внутренних противоречий) свое прежнее поведение Сергей Сергеевич, конечно же, воспринимал с чувством сожаления; если бы ему измениться раньше?! Наверняка тогда бы не произошло всех тех бед, последствия от которых он испытывал всю сознательную жизнь. До тех самых пор, пока не понял - что можно (ведь) совсем и не замечать всех этих несчастий.

Нельзя было сказать, что все "проблемы" исчезли с момента его *понимания*. Вероятно, все же прошло какое-то время, во время которого ему пришлось (что скрывать) еще и "убедить" себя в том.

Но то, что в итоге все у него получилось - было бесспорно.

А значит, и вполне можно уже было радоваться только за это. Ведь, по сути, это невероятное достижение (значительность достигнутого нами прямо пропорциональна пути, который пришлось пройти для достижения цели).

Но самое невероятное заключалось в том, что у Артемьева и раньше возникали предпосылки чего-то подобного.

И наверняка, еще и раньше должна быть у него радость (испытывание радости) от того, если бы нынешние события произошли *тогда*.

Но вот в том то и дело, что *тогда* - этого не случилось. Не произошло. Не могло произойти. А

сейчас... Сейчас осознание сего факта - уже и смотрелось совсем по другому.

Глава 3

И все же, если вернуться на несколько лет (а то и десятилетий) назад. Ведь невозможно было отрицать того, что ничего подобного раньше Артемьев не испытывал? Да, верно, первые признаки настоящего внутреннего счастья да равновесия - появились у него давно. И почти так же как появились - они и прекратились. После чего, с какой-то удивительной периодичностью вспыхивали, превращаясь как будто бы во что-то реальное; но на самом деле - как будто что-то мешало им набрать силу. И поэтому, оставив в душе Артемьева предчувствие какого-то счастья (которое, конечно же, совсем не обязательно, что должно было произойти в скором времени),-- все эти звездочки удачи и радости проходили, и, можно сказать,-- исчезали совсем.

Но уже потому, что они все равно возвращались - мы можем допустить, что (пусть и малый процент) ощущения счастья Артемьева не покидал. Никогда. И, наверное, именно это и (в конце концов) и послужило тем невероятно восхитительным фактором *явления счастья*.

Глава 4

В чем же выражалось новое (новое ли?) для Артемьева состояние? Наверное, прежде всего, нужно говорить о настоящей уверенности, доля оптимизма

которого насыщало сознание нашего героя, после чего он уже совсем иначе видел свою жизнь.

Да и сама жизнь, конечно же, изменилась. Ведь Артемьев теперь возвышался над возможностью возникновения каких-нибудь проблем словно колосс. И с высочайшей долей настоящего юмора, относился он теперь ко всему, что происходило, или могло произойти с ним. И нипочем ему были беды или несчастья. И даже казалось странным, что раньше он мог уделять этому столько внимания.

Ничего *прежнего* от Артемьева не осталось. Он был совсем другим человеком. Уверенным в себе, даже, можно сказать, *улыбающимся* (что раньше было превеликой редкостью).

Хотя, в полной мере веселым Артемьева до сих пор было еще назвать трудно. Но здесь, скорее всего, мы должны говорить о пока (и все еще) существующей "зависимости" Артемьева от каких-то мыслей, которые нет-нет, -- да и приходили в голову.

Мы имеем в виду, конечно же, по особенному мрачные мысли, которые досаждали нашему герою, и остатки которых (несмотря на вполне искреннее желание его от них избавиться) периодически еще появлялись в его голове. И ведь насколько было важно (в этом случае) научиться как-то игнорировать эти мысли. Не так как раньше - переживать и расстраиваться. А, например, улыбаться и смеяться. И ведь вполне можно допустить, что в этом случае возможно и снижение их какого-нибудь (по особенному зловещего) негатива.

А если разобраться - любые мысли могут нести в себе негатив. Любые. И в чем-то "хорошем" -- неврастеник и меланхолик (а значит и пессимист)

может видеть только "плохое". Так же как в "плохом" -- можно как-то нивелировать смысл этого самого "плохого". Замечая,-- наоборот - замечая,-- только хорошее.

И в этом была суть методики, которую Артемьев (бессознательно, конечно же, бессознательно) разработал сам для себя.

Суть этой "методики" была относительно проста. Не нужно было думать о плохом. Необходимо было выявить в возникшей ситуации что-то "хорошее" (что было в любой ситуации; даже самой негативной и отрицательной). А потом - уцепившись за это "хорошее",-- добиться того, чтобы ситуация и на самом деле - *сменила свой окрас*.

Вот так вот. И совсем необязательно было делать как-то иначе. Точно также,-- как не нужно было обращать внимание на критику окружающих. Она могла возникнуть. Да и вполне нормально - что возникала. Но ведь совсем можно было не замечать ее. Вернее, тут так. Если вы знаете, что можете не совсем адекватно реагировать на какую-то критику (не адекватное реагирование - это слезы, истерика, расстройство, депрессивные состояния),-- просто-напросто не замечайте этой "критики" совсем. Не обращайтесь на нее внимания. Игнорируйте ее.

Если же знаете, что критика хоть и будет вам неприятна - но ничего "серьезного" с вами не произойдет, то можете наоборот - позволить себе даже испытать мазохистское удовольствие (в том), чтобы *окунуться* в эту критику. Как бы *поплавать* в ней. А потом быстро и безболезненно забыть о ней. И жить своей обычной жизнью (только, конечно же,

если это не жизнь неврастеника со всей этой симптоматикой тревожно-депрессивных состояний).

То есть, иными словами, - вы как бы "возвышаетесь" над проблемой. Не даете проблеме завладеть вами. Быть может даже -- насмехаетесь над ней.

И это вполне нормально.

Даже более,-- именно это: *нормально*. А все остальное может быть достаточно ошибочным. И сделать человека несчастным.

Глава 5

Возможно ведь многое. Например, начинать вводить какие-то эксперименты со своей жизнью. Ведь главное (ну, по крайней мере, как нам видится для Артемьева) *не застаиваться, не зацикливаться* на чем-то одном (будь то поведенческие мотивы, будь то просто жизнь), а варьировать в своей жизни отношения, например, к другим людям. Отношения к той или иной ситуации.

Это, конечно же, может показаться спорным. Но так получалось, что Артемьев придерживался именно такой точки зрения. И, быть может, это (да, в какой-то мере это и так) позволяло ему "вырулить" из той бездны, в которую он погружался.

А почему бы ему не поэкспериментировать. Ведь он оказался перед жесточайшим выбором. Или предпринять какой-либо жест отчаяния (быть может, последний в своем роде) и выбраться из всей этой смуты сознания; или смириться с происходящим. Что означало бы в скором времени смерть. Или физическую (конец существования), или ментальную (что то же самое, потому как сама бы жизнь уже не

выражалась в том ключе, воспринимать в каком ее и надо было.

.....
.....

Решительность. Вот то, чего ему не доставало всегда. Вот то, к чему он стремился. И от чего каким-то образом удалялся всякий раз, когда казалось наоборот,-- необходимо было приблизиться.

Артемьев каким-то незадачливым (для него, разумеется) образом боялся этой самой решительности.

И все же это было нечто,-- что (он чувствовал) ему было необходимо.

Если вернуться намного лет назад (разобрав, например, жизненный отрезок периода с раннего юношества до периода его среднего возраста), то можно было признаться, что именно решительность, именно этого уникального качества ему никогда не доставало.

Но вот это, скорее, выразалось в каком-то его внутреннем мироощущении. Потому как внешне - вряд ли кто из знавших Артемьева, мог сказать, что тот был неуверен.

Да он бы и не допустил, чтобы так думали о нем. И вот уже в этом была заключена трагедия. Потому как Артемьев всегда больше заботился - как о нем "подумают"; при этом (что удивительно) его второе "Я" получало все легитимные права на ведение двойной игры. Но было еще что-то и "третье". Именно

на него возлагалась обязанность играть жизненную роль. То, что делало это третье (не только с величайшего "попустительства", но и с "одобрения") и "первого" и "второго" -- было самым величайшим раздражителем первых двух. Потому что зависело оно - исключительно оттого,-- что о нем подумают (об Артемьеве, разумеется). И можно сказать, что это "третье" находилось под неким вечным прессингом со стороны и "первого" и "второго". И все равно, то, что оно вытворяло, - можно было считать чем-то эксклюзивным и независимым от чьего-либо суждения.

Что же это было за "третье"?

Какова его была роль?

Так ли велика была его важность?

Или это все больше было наигранным и напускным, чем реально существующим?

Великий парадокс существования в Артемьеве 3-х жизненных начал столь часто находил подкрепление в реальной жизни, что ничто не могло бы способствовать и избавлению от него.

Это была некая тайна, в которой сам Артемьев никогда бы не признался. Ведь как у большинства: одно,--это то, каким нас видят окружающие. И второе,--то, каким мы видим себя сами. Если два этих понятия разнятся - это еще не так страшно. Если они разнятся значительно - то это уже настоящая трагедия. И человек или вынужден выбирать что-то одно (и прослыть в зависимости от этого выбора,--или чудачком, или мерзавцем),--или балансировать между двумя совсем различными (если мы предположили - что они совсем различны) "началами",--и значит

подвергать обладателя подобной психики - риску. Риску существования в этой жизни. И иного, быть может, не дано. (Ну, за каким-то редчайшим исключением).

Но ведь у Артемьева как оказалось, было нечто и "третье". И как мы выяснили (в чем-то поверив и самому Артемьеву) это "третье" своим существованием - как бы насмеялось над "разгулом" "первого". Над аскетической сдержанностью "второго". И словно действительно существовало само по себе.

Что оно из себя представляло?

Образ. Выдуманный, исключительно выдуманный образ. И к тому же образ - все время поддерживаемый. Причем в этом, как ни странно, было заинтересованно - и "первое" и "второе".

И с этим ничего нельзя было поделаться. Как, наверное, и нельзя было так то уж смириться. Уж слишком нереальным казалось существование его.

Но оно существовало.

Существовало.

Кстати, через много лет Артемьев избавился именно от этого "третьего". А потом в какой-то мере и от "второго". Точнее, он загнал это "второе" (свое "Я") в такие дебри (собственного бессознательного?), что оно уже даже перестало раздумывать (что, признаемся, еще случалось поначалу) как же ему оттуда выбираться.

Заглушил, заглушил Артемьев свое второе "Я". Не только перестал с ним считаться, но и по каждому поводу старался додавить его. Превратить в совсем

бессловесного раба. Сделать так, чтобы это "Я",--
быть может, и вовсе перестало существовать.

Чего, конечно, добиться бы нашему герою
никогда не удалось. Но, судя по его поведению, он
уже явно вкусил победу.

Вот ведь как.

И с этим необходимо было, как минимум,
считаться.

Чувствовал ли Артемьев какую-то вину за то,
что так произошло? Да полноте. Какую же он должен
был чувствовать вину?

Почему он должен был чувствовать вину?

Он чувствовал радость.

И в этом, в общем-то, и был весь Артемьев.

Ничтожество, по сути.

Но многие его любили.

И мы в том числе.

Часть 2

Структура психики, предложенная австрийским
профессором психиатрии доктором Зигмундом
Фрейдом включала разделение на три составляющие:
сознание, бессознательное (тайные желания, то, что
заключено в глубинах психики), и альтер-эго
(критицизм, то, что удерживает индивида в рамках
реальности).

Действующие лица.

Первый. Сознание. Собственно сам Артемьев. Такой, какой он в жизни. В какой-то мере это та "маска", которую он носит; тот образ, который он создал.

Второй. Альтер-эго, или его второе - "Я".

Третий. Бессознательное. (Шутливое и бессердечное, все время норовящее сбить своего хозяина с колеи привычной ментальности).

Ego (первый) - Высокий, симпатичный молодой человек.

Альтер-Ego (второй) - чуть выше среднего роста, "располагающий к себе" мужчина средних лет.

Id (третий) - красивый, харизматичный с невероятной энергетикой молодой мужчина.

Глава 1

Первый. -- Сегодня замечательное утро.

Второй. -- Совсем не обязательно так радоваться.

Третий. -- А я предлагаю немножечко пошалить.

Второй. -- Дошалился уже.

Третий. -- Да полноте так пугаться-то всего. Разве у вас никогда не было желания побыть самим собой? Ведь это так прелестно - "самораскрыться". Выявить (и максимально использовать) потенциал, заложенный от рождения.

Первый. -- А может это и правда? В кои-то веки предлагают.

Второй. -- Ну, допустим, предлагают постоянно. Можно сказать, ничего кроме предложений и не следует.

Третий. - Вы не верите, что все возможно сделать в реальности?

Второй.--Да чего уж тут не верить?! Дай вам волю - Вы такого наворотите.

Третий.--Что за скептицизм, мой друг. Не все так печально, как ты это хочешь все время увидеть.

Второй.--Никак не могу привыкнуть в Вашему стремлению к фамиллярности.

Третий.--А что привыкать-то?! Живем-то вместе.

Второй.--Ну, предположим, в силу определенных обстоятельств - мы вместе вынуждены проживать. Но на этом все и заканчивается.

Первый.--Все те же извечные споры.

Третий.--Как всегда.

Второй.--Как всегда.

Глава 2

Второй.--А не кажется ли Вам, что настало время серьезно задуматься над тем что происходит?

Третий.--А, полноте. (*Небрежно*).--Вечно у вас какой-то невероятный скептицизм.

Второй.--Это наша жизнь. (*С некоторой долей самоуверенности*).

Первый.--На самом деле все ваши проблемы настолько мелочны, что даже неловко мне и вспоминать их.

Второй.--Наши. Это наши проблемы.
(*Поправляет его*).

Первый.--Да, да, это наши проблемы. (*На удивление "второго" легко с ним соглашается*).

Третий.--А я думаю - можно немножечко и покутить. Как вы смотрите на то, чтобы промотать недавнюю премию в ближайшем кабачке?

Второй.--Премии уже нет. (*Медленно произносит, опустив глаза в низ*). Все деньги были потрачены на насущные нужды.

Первый.--Да, да. Все на самом деле потрачено.

Третий.--(*Недоверчиво*). И кто же распоряжался деньгами?

Второй.--Деньгами мы распоряжались вместе. (*Смотрит на второго*). И это по настоящему оправданно.

Третий.--Да к черту вашу оправданность! Я уже не могу без женщин, музыки, шампанского!

Второй.--(*Подчеркнуто*). По-моему вы пьете коньяк?!

Третий.--(*Гордо*). Я пью все!

Первый.--Вы знаете (*начинает смущенно говорить, оглядываясь на остальных*),--у меня там есть небольшая "зачачка". Оставил "на черный день". Можно купить немножечко коньячка, и посидеть как в старые добрые времена.

Второй.--Ну почему бы и нет?! (*Неожиданно соглашается*).

Третий.--Вот это да!? (*Не скрывая своего изумления*). И это наш "поборник нравственности"? Слуга закона! Наша честь и совесть. (*Насмехаясь*).

Второй.--Какая же ты сволочь! (*Искренне и как-то изучающее смотрит на него*).

(*Тот заметно ежится под взглядом*).

(*Но это только минутный порыв "слабости"*).

И вот он уже отчаянно принимается хохотать в лицо "второму", точнее, все время стараясь заглянуть ему в лицо, которое тот сначала убирает, а потом в испуге пятится назад).

(Неожиданно "второй" делает резкий скачок вперед, и коротко бьет сбоку в челюсть. "Третий" падает).

Второй.--Ногами я тебя добивать, сволочь, не буду. Но если еще раз услышу твой смех, адресованный мне,-- у тебя будут неприятности.

*Третий.--Неприятности? *(громко восклицает)*. Да если бы не я,-- вы бы уже сгнили в той жуткой реальности, куда вы вдвоем все норовите погрузиться.*

*Второй.--Это не так *(Произносит спокойно, но можно заметить что он смущен увиденным)*.*

*Первый.--Неужели все так печально? *(Улыбается, видимо, пытаясь помирить недавних друзей)*.*

**(Ему никто не отвечает. Все как будто разом погружаются в свои мысли. Говорить больше никто не хочет)*.*

Глава 3

Те же действующие лица. Сейчас они все вместе куда-то идут.

Наши попытки заглянуть вперед их - безрезультатны. Впереди их неизвестность. Хотя, видимо, это все-таки не совсем так. Потому как движение наша троица не замедляет ни на секунду. А даже наоборот - темп их шагов возрастает.

(--Куда вы идете?--хочет спросить автор. Хотелось бы спросить. Но жизнь научила, что можно совсем не торопить события. Тем более, не лишать себя преимущества наблюдать за происходящим со стороны. Как бы не рассекречивая

себя, и в тайне все же любясь за тем, что происходит).

Третий.--по-моему, я уже идти не могу.

Первый.--И как ни странно - я тоже.

(Останавливается, всем своим видом показывая, что больше он не сдвинется с места). Я больше не сделаю шага. Пока не узнаю, куда мы идем?

(Вот те раз,--изумленно говорим мы.--
Получается, о том, куда они все направляются - знает только "второй"). Да, по всей видимости, о том, куда они идут - знает только "второй").

Второй.--Вы будете продолжать движение ровно столько, сколько потребуется (произносит металлическим голосом).

(Недавние "бунтовщики" повинуются ему, и понуро опустив головы, продолжают движение).

Третий.--А можно хотя бы узнать конечную цель назначения? (Заметно, что за показной веселостью у него скрывается тревога).

Второй.--Вперед! (командует, и заметно увеличивает темп движения. Остальным ничего не остается как повиноваться ему).

(Проходит какое-то время, и они уже почти бегут за ним. "Первый", косясь на "второго", стремится все время быть на полшага впереди. "Третий" замечает это, и начинает дико хохотать. Из-за этого он останавливается, и "второй", поравнявшись с ним, резко бьет открытыми

ладонями его по щекам. Истерический смех заканчивается. Движение возобновляется).

Глава 4

Насколько Артемьев предполагал, что ситуация так скоро начнет выходить из-под его контроля?

Скорее всего, вряд ли он думал, что это произойдет так скоро.

Но ему необходимо было теперь научиться как-то "подстраиваться" под происходящее.

Или наоборот. Отпустить его. И какое-то время (хотя бы какое-то время) совсем не вмешиваться.

Глава 5

Первый.--Я не думаю что ситуация на самом деле такая печальная (*произносит словно ни к кому и не обращаясь*).

"Второй" напряженно всматривается в него, видимо заинтересовавшись невольными откровениями обычно сдержанного первого.

"Третий" понуро бредет вслед ушедшим далеко вперед товарищам. Заметно, что в его голове происходит какая-то мучительная борьба. Ему вроде как и хочется что-то возразить им, но и при этом что-то сдерживает его. Или он попросту не хочет. Потому как,наверняка, если бы захотел - смог. И только по его блестящим глазкам можно догадаться, что он действительно что-то задумал.

В ближайшее время события разворачиваются стремительнейшим образом.

Словно бессознательно стремясь нагнать товарищей, через какое-то время "третьему" это удастся. Но вместо того, чтобы поравнявшись с ними идти рядом, он неожиданно набрасывается сзади на второго, и, зажав его шею борцовским захватом (голова попала в локтевой сгиб), вместе с ним заваливается назад (так что сам лежит на спине, а противник беспомощно полуудушенный, на нем, спиной на его груди). "Третий" еще больше сдвигает свой локтевой сгиб к груди. Между локтевым сгибом и грудью - шея "второго". Тот задыхается.

Второй.--Что... что ты делаешь? (кряхтит. По всему видно, что еще немного, и сознание отпустит его. Из-за пережатой артерии и сдавленного горла, кислород все реже попадает в легкие. Кажется еще немного, и все будет закончено).

Неожиданно какая-то невидимая сила отбрасывает "третьего" в одну сторону, а "второго" -- в другую. И видимо "на всякий случай" -- "первого" тоже отбрасывает в сторону.

Это вмешивается автор.

Ведь наше повествование совсем не может закончиться на этом. Ведь автору очень хочется хотя бы узнать - куда же вся эта троица направлялась? Да и было бы интересно узнать - что же будет дальше?

Второй.--Мы уже скоро придем (его голос совсем спокоен. Словно бы да этого ничего и не было).

Третий.--Да, я думаю уже совсем скоро (соглашается с ним, и даже как-то по доброму улыбается. О недавнем конфликте, словно ничего и не говорит. И уже можно подумать что, быть может, он и не собирался так то уж его душисть? А прост о хотел... Ну, скажем, чуть испугать того. Так сказать "для острастки". Ну, или,-- другим в назидание).

Второй.--Я думаю вы как всегда преувеличили опасность (Это он обращается ко мне. И я уже чуть было не пытаюсь ругать себя, что просто проглядел мазохистскую ориентацию Егор души).

Впрочем, так ли это?

Но и все же видимо я что-то "проглядел" во "втором". И теперь уж точно нельзя относится к нему совсем уж легко.

Нет, конечно же, можно было "внезапно обидеться", и попросту вычеркнуть его из романа.

Но что-то подсказывало мне, что я и не могу так сделать. Да и в какой-то мере эта часть книги замыкалась на нем. И он видимо об этом знал. Или догадывался. Или предположил (или предположил, и теперь стремился "проверить" свою версию). И получалось, что уже совсем независимо что я скажу - в выигрыше останется он. Это напоминало шахматную задачу по типу: белые начинают - и выигрывают. Только теперь выигрывал он. Независимо от цвета. Независимо от первоочередности ходов. Совсем независимо ни от

чего. Он должен был выиграть "по факту". Потому что, возможно было только так, а не иначе. И мне как будто бы необходимо было считаться с этим. Но я все же тешил себя надеждой, что вправде что-то решать (изменяя, тем самым, ход повествования) только я. Так что на какие-то попытки Альтер-эго возвыситься, таким образом, в своей душе (в его - но не моей) смотрел довольно снисходительно.

Глава 6

Первый.--А вот скажите мне, любезные мои (он обводит взглядом приятелей. Заметим, что в зависимости от "настроения" они для него были то приятелями, то товарищами, а то и друзьями) насколько вы уполномочены вмешиваться в мою судьбу?

Второй.--Ты хочешь самостоятельности? (произносит как-то обеспокоено. При этом заметно, что никакой особой "обеспокоенности" не было. Потому как уже в следующую секунду его взгляд принимает разгневанный вид. И можно догадаться, что это не предвещает "ничего хорошего". А то и наоборот. Автору даже приходится тяжело вздохнуть, предположив, что вновь придется вмешиваться).

Третий.--А давайте кутить! (можно было предположить что он живет какой-то своей жизнью. Мало, на самом деле, прислушиваясь к тому, что говорили первые два). Я, например, сейчас отправляюсь к одной "милашке".

Первый.--Молодая-красивая?

Второй.--Как это низко! (*произносит в сердцах. В вашем-то возрасте думать о молодежных забавах*)..

Третий.--"Любви все возрасты покорны" (*напеваает было, но заметив испепеляющий взгляд "второго" замолкает, при этом что-то пробурчав по поводу невозможности свободно выражать свои чувства*).

Первый.--А действительно (*вроде как загорелся предложенной идеей*). Быть может и меня возьмешь с собой? Точнее,--пусть она пригласит пору подруг - и развлечемся все впятером.

Второй.--Как это низко (*выдыхает, с трудом сдерживая свое негодование*).

Третий.--"Низко"? Низко что? (*говорит так, чтобы его спровоцировать*).

Второй.--Низко удовлетворять таким образом свои инстинкты.

Третий.--Так из этого-то и состоит жизнь (*неподдельно удивляется*).

Второй.--Совсем не из-за этого (*убежденно замечает*).

Третий.--А из чего? (*все так же "неподдельно" удивляется*).

Второй.--Есть жизненные ценности. Есть нормы поведения. Существуют особые правила, нарушать которые просто не полагается.

Третий.--Опять за свое (*махнул рукой и отвернулся. В начавшемся споре никто не может убедить другого. Можно было только насильно заставить смириться. И так получалось, что "смиряться" всегда все, кроме "второго". Тот чувствовал это. И можно было признать, что особо не зверствовал в своем стремлении к подчинению. Хотя совсем не мог - чтобы ему не подчинялись*).

*Совсем не мог. Так вышло и на этот раз.
С ним, конечно же, все вынуждены были согласиться.
Именно вынуждены. Потому как о чем они на самом деле думали - можно было предположить.*

Хотя иногда казалось что они не думали ни о чем.

Но так считать было бы ошибочно).

Второй.--Я думаю, что иногда конечно я могу позволять какое-то снисхождение в отношении вас (произносит чувствуя свою власть). Но вы должны попытаться меня убедить - что впредь---

Первый.--(Перебивая). Я ни о чем никого убеждать не буду.

Третий.--Я тоже (несмотря на то что произносит как будто уверенно, видно, что он сомневается. Ему как минимум, хотелось выслушать обо всех условиях. И уже заметно что он пожалел за ответ, бессознательно вырвавшейся у него. Потому как уже в следующую секунду сделал такое заинтересованное лицо, что если бы попался с подобным выражением лица студент какому-нибудь преподавателю - тот бы "автоматом" поставил ему аттестацию, совсем не спрашивая ни о чем.

И, по всей видимости, "второй" не мог устоять. Тем более что он знал, что, несмотря на какое-то сопротивление - и "первый" тоже будет слушать.

Ну так, по крайней мере, "второму" казалось.

И в чем-то он был прав.

Как всегда прав.

Потому как в течение последующих десяти минут (пока он перечислял все условия),-- и "первый" и "третий" действительно внимательно слушали его.

И без каких-либо возражений они приняли все, о чем им говорили.

Вот так вот).

Глава 7

Первый.--И совсем необязательно теперь было даже думать о чем-то. Как-то неожиданно ограничены все наши права. Так что даже обидно.

Второй.--А ты что думаешь? (смотрит на "третьего", после того как попросил высказаться товарищей о том, что они думают по поводу его недавних слов).

Третий.--А я вообще ни о чем не думаю. Любые попытки навязать мне свою волю - я, конечно, вынужден буду фиксировать в своей памяти. Но не больше.

Второй.--То есть беззаговорочно подчиняться - отказываешься?

Третий.--Я хочу чтобы ты кое-что понял (произносит неожиданно серьезным голосом. Раньше такого за ним не замечалось. Поэтому это и вызывает сейчас удивление товарищей, которые несколько обеспокоено смотрят на него),--по масштабам потенциала заложенного в нас - мало кто из вас может сравниться со мной. Я скажу даже более: вы все в какой-то мере зависите от меня. Подписываетесь тем, что черпаете в моих глубинах. И ставить мне какие-то условия...Это выглядит по меньшей мере странным.

Второй.--Настолько странным, что подчиняться и следовать нашим правилам ты не намерен?

Третий.--Считайте что так. У меня свой путь. И если не будет меня - ваша жизнь примет совсем односторонний порядок.

Причем в большей мере чего-то бояться - стоит тебе (*смотрит на "первого", который смущается и опускает глаза под этим взглядом*). Именно ты будешь находиться в таких рамках, из которых тебя в скором времени будет и не вызволить.

Второй.--Так ли это?

Третий.--Не перебивай! Дай мне хоть раз досказать то, о чем я думаю. ("Второй" *утвердительно кивает, соглашаясь, и видимо "в душе" признавая право "первого"*).

...И совсем не обязательно... совсем не обязательно... (запнулся. Заметно что он потерял мысль. На какое-то время образуется пауза. Наконец на его лице появляется полуулыбка (*он вспомнил!*))...и совсем необязательно пытаться так-то уж критиковать все сказанное мной. Ведь важно совсем не это.

Второй.--Да? А что же тогда? (*иронически смотрит на него*).

Третий.--Важно то, что во мне таится нескончаемое богатство, доставшееся мне от предков.

Первый.--(*Произносит про себя, словно вспоминает что-то*).Опыт предков. Коллективное бессознательное. Филогенетическая память.

Третий.--Вот именно!

(*И "третий" и "второй" совсем забыли, что "третий" умеет читать мысли. Сейчас кто-то из них в этом убедился, кто-то вспомнил об этом. И одному и другому стало как-то "не по себе"*).

В какой-то момент они даже готовы были признать безоговорочную капитуляцию перед

"третьим". Да "первый" это бы и сделал. Но он самым удивительным образом находился в этом вопросе под защитой "второго". И потому сейчас ничего не сказал. И даже ни о чем не подумал. Вернее,--постарался не думать. Но, видимо, начало мысли все же пошло, и этого хватило "третьему" чтобы сделать какие-то свои выводы).

Третий.--...и для меня поистине удивительно,-- что несмотря на все это,--вы еще позволяете себе высказывать против меня какие-то мысли.

Да стоит мне действительно захотеть - и я могу лишитъ вас всего, что вы хотите! (Видно, что он не на шутку рассердился. Глаза его пытаются гневом. Кулаки сжаты. От него исходит настоящее ощущение опасности).

Второй.--Стыдно должно быть от таких слов.

Третий.--Не меньше, чем должно быть стыдно тебе.

Второй.--А мне все время стыдно. Стыдно за вас обоих. И особенно за тебя.

Третий.--Ой ли?!

Второй.--Представь себе.

Третий.--Ну тогда я вообще сейчас замолчу. И уйду от вас.

Второй.--Вперед! Проживем как-нибудь.

Третий.--Не проживете! Сами прибежите. Умолять будете вернуться. Но я уже не вернусь.

Второй.--Ну и катись! Шизофреник.

Третий.--Сами вы шизофреники. Обои...

Послесловие

Все закончилось так же неожиданно, как и началось.

И это было как раз вовремя. Уж очень Артемьев стал чувствовать себя как-то нелепо. Словно бы несколько раз подряд он оказывался в "дурацкой" ситуации. И словно бы эти ситуации - грозили повторяться теперь постоянно.

Не грозили. Теперь - не грозили. Он сам, сам, усилием воли прекратил все эти нелепости. И тотчас же почувствовал такое сильнейшее моральное удовлетворение, словно ему удалось выполнить работу, которую многим не под силу было выполнить до него. И которую, наверное, он не выполнил бы и сам. Ни за что не выполнил. Если бы сейчас,--как и уже много раз раньше,--не вмешались те силы (вполне,--он допускал,--которые могли принадлежать и одному человеку), которые вырвали нашего героя от всех тех *недоразумений*, в которых он мог оказаться.

И он радовался этой победе.

Радовался так, словно бы действительно сам был повинен в ней.

Тогда как мы знаем - какое-то его участие было совсем призрачно-символичным. Сколько бы он себя не тешил в душе,-- что это случилось благодаря ему. Ну, там, скажем, благодаря его воле, силе воли. И всему тому, что базируется на каком-то участии этой воли. Что, в какой-то мере, было не так.

И все же, можно было сколько угодно "смаковать" подробности столь чудесного избавления Артемьева,--но мы поостереглись так то уж утверждалось что-то конкретное.

Хотя, если симптоматика не повторялась какое-то время, ведь это уже *удача*. Пусть и относительная. Но прекрасная и радостная, в своей привлекательности.

Артемьев действительно мог торжествовать победу.

Но он думал сейчас вот о чем... Ведь по сути,-- ничто не могло исчезнуть так - чтобы через какое-то время не повториться.

А значит, он должен был выработать у себя какое-то "противоядие". Что бы что-то подобное уже никогда не повторялось.

И вот это. Наверное, было самое трудное.

Потому как он совсем не представлял себе - в чем должно заключаться это "противоядие"?

Но наверняка он должен отталкиваться от того, что называется *уверенностью*. По крайней мере, это было сейчас единственное, чему он искренне (даже слишком искренне) верил.

А значит, мог, хотя бы, попытаться.

И на самом деле - это было действительно прекрасно.

Артемьев ощутил, как внутри него разливается удивительная сила.

Она заполняла его всего, проникала в каждую клетку мозга, насыщала каждую частицу его тела, разглаживала совсем - некогда - запутавшиеся мысли.

И что было самое главное - от всего этого хотелось жить.

--А может это и есть жизнь? -- впервые за всю свою жизнь по настоящему удовлетворенно подумал Сергей Сергеевич Артемьев.

В душе его впервые было невероятно спокойно. Ни один мускул его тела (тоже впервые!) не содрогался от предчувствия надвигающейся опасности.

Ему совсем не нужно было за что-то переживать.

Ему впервые, совсем не нужно было волноваться.

Он впервые - мог позволить себе это.

--Так вот какая она... настоящая жизнь,-- умиротворенно повторил Артемьев.-- Почему же раньше он не испытывал ничего подобного?..

Артемьев не мог ответить на этот вопрос.

Он уже никогда не сможет ответить ни на какой, задаваемый жизнью, вопрос.

...Для него земное пребывание завершилось.

Но если кто когда попытался бы пожалеть его в эту минуту,--то, быть может, и не надо было это делать.

Ведь Сергей Сергеевич Артемьев умер от счастья.

А это, признаться, дорогого стоит...

13 октября 2005 года.

Зелинский Сергей Алексеевич.

© С.А.Зелинский. Маскарад души.